ЭР1
821

Эр1 821

БИБЛІОТЕКА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ"
РОССІИ

Кап. 2-го ранга
А. П. ЛУКИНЪ

ФЛОТЪ

I.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ
„ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
на 1934 г.

Книга 49

ПОДПИСКА НА 1934 ГОДЪ

На самый большой еженедѣльный русскій ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, издающійся въ Парижѣ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

ВЪ 1934 ГОДУ ПОДПИСЧИКИ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ" ПОЛУЧАТЪ:

52 НОМЕРА богато иллюстрированнаго журнала съ произведеніями выдающихся русскихъ и иностранныхъ авторовъ, разсказами, очерками, воспоминаніями, репортажемъ, карикатурами и фотографическимъ матеріаломъ изъ жизни Сов. Россіи и всего міра.

И 52 КНИГИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ (ЕЖЕНЕДѢЛЬНО)

БИБЛІОТЕКА „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"

52 КНИГИ ПРИЛОЖЕНІЙ „ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ" СОСТОЯТЪ ИЗЪ.

19 кн. =	ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	**Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО**
20 кн. =	ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	**Л. Н. ТОЛСТОГО**
5 кн. =	ОКОНЧАНІЕ ПОЛН. СОБР. СОЧ.	**Н. В. ГОГОЛЯ**
1 кн. =	СКАЗКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ	**А. С. ПУШКИНА**
1 кн =	РАЗСКАЗЫ	**МАЙНЪ РИДА**
2 кн. =	„Записки Охотника"	**И. С. ТУРГЕНЕВА**
1 кн. =	ОКОНЧАНІЕ „ВОСПОМИНАНІЙ"	**Вел. Кн. Александра Михайловича**
2 кн. =	Морскіе разсказы „ФЛОТЪ"	**А. П. ЛУКИНА** Капитана 2-го ранга.
1 кн. =	Очерки „БУРСЫ"	**Н. ПОМЯЛОВСКАГО**

Всего 52 книги.

Напечатанныхъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, около 10.000 страницъ, представляютъ прекрасную библіотеку.

Условія подписки см. на послѣд. стран. облож.

ЭР1
821

Кап. 2-го ранга А. П. ЛУКИНЪ

ФЛОТЪ

Русскіе моряки во время Великой войны и революціи

Томъ I.

БИБЛІОТЕКА
"ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ"
ПАРИЖЪ

1934.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 30177 1979г.
сх48244

ПРЕДИСЛОВІЕ

адмирала Александра Ивановича Русина, б. начальника морского генеральнаго штаба и начальника морского штаба Его Императорскаго Величества Верховнаго Главнокомандующаго.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочелъ эту книгу. Несомнѣнно, она явится однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей зарубежной полки и съ интересомъ будетъ принята и иностранными моряками.

Трудъ капитана 2 ранга А. П. Лукина не представляетъ собой сухого перечня или обзора историческихъ событій и того развитія, какое получили они на русскихъ морякъ въ эпоху величайшихъ потрясеній, но является живой и увлекательной иллюстраціей этихъ событій, и въ этомъ и заключается его главная цѣнность. Книга вводитъ читателя — не моряка — въ совершенно новый для него своеобразный міръ и освѣщаетъ ему сокровенную отъ постороннихъ глазъ бытовую сторону минувшихъ событій, заставляя читателя не только участвовать въ нихъ, но и переживать все то, что было пережито и переиспытано русскими моряками. Цѣненъ этотъ трудъ еще и тѣмъ, что авторъ своимъ талантливымъ, образнымъ и правдивымъ изложеніемъ жизни и дѣятельности нашего флота заполняетъ существенную брешь въ морской литературѣ, оставшуюся еще со временъ нашего незабвеннаго морского писателя Станюковича.

Передъ глазами читателя, одна за другой, проходятъ страницы славнаго прошлаго русскаго флота, когда на его мачтахъ гордо развѣвался Андреевскій флагъ. Безпрерывные походы смѣняются боевыми эпи-

зодами, лихіе набѣги миноносцевъ — отважными дѣйствіями подводныхъ лодокъ, героическіе подвиги — взрывами и гибелью кораблей. Книга заканчивается трагической эпохой революціи — тѣмъ кровавымъ путемъ, которымъ пришлось пройти русскому офицеру среди пожарищъ анархіи родного отечества.

Немалаго труда и энергіи нужно было потратить автору, чтобы въ условіяхъ бѣженства и отсутствія архивовъ собрать и соединить воедино весь этотъ цѣннѣйшій матеріалъ. Будемъ надѣяться, что за первой книгой послѣдуетъ вторая, столь же насыщенная и увлекательная.

Адмиралъ **Русинъ.**

Отъ автора.

Настоящій трудъ, посвящаемый славному Россійскому Императорскому флоту, подъ Андреевскимъ флагомъ котораго я прослужилъ всю мою жизнь, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, не представляетъ собой хронологическую исторію его дѣятельности въ минувшую войну, а является лишь перечнемъ тѣхъ боевыхъ эпизодовъ, операцій, самоотверженныхъ подвиговъ и разнообразныхъ приключеній русскихъ моряковъ на протяженіи военныхъ дѣйствій и ихъ трагическихъ переживаній въ первые дни революціи, детальныя свѣдѣнія о которыхъ я собиралъ теперь, послѣ четырехлѣтней работы среди нашего разсѣянія по всему лицу Земли.

Многіе изъ моихъ доблестныхъ начальниковъ и товарищей отдали свою жизнь за родину и дѣло Союзниковъ, многіе пали жертвой кроваваго и безсмысленнаго террора. Ихъ имена я постарался запечатлѣть на этихъ страницахъ.

Сочту свою задачу исполненной, если наши славные Союзники-моряки и наши бывшіе достойные противники по орудію, о подвигахъ которыхъ мы всѣ читали съ такимъ восхищеніемъ, познакомятся въ свою очередь съ подвигами русскихъ моряковъ и переживутъ съ нами трагическую судьбу нашего родного флота.

Въ этомъ томѣ не умѣстился весь имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ. Льщу себя надеждой помѣстить его въ слѣдующемъ.

Капитанъ 2 ранга **А. Лукинъ.**

ФЛОТЪ

Записки морского офицера.

Наканунѣ событій.

Въ одинъ изъ іюньскихъ дней 1914-го года къ дебаркадеру Парижскаго Сѣвернаго вокзала подошелъ нордъ-экспрессъ. Изъ салонъ-вагона вышелъ начальникъ русскаго морского генеральнаго штаба вице-адмиралъ А. И. Русинъ въ сопровожденіи свиты.

Встрѣченный своимъ французскимъ коллегой, вице-адмираломъ Пивэ и другими представителями власти адмиралъ отбылъ на пласъ Конкордъ, гдѣ въ зданіи морского министерства для него были приготовлены аппартаменты.

Этотъ визитъ русскаго адмирала явился отвѣтнымъ на прошлогодній визитъ начальника французскаго морского генеральнаго штаба, такъ какъ, въ силу установившагося обычая, начальники генеральныхъ штабовъ морского и сухопутнаго обѣихъ союзныхъ странъ ежегодно обмѣнивались визитами для личнаго обсужденія военно-политическихъ вопросовъ на основѣ существовавшей между этими штабами военной конвенціи. Въ виду предстоящаго отъѣзда въ Петербургъ президента республики Пуанкарэ, нынѣшнее свиданіе было назначено на іюнь, до отъѣзда президента.

Послѣ офиціальныхъ визитовъ оба адмирала приступили къ дѣловымъ переговорамъ. Но тутъ сразу же обнаружились затрудненія, ибо адмиралъ Пивэ, несмотря на всю свою изысканную любезность, о мно-

томъ умалчивалъ. Чувствовалось, что на этотъ разъ полномочія его ограничены, и самъ онъ не рѣшается превысить ихъ и раздвинуть рамки переговоровъ. Тогда адмиралъ Русинъ рѣшилъ использовать первую же возможность, чтобы добиться отъ французскаго правительства расширенія этихъ полномочій. Случай скоро представился. Морской министръ давалъ парадный завтракъ въ честь русскаго адмирала.

Въ роскошномъ бѣломъ залѣ министерства былъ сервированъ столъ на 60 кувертовъ. Въ числѣ приглашенныхъ: министръ-президентъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Вивіани, военный министръ Мессими, виднѣйшіе депутаты, сенаторы, генералитетъ, въ томъ числѣ начальникъ генеральнаго штаба Жоффръ, высшіе чины флота... Въ центрѣ стола предсѣдательское мѣсто занялъ Готье — морской министръ, имѣя vis-à-vis адмирала Русина и по сторонамъ Вивіани и Мессими. По правую руку русскаго адмирала сидѣлъ вице-адмиралъ Пивэ, по лѣвую — вице-адмиралъ де Жонкьеръ.

Послѣ офиціальныхъ тостовъ за главъ государствъ морской министръ произнесъ горячую рѣчь въ честь гостя и русскаго флота.

Всталъ адмиралъ Русинъ. Воздавъ должное рѣчи министра и оказанному ему радушному пріему, адмиралъ сказалъ:

...«Цѣль моего визита — упроченіе тѣсной связи между нашими штабами, дабы тѣмъ самымъ создать лучшія условія для ихъ взаимной работы и еще болѣе укрѣпить братство союзнаго оружія.

«Мы не знаемъ ни дня, ни часа, когда судьба возложитъ на оба наши флота разрѣшеніе отвѣтственнѣйшихъ задачъ, когда русскому и французскому оружію, быть можетъ, придется дѣйствовать соединенно. Въ предвидѣніи этой возможности намъ необходимо съ полной откровенностью и довѣріемъ теперь же обсудить всѣ важнѣйшіе вопросы нашихъ вооруженныхъ силъ и окончательно по нимъ договориться.

«Я получилъ Высочайшія полномочія съ полной откровенностью отвѣчать на всѣ вопросы французскаго генеральнаго штаба. Государю угодно было подчеркнуть, что между такими испытанными союзниками, какъ Франція и Россія, не должно быть военныхъ тайнъ. Объ

этомъ Высочайшемъ повелѣніи я поставилъ въ извѣстность своихъ офицеровъ...

«Заранѣе увѣренный въ сочувствіи, которое встрѣтитъ во Франціи это пожеланіе моего монарха, и желая ближе познакомиться съ французскимъ флотомъ, въ частности съ его Средиземной эскадрой, о блестящемъ состояніи которой я столько слышалъ, льщу себя надеждой, что мнѣ удастся посѣтить ее въ этотъ пріѣздъ и присутствовать на ея маневрахъ»...

При этихъ словахъ морской министръ наклонился къ уху Вивіани и о чемъ-то зашептался съ нимъ.

Морской министръ. — Высказанная Его Превосходительствомъ мысль Его Величества Русскаго Императора встрѣчаетъ во французскихъ сердцахъ самый горячій откликъ... Я уполномочиваю васъ, адмиралъ, — обратился онъ къ вице-адмиралу Пивэ, — всемѣрно пойти навстрѣчу высказанныхъ пожеланій и ничего не скрывать отъ представителя дружественнаго намъ флота.

Адмиралъ Русинъ. — Съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я буду имѣть счастье довести эти слова до свѣдѣнія Его Величества... Пользуясь присутствіемъ здѣсь военнаго министра, я не могу не подѣлиться тѣмъ частнымъ разговоромъ, который имѣлъ передъ отъѣздомъ въ Парижъ съ нашимъ выдающимся профессоромъ военной академіи — полковникомъ Головинымъ[1]). Какъ вамъ хорошо извѣстно, полковникъ Головинъ былъ командированъ въ Парижъ для ознакомленія съ постановкой военнаго дѣла и высшаго военнаго образованія во Франціи. Онъ пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, хорошо изучилъ французскую армію и съ офицерами вашей высшей военной школы принималъ участіе въ различныхъ тактическихъ поѣздкахъ и рѣшеніяхъ задачъ. Такъ вотъ, что онъ мнѣ сказалъ: «Болѣе всего поразило меня во французской арміи удивительное трудолюбіе офицеровъ всѣхъ возрастовъ и ступеней. Съ такими офицерами Франція не можетъ не побѣдить, и вы увидите, — закончилъ онъ, — если грянетъ война, французская армія блестяще выполнитъ свой долгъ»...

Эта рѣчь произвела такое впечатлѣніе, что растро-

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и руководитель нашихъ военно-научныхъ курсовъ въ Парижѣ.

ганный Мессими со слезами на глазахъ обнялъ русскаго адмирала.

Завтракъ окончился въ приподнятомъ настроеніи. Когда встали изъ-за стола, Вивіани подошелъ къ гостю и сказалъ: **«ну, адмиралъ — тутъ пахнетъ порохомъ»...**

У Буэ-де-Лапейреръ.

Сверкающій «рапидъ» несся на югъ... Сосредоточенная на Тулонскомъ рейдѣ французская Средиземная эскадра, готовая къ походу, ожидала прибытія русскаго адмирала.

Послѣ упомянутаго завтрака ледъ растаялъ, и, сидя вдвоемъ въ служебномъ вагонѣ, оба начальника морскихъ генеральныхъ штабовъ откровенно обсуждали дѣла, изучали тактически-организаціонные принципы обоихъ флотовъ и ихъ техническія особенности.

Но вотъ и Тулонъ. Быстро пронеслись запыленные кактусы, виллы... Поѣздъ затормозилъ. Торжественная встрѣча.

У пристани великолѣпный катеръ. Взвивается вице-адмиральскій Андреевскій флагъ. Катеръ несется по сверкающей глади. Тишина. Виднѣется эскадра...

На флагманскомъ кораблѣ ждутъ. Уже все готово къ встрѣчѣ. Сбѣгаютъ фалренные. Въ струнку вытянулся караулъ. Оркестръ. Вдоль бортовъ — красная линія помпоновъ матросскихъ шапочекъ.

Катеръ приближается...

Особымъ французскимъ манеромъ сверкнули клероны, забили барабаны. Полуденный жаръ дрогнулъ величественнымъ аккордомъ русскаго гимна. Катеръ подошелъ къ борту.

Командующій эскадрой, вице-адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ, встрѣтилъ своего почетнаго гостя на верхней площадкѣ трапа. Встрѣтилъ такъ, какъ встрѣчаютъ только самыхъ близкихъ и дорогихъ друзей. Онъ былъ большимъ руссофиломъ. Когда въ 1908 году президентъ Фальеръ пріѣзжалъ въ Россію, это онъ — Буэ-де-Лапейреръ — командовалъ президентской эскадрой. Поэтому встрѣча съ русскими моряками была ему особенно пріятна: на нихъ онъ смотрѣлъ, какъ на родныхъ.

Небольшого роста, сѣдой, съ характерной головой, подвижный и энергичный, онъ по справедливости считался однимъ изъ выдающихся адмираловъ французскаго флота.

Помѣстивъ русскаго адмирала въ своей каютѣ, командующій приказалъ эскадрѣ сниматься. Вскорѣ Тулонъ и берега скрылись въ дыму вытянувшейся въ кильватерную колонну громады кораблей...

* * *

Русскихъ офицеровъ, главнымъ образомъ, конечно, интересовала организація стрѣльбы на французскомъ флотѣ. Стрѣльба эта была хороша, но методы ея значительно отличались отъ нашихъ и въ боевой обстановкѣ, вѣроятно, уступали бы нашимъ по той простой причинѣ, что весь учетъ всѣхъ необходимыхъ поправокъ у французовъ былъ механизированъ и велся особыми приборами, въ то время, какъ у насъ — самими артиллеристами.

Благодаря точности этихъ приборовъ, отличному согласованію (сострѣлкѣ) орудій, «накрытіе» французами противника всегда гораздо быстрѣе чѣмъ у насъ, и «вилка», въ которую захватывается непріятель уже, нежели у насъ, потому **французская пристрѣлка, несомнѣнно, скорѣе русской и пораженіе точнѣе.** Но только... въ мирной обстановкѣ, при состязаніи на тактическихъ стрѣльбахъ. Какъ выдержитъ вся эта организація бой — большой вопросъ. Нашъ методъ болѣе отвѣчаетъ боевой обстановкѣ, ибо у насъ все построено на предположеніи, что первые же залпы врага уничтожили всю сложную механику связи. Тутъ французскій артиллеристъ попадаетъ въ крайне тяжелое положеніе, ибо онъ привыкъ, такъ сказать, «жить» на всемъ готовомъ — механика центральнаго поста обо всемъ предупреждаетъ его, и «мозговать» ему нечего. Нашъ же артиллеристъ, наоборотъ, привыкъ весь разсчетъ держать въ своей головѣ и только на нее и полагаться.

Продемонстрировавъ передъ русскимъ адмираломъ стрѣльбу, минныя атаки, эволюціи и, наконецъ, двухсторонніе маневры, эскадра вернулась въ Тулонъ.

Вечеромъ въ уютномъ адмиральскомъ салонѣ состоялся обмѣнъ мнѣній трехъ адмираловъ. Между

прочимъ, былъ затронутъ и волновавшій французское морское командованіе вопросъ — **отсутствіе во французскомъ флотѣ линейныхъ крейсеровъ.** Этотъ вопросъ былъ тѣмъ болѣе актуальнымъ, что въ Средиземномъ морѣ находился сильный германскій крейсеръ-дредноутъ «Гебенъ». Разговоръ, естественно, коснулся его.

— Какъ вы объясняете себѣ присутствіе «Гебена» въ Средиземномъ морѣ? — обратился адмиралъ Русинъ къ адмиралу Пивэ. — Какова его роль въ случаѣ столкновенія Франціи съ Германіей?

— По-моему, — отвѣтилъ начальникъ французскаго мор. ген. штаба — роль «Гебена» прежде всего политическая: связать собой два мало дружныхъ союзныхъ флота, итальянскій и австрійскій, которые, въ силу ихъ военной конвенціи съ Германіей, должны, въ случаѣ войны, немедленно сосредоточиться въ Мессинѣ подъ общимъ командованіемъ австрійскаго адмирала. Затѣмъ онъ несомнѣнно приметъ участіе въ дѣйствіяхъ на коммуникаціонныхъ путяхъ нашихъ колоніальныхъ войскъ.

На это русскій адмиралъ возразилъ, что онъ разсматриваетъ роль «Гебена» на Средиземномъ театрѣ значительно шире. **Германское правительство, вѣроятно, используетъ его для вовлеченія Турціи въ конфликтъ, для чего отправитъ его въ Дарданеллы.**

Съ этой точкой зрѣнія французскіе адмиралы не согласились, считая такой политическій выпадъ совершенно невѣроятнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) по морскому международному праву пребываніе «Гебена» въ Константинополѣ невозможно; 2) Турецкая имперія въ финансовомъ отношеніи всецѣло зависитъ отъ французскихъ банковъ и, наконецъ, 3) наличіе въ Средиземномъ морѣ британской эскадры изъ трехъ крейсеровъ-дредноутовъ исключаетъ для «Гебена» возможность прорыва въ Дарданеллы, ибо, если англичане и сохранятъ нейтралитетъ, подобный актъ непремѣнно заставитъ ихъ вмѣшаться въ конфликтъ.

Однако, адмирала А. И. Русина эти соображенія не убѣдили, и онъ предложилъ на обсужденіе такой вопросъ: **«не будетъ ли для Франціи желательнымъ, чтобы наша бригада строющихся крейсеровъ — суперъ-**

дредноутовъ (типа «Бородино»), сильнѣйшая въ мірѣ (ходъ 29 узловъ при XII-14 д. орудіяхъ), **была бы, по готовности, переброшена въ Средиземное море, давъ тѣмъ самымъ французскому флоту великолѣпнѣйшую маневренную группу».**

Само собой разумѣется, это предложеніе было встрѣчено съ восторгомъ, и тутъ же было рѣшено, что Франція возьметъ на себя оборудованіе спеціальной базы для этой бригады, и что она войдетъ, въ видѣ отдѣльной части, въ дѣйствующій флотъ Средиземнаго моря. Для Россіи переброска такой могущественной эскадры имѣла огромное политическое и стратегическое значеніе.

Послѣ блестящаго банкета въ Грандъ-Отелѣ, даннаго русскимъ адмираломъ французскому флоту, А. И. Русинъ отбылъ въ Парижъ и затѣмъ въ Россію.

Въ Петербургѣ.

Осуществленіе этого проекта не удалось. Вскорѣ по возвращеніи адмирала вспыхнула война.

Дальнѣйшій ходъ событій капитанъ 2 ранга Апрѣлевъ — офицеръ нашего морского ген. штаба — вспоминаетъ такъ:

«Петербургъ. Морской генеральный штабъ. Кабинетъ начальника статистическаго отдѣленія. Въ кабинетѣ вице-адмиралъ А. И. Русинъ, французскій морской агентъ, капитанъ 2 ранга Галло, его англійскій коллега, капитанъ 2 ранга Гренфельдъ и нѣсколько офицеровъ штаба. Вхожу съ пачкой свѣжихъ депешъ. Телеграммы сообщаютъ о выходѣ «Гебена» и «Бреслау» изъ Полы, о бомбардировкѣ ими береговъ Алжира и, наконецъ, объ ихъ уходѣ въ море. Вопросъ — куда? Оба агента опредѣленно высказываются, что германскіе корабли, очевидно, ушли обратно въ Полу. Вице-адмиралъ Русинъ возражаетъ въ видѣ вопроса — «а не идутъ ли они въ Константинополь? . .»

Черезъ нѣкоторое время получается депеша, что оба непріятельскіе корабля вошли въ Мессину и грузятся углемъ. Галло и Гренфельдъ попрежнему убѣждены, что они идутъ въ Полу. У насъ же слагается

опредѣленная увѣренность, что они идутъ въ Константинополь.

Телеграмма нашего морского агента въ Аѳинахъ, кап. I ранга Макалинскаго, разсѣиваетъ всѣ сомнѣнія. Она кратко гласитъ: **«Гебенъ» и «Бреслау» прошли Матапанъ. Курсъ остъ».** Скоро выяснилось, что оба корабля вошли въ Дарданеллы.

Ночью получается экстренная депеша командующаго черноморскимъ флотомъ. Телеграмма зашифрована особенно «крѣпкимъ» шифромъ. Я бросился ее расшифровывать и первая же фраза привела меня въ волненіе.

«Его Императорскому Величеству. Совершенно секретно. Срочно...

Адмиралъ Эбергардъ доносилъ, что, получивъ свѣдѣнія, что «Гебенъ» и «Бреслау» вошли въ Константинополь, онъ рѣшилъ **послѣзавтра** съ лучшими кораблями и миноносцами идти въ Босфоръ на томъ же основаніи, на какомъ нѣмцы вошли въ Дарданеллы. Если послѣдніе не выйдутъ изъ проливовъ, то онъ, — **Эбергардъ, — уничтожитъ ихъ, вполнѣ учитывая, что если этого не сдѣлать, Турція будетъ вовлечена въ войну.**

Телеграмма была немедленно доложена Государю.

Послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

«Въ полномъ согласіи съ союзниками и не считая возможнымъ чѣмъ бы то ни было дать Турціи право обвинить насъ въ попыткахъ толкнуть ее на войну, Его Величество повелѣлъ принять къ неуклонному исполненію слѣдующую директиву: главнымъ силамъ Черноморскаго флота воспрещается удаляться изъ зоны крѣпости Севастополь. Всѣмъ вообще судамъ флота запрещается показываться западнѣе меридіана Одессы, и ни одинъ корабль не долженъ ни подъ какимъ видомъ появляться въ виду турецкихъ береговъ».

Основаніемъ къ посылкѣ такой телеграммы послужило соображеніе пословъ союзныхъ державъ, что Турція враждебна лишь по отношенію Россіи изъ за стремленія послѣдней захватить проливы и, наоборотъ, вполнѣ расположена къ Франціи и Англіи.

Оказывается, что и командовавшій французскимъ флотомъ вице-адмиралъ Буэ-де-Лапейреръ, узнавъ о прорывѣ «Гебена» и «Бреслау», имѣлъ ту же мысль, что

и адмиралъ Эбергардъ. Онъ рѣшилъ идти съ I эскадрой въ Константинополь и уничтожить «Гебенъ». Но морской министръ Делькассе категорически это запретилъ, какъ и вообще всякую демонстрацію у турецкихъ береговъ.

Союзная дипломатія была твердо убѣждена, что Турцію можно удержать отъ войны, не уничтожая «Гебена», тогда какъ оба адмирала — русскій и французскій, — не сговариваясь, были столь же твердо убѣждены въ обратномъ.

Что же касается самаго факта прорыва, въ русскомъ морскомъ генеральномъ штабѣ сложилось убѣжденіе, что этотъ «пропускъ» германскаго отряда былъ совершенъ умышленно, т. к. Англія, не вовлеченная еще въ войну, опасалась усиленія Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Болѣе чѣмъ странное поведеніе англійскаго адмирала Трубриджа вполнѣ это подтверждаетъ.

Случилось такъ, что какъ разъ въ день прихода «Гебена» и «Бреслау» въ Мессину туда пріѣхалъ для отдыха на нѣсколько дней нашъ морской агентъ въ Римѣ, кап. 2 ранга баронъ Врангель. Онъ сидѣлъ на верандѣ отеля на набережной, когда въ портъ вошли германскіе корабли и стали грузиться углемъ. Врангель немедленно протелефонировалъ объ этомъ своему англійскому коллегѣ и затѣмъ сообщилъ время ухода кораблей и взятое ими направленіе. Все это было немедленно по радіо передано Трубриджу. Заранѣе предувѣдомленный, онъ легко могъ подойти къ проливу и перехватить германскій отрядъ. Но онъ этого не сдѣлалъ и далъ нѣмцамъ полную возможность уйти.

Въ своихъ посмертныхъ запискахъ, нашъ морской министръ, адмиралъ И. К. Григоровичъ прямо говоритъ: **«Англійская политика въ началѣ войны не была намъ дружественной. Въ этомъ и заключается секретъ прохожденія въ Босфоръ «Гебена» и «Бреслау»...**

Небезынтересно отмѣтить, что почти въ то же время, какъ на Средиземномъ морѣ происходило разсказанное выше совѣщаніе французскихъ и русскаго адмираловъ, о роли «Гебена», — между германскимъ и австрійскимъ морскими штабами шли дѣятельные переговоры о поддержкѣ, въ случаѣ надобности, австрійскимъ флотомъ нѣмецкихъ кораблей, **при чемъ германъ-**

ское командованіе даже выдвигало вопросъ о цѣлесообразности прорыва всего Австрійскаго флота въ Константинополь.

7 августа, по полученіи извѣстія о выходѣ «Гебена» изъ Мессины, главный германскій штабъ обратился съ настойчивой просьбой, чтобы австрійскій флотъ вышелъ для его поддержки, хотя бы до широты Бриндизи. Австрійскій флотъ вышелъ, но, получивъ извѣстіе, что «Гебенъ» прошелъ мысъ Матапанъ, около 7 вечера повернулъ обратно. Изъ переписки командовавшаго австрійскимъ флотомъ адмирала Гауса съ германскимъ штабомъ выясняется любопытная деталь. Оказывается, адмирала Гауса удерживало отъ оказанія активной помощи «Гебену» и «Бреслау» то обстоятельство, что австрійская политика того времени старалась всѣми способами избѣжать всего, что могло быть истолковано, какъ недружелюбный актъ по отношенію къ Англіи, съ которой Австрія надѣялась избѣжать войны.

Не была ли австрійская дипломатія просто-напросто освѣдомлена о томъ, что англичане рѣшили закрыть глаза на прорывъ «Гебена» въ Константинополь?

* * *

Посолъ Соедин. Штатовъ въ Константинополѣ Моргентау такъ описываетъ появленіе «Гебена» и «Бреслау»:

«9 августа утромъ я отправился на итальянскій пароходъ «Сицилія» встрѣтить дочь, прибывшую изъ Венеціи. Вотъ что разсказала она:

«Вчера мы завтракали на верхней палубѣ, когда на горизонтѣ показались два силуэта. Я побѣжала за биноклемъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ появился третій. Мы увидѣли вспышки выстрѣловъ и услышали гулъ канонады. Сперва не могли понять, въ чемъ дѣло, но скоро догадались, что являемся свидѣтелями морского сраженія. Капитанъ объяснилъ, что это два германскихъ корабля и англійскій крейсеръ . . .»

— Нѣсколькими часами позже,—продолжаетъ Моргентау, — я случайно встрѣтился съ германскимъ посломъ Вангенгеймомъ и разсказалъ ему о происшествіи. Посолъ страшно взволновался. Въ тотъ же день

онъ пріѣхалъ ко мнѣ вмѣстѣ съ маркизомъ Паллавичини [1]). Оба были встревожены и просили разрѣшенія повидать мою дочь.

Учтиво, но и весьма настойчиво они принялись допрашивать ее о всѣхъ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ встрѣчи; подвели къ картѣ, просили показать курсъ кораблей, направленіе, въ какомъ они скрылись, сколько было сдѣлано выстрѣловъ, что говорилось среди пассажировъ и т. п. Оба остались въ полномъ восторгѣ отъ того, что разсказала имъ дочь.

На слѣдующій день мнѣ пришлось быть у германскаго посла. Я засталъ его въ крайне нервномъ настроеніи. Онъ мѣста себѣ не находилъ: поминутно вскакивалъ, бросалъ недокуренныя папиросы, и, наконецъ, не въ силахъ сдерживать свое волненіе, принялся большими шагами ходить по кабинету.

Видя, что безпокойство посла дошло до апогея, и онъ не можетъ совладать съ собой, я поднялся и сказалъ:

— Вы чѣмъ-то разстроены. Я лучше заѣду въ другой разъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — схватилъ онъ меня за руки. — Оставайтесь! Я хочу, чтобы вы были свидѣтелемъ той сенсаціи, которая черезъ нѣсколько минутъ поразитъ весь міръ.

Мы вышли на веранду. Въ Босфорѣ виднѣлся германскій военный транспортъ «Корковадо» съ его мощной станціей безпроволочнаго телеграфа.

— Мы съ вами, — продолжалъ Вангенгеймъ — у порога величайшихъ событій, предрѣшающихъ исходъ войны...

Вдругъ посолъ замолкъ, впился въ «Корковаду» и, забывъ свою подагру, бросился внизъ по лѣстницѣ. Я увидѣлъ маленькую шлюпку, отвалившую отъ транспорта и взявшую направленіе къ посольству. Вангенгеймъ подбѣжалъ къ ней и принялъ пакетъ изъ рукъ матроса.

— Ура! — воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ школьника. — Мы держимъ ихъ.

— Кого?!..

— Да «Гебена» и «Бреслау». — Вотъ радіо-телеграмма. Они вошли въ Дарданеллы...

[1]) Посолъ Австро-Венгріи при турецкомъ дворѣ.

— Вы понимаете, — съ трудомъ переводя духъ сказалъ онъ, поднявшись на веранду. — Мы продали ихъ туркамъ. Съ сегодняшняго дня адмиралъ Сушонъ вступилъ на службу Его Величества султана. Я телеграфировалъ ему поднять турецкіе флаги и переименовать «Гебена» въ «Султанъ Селимъ», а «Бреслау» — въ «Медили»...

Прибытіе этихъ кораблей было тріумфомъ его карьеры. Это былъ первый успѣхъ германской дипломатіи...

Когда «Гебенъ» и «Бреслау» вошли на рейдъ — энтузіазмъ былъ потрясающимъ. Адмирала Сушона несли на рукахъ. Онъ сохранилъ свой бѣлый, запачканный грязными руками костюмъ, въ который былъ одѣтъ въ этотъ историческій день...

Нѣмцы открыто посмѣивались надъ этой «куплей-продажей», ибо корабли фактически оставались въ ихъ полномъ обладаніи. Но авантюра понравилась имъ, и германскіе экипажи не безъ удовольствія облачились въ фески.

Младотурки тоже посмѣивались и устами Талаата говорили, что теперь суда эти — наши, ибо если нѣмцы побѣдятъ — они несомнѣнно ихъ оставятъ, если же будутъ разбиты — у нихъ не хватитъ силы отобрать ихъ.

Но наиболѣе осторожные сознавали опасность этой комбинаціи. Засѣданіе правительства было бурнымъ и едва не кончилось кровопролитіемъ. Великій визирь и Джемаль готовы были сорвать засѣданіе, но Энверъ съ револьверомъ въ рукахъ остановилъ ихъ.

— Если кто желаетъ протестовать — онъ будетъ имѣть дѣло со мной.

Первымъ актомъ германскаго адмирала былъ провокаціонный выходъ въ Черное море. Проходя мимо Буюкъ Дере — лѣтней резиденціи русскаго посла, онъ смѣнилъ турецкіе флаги нѣмецкими и трижды сыгралъ «Deutschland über Alles».

Сушонъ повелъ свои корабли на предательское, безъ объявленія войны, нападеніе на Россію, съ цѣлью вовлечь Турцію въ войну.

* * *

— Медленно тянется ночь, — вспоминаетъ этотъ походъ одинъ изъ гебенскихъ радіо-телеграфистовъ. — Нашъ отрядъ раздѣлился. Теперь каждый оборотъ винта приближаетъ къ цѣли. Мы знаемъ, что это означаетъ — **Севастополь!...** Неприступная твердыня Россіи, одна изъ могущественнѣйшихъ въ мірѣ крѣпостей.

Отчаянное предпріятіе! Не бросаетъ ли нашъ адмиралъ вызовъ самому дьяволу?

Никто не спитъ. Я и товарищи въ радіорубкѣ. Слышна перекличка непріятельскихъ станцій.

— Но что случилось?! Русскіе, вдругъ, заговорили. Ужъ не обнаружили ли насъ...

Срочно!.. Срочно!.. Срочно!..

Узнаю одесскую станцію. Вызываетъ Севастополь... Говоритъ...

Открытая депеша! Рука нервно отмѣчаетъ знаки.

Слушаю до боли ушей. Кончила.

Мигомъ на мостикъ. Прямо къ адмиралу.

— Въ Одессѣ тревога! Нашъ миноносецъ взорвалъ канонерку, — едва переводя духъ, докладываю я.

Адмиралъ даже привскочилъ.

— Что-о?! — внѣ себя вскричалъ онъ. — Я приказалъ въ семь, а сейчасъ только шесть. Болваны! Они погубятъ все, — въ сердцахъ хватилъ онъ биноклемъ по поручнямъ.

— Давайте самый полный ходъ! Изъ-за этихъ идіотовъ вся операція полетитъ къ чорту...

Максимальнымъ ходомъ наверстываемъ время. Разсвѣло. Крымъ — во мглѣ.

До Севастополя 4.000 метровъ. Орудія наведены. Миноносцы съ тралами — впереди...

Бомбардировка Севастополя.

— Ахъ, черти, — не даютъ спать! — съ сердцемъ схватился я съ койки, бросившись въ коридоръ, чтобы «налопать» тѣхъ, кто подъ самымъ ухомъ хлопалъ горловинами [1]), когда носъ съ носомъ столкнулся съ вбѣгавшимъ въ каюту моимъ вѣстовымъ, Омельченко.

[1]) Крышка угольной ямы.

— Ваше-скородіе, стрѣляютъ! — не своимъ голосомъ закричалъ онъ.

— Кто, гдѣ?!..

— Такъ что турокъ стрѣляетъ. Бонбардируетъ!

Я сразу все сообразилъ. Вспомнилъ тревожныя депеши, которыя самъ расшифровывалъ ночью, и, въ секунду одѣвшись, съ кителемъ подъ мышкой, выскочилъ на ютъ. Группа матросовъ стояла на немъ, спиной ко мнѣ. Вдругъ всѣ, точно по командѣ, нагнулись. Инстинктивно нагнулся и я. Что-то съ жужжаніемъ и свистомъ, низко нагнетая воздухъ, пронеслось, казалось, надъ самой головой. «Меркурій»[1]) вздрогнулъ. Огромный водяной столбъ поднялся надъ нимъ... Взглянулъ на рейдъ — всюду скакали такіе же столбы. Вся эскадра была въ фееричныхъ фонтанахъ... Въ этотъ моментъ раздался оглушительный ревъ. Длинные, бѣлые змѣевики повисли въ воздухѣ. Крѣпость открыла огонь...

Утренняя мгла скрывала взморье. Съ кораблей ничего невозможно было разобрать. Канонада продолжалась...

Показался «Пулеметъ» — быстроходный моторный катеръ командующаго флотомъ. Моторъ несся на «Евстафій». Адмиралъ, окруженный походнымъ штабомъ, переносилъ свой флагъ съ «Георгія Побѣдоносца» — своей штабъ-квартиры — на боевой флагманскій корабль...

Въ море поспѣшно выходилъ тралящій караванъ очистить каналъ отъ разбросанныхъ непріятелемъ минъ.

Готовая къ бою эскадра ждала его донесенія...

Въ морѣ въ это время находились: дивизіонъ изъ 4-хъ миноносцевъ князя Трубецкого и большой минный заградитель «Прутъ», посланный еще наканунѣ въ Ялту.

Атака кн. Трубецкого.

Въ ночь съ 15-го на 16-ое октября 1914 года миноносцы 4-го дивизіона подъ брейдъ-вымпеломъ князя

[1]) Крейсеръ „Память Меркурія" — флагманскій черноморской бригады крейсеровъ.

Трубецкого находились въ морѣ, въ дозорѣ, вблизи Севастополя. Утромъ возвращаясь домой, миноносцы должны были произвести учебную минную стрѣльбу. Въ 2 часа ночи на флагманскомъ миноносцѣ князя, «Лейтенантъ Пущинъ», было получено шифрованное радіо Наморси: «Турецкіе миноносцы внезапно атаковали въ Одессѣ нашу канонерку. Война началась. Изъ Ялты возвращается «Прутъ». Въ случаѣ надобности, окажите ему поддержку».

Расшифровавъ телеграмму, князь тотчасъ же приказалъ собрать миноносцы вокругъ себя. По линіи забѣгали огоньки Ратьера, передавая сигналъ. Миноносцы, увеличивъ ходъ, пошли на сближеніе. Когда всѣ они сгрудились вокругъ «Пущина» и застопорили машины, команды были вызваны наверхъ. Въ наступившей тишинѣ раздался невидимый въ темнотѣ, но знакомый всѣмъ громкій голосъ князя. Въ горячихъ и простыхъ словахъ онъ объявилъ командамъ о вѣроломномъ нападеніи врага на нашу канонерку, обрисовалъ имъ обстановку театра войны и поздравилъ съ началомъ кампаніи. Взволнованные рѣчью князя офицеры и матросы съ напряженіемъ слушали. И вдругъ какъ бы въ отвѣтъ, съ одного изъ миноносцевъ раздалось «Спаси, Господи, люди Твоя». Другой, третій и, наконецъ, всѣ миноносцы подхватили пѣснь молитвы. Темная, звѣздная ночь, тишина моря, сгрудившіеся черные силуэты дозорныхъ миноносцевъ и эта пѣснь молитвы нѣсколькихъ сотъ голосовъ волновали...

— Ну, а теперь — съ Богомъ, по мѣстамъ! — крикнулъ князь. — Развести пары во всѣхъ котлахъ. Имѣть боевыя мины въ аппаратахъ.

— До свиданья, молодцы!

— Счастливо оставаться, ваше сіятельство! — и миноносцы, исчезая въ темнотѣ и разворачиваясь машинами, пошли на свои мѣста въ сомкнутый строй кильватерной колонны. Вскорѣ ихъ вытянувшаяся струнка скрылась во мглѣ ночной...

Забрезжилъ востокъ... Холодкомъ потянуло съ Инкермана.

Миноносцы дозоромъ шли на нордъ-вестъ, когда, вдругъ, подъ берегомъ показался большой клубъ дыма. Полагая, что это «Прутъ», князь поднялъ сигналъ:

«Имѣть двадцать узловъ ходу» и пошелъ къ нему. Лучи восходящаго солнца нѣсколько разсѣяли мглу, и вскорѣ, въ клубахъ дыма, миноносцы увидѣли силуэты большого корабля и двухъ миноносцевъ. Послышался гулъ выстрѣловъ.

Это былъ «Гебенъ», начавшій бомбардировку Севастополя. Его миноносцы сбрасывали мины...

Вдоль крѣпостныхъ валовъ засверкали молніи. Началась канонада...

Зная, что сосредоточенные на большомъ рейдѣ минные заградители съ полнымъ запасомъ снаряженныхъ минъ являли собой колоссальную опасность не только для флота, но и для всего города, князь Трубецкой рѣшилъ атаковать «Гебена», чтобы принудить его измѣнить курсъ и прервать пристрѣлку. Поднявъ сигналъ «Онъ» — слѣдовать за мной — и затѣмъ «Буки» — больше ходъ, князь повернулъ на «Гебена». На лѣвомъ нокѣ «Пущина» взвился синій флажокъ. «Рцы» — атака съ лѣваго борта.

Миноносцы, нависая другъ на дружкѣ, понеслись на врага.

Это былъ потрясающій моментъ. Въ черныхъ клубахъ валившаго изъ всѣхъ трубъ дыма, въ кипящихъ бурунахъ своего бѣшенаго хода, съ выдвинутыми за бортъ, въ сторону врага, минными аппаратами, неслись четыре миноносца. Въ дыму бѣлѣли ихъ стеньговые флаги... Огромный тяжелый силуэтъ дредноута все ближе и ближе... Онъ видитъ атаку, но не открываетъ еще огня. Выжидаетъ, чтобы лучше и вѣрнѣе поразить врага. Его орудія взяли миноносецъ на прицѣлъ. Еще мгновенье, и онъ откроетъ по нимъ ураганный огонь. Опасность грозная.

Притаившіеся у аппаратовъ люди, въ фуражкахъ по уши, чтобы не сдуло вѣтромъ, напряженно ждутъ условленной сирены миннаго залпа съ флагманскаго миноносца...

Правый бортъ «Гебена», вдругъ, опоясался огнемъ. Первый залпъ легъ недолетомъ. Водяная стѣна на мгновенье скрыла его отъ миноносцевъ. Второй залпъ далъ перелетъ. «Гебенъ» взялъ миноносцы въ вилку. Третій, за нимъ четвертый, пятый и остальные накрыли миноносцы. На «Пущинѣ» костромъ вспыхнула радіорубка,

убило сигнальщика. Гигантскіе столбы запрыгали кругомъ. Но миноносцы, не отставая и не растягиваясь, неслись на врага. «Рцы» развѣвалось на нокахъ. Убійственный огонь продолжался. Мостикъ «Пущина» легъ убитыми. Флагъ офицера, князя, мичмана Гипариса, силою взрыва выбросило вонъ. Смертельно раненый рулевой свалился у штурвала. Кровь потекла по покатости мостика. Миноносецъ мотнуло въ сторону, но Трубецкой, самъ контуженный въ голову, вскочилъ на мѣсто павшаго рулевого и, схватившись за штурвалъ, выправилъ курсъ.

«Пущинъ» далъ минный залпъ.

Увидѣвъ мины, «Гебенъ» рѣзко свернулъ вправо, носомъ къ минамъ, чтобы подставить имъ наименьшую цѣль. На контръ-курсахъ миноносцы проскочили мимо него и очутились между нимъ и берегомъ.

Хотя эта атака и не вывела непріятельскій корабль изъ строя, маневръ ея достигъ важнаго результата: онъ принудилъ непріятеля измѣнить курсъ и прервать бомбардировку.

По счастливой случайности въ этой атакѣ серьезно пострадалъ одинъ только «Пущинъ». На немъ было выбито 25 процентовъ личнаго состава, одного матроса выбросило за бортъ и одинъ пропалъ безъ вѣсти. Миноносецъ получилъ двѣ смертельныя пробоины въ носовой и кормовой части. Онъ былъ спасенъ только благодаря геройскому поведенію экипажа. Ободренная примѣромъ доблестнаго боцмана команда бросилась въ заливаемые водой отсѣки задѣлывать пробоины, ежеминутно рискуя погибнуть вмѣстѣ съ миноносцемъ, ибо имъ никогда бы не удалось въ послѣднюю минуту выкарабкаться наверхъ изъ исковерканныхъ и разрушенныхъ помѣщеній и спастись въ водоворотѣ.

Видя, что «Гебенъ» со своими миноносцами полнымъ ходомъ удаляется въ сторону, откуда долженъ появиться «Прутъ», князь Трубецкой, не теряя времени на переносъ своего брейдъ-вымпела съ гибнущаго «Пущина» на уцѣлѣвшій миноносецъ, приказалъ остальнымъ преслѣдовать непріятеля и поддержать «Прутъ».

Оставивъ «Пущина» на произволъ судьбы, миноносцы бросились за «Гебеномъ».

Въ это время на высотѣ Фіолента показался «Прутъ»...

„Прутъ" и „Гебенъ".

13 октября, т. е. за трое сутокъ до описываемыхъ событій, весь флотъ вышелъ въ море на двухсторонніе маневры. Продолжались маневры двое сутокъ. Въ нихъ принималъ участіе и минный заградитель «Прутъ». 15-го флотъ вернулся въ Севастополь и въ 4 часа пополудни сталъ на якорь на Большомъ рейдѣ. Тотчасъ же съ «Евстафія» послѣдовалъ сигналъ — «Адмиралъ приглашаетъ къ себѣ командира «Прута». — Черезъ полчаса командиръ вернулся и приказалъ сниматься съ якоря. Имѣвшій свое пребываніе на «Прутѣ» штабъ начальника отряда минныхъ заградителей (контръ-адмиралъ Львовъ) тотчасъ же перешелъ на другой корабль.

Въ 5 час. пополудни «Прутъ» снялся съ якоря и вышелъ въ море. Цѣль похода держалась въ секретѣ. Зналъ о ней только одинъ командиръ.

Настроеніе на кораблѣ было повышенное. Въ воздухѣ пахло войной. Въ каютъ-компаніи разговоры вертѣлись вокругъ вопроса о томъ, что дѣлать, если война насъ застигаетъ въ походѣ, и въ морѣ мы встрѣтимся съ врагомъ? Общее рѣшеніе было топить корабль и, въ крайности, взорваться.

Тутъ умѣстно сказать нѣсколько словъ о самомъ кораблѣ: «Прутъ» былъ большимъ миннымъ заградителемъ въ 5.400 тоннъ водоизмѣщенія, постройки 1879 года (на заводѣ Эльдеръ въ Глазго). Ходъ его былъ 12 узловъ. Онъ вмѣщалъ въ себя три магазина донныхъ минъ, т. е., говоря общимъ языкомъ, 750 минъ загражденія. Артиллерійское вооруженіе его было ничтожно: восемь 47 м/м орудій и одинъ пулеметъ.

По выходѣ въ открытое море командиръ объявилъ, что получилъ приказъ идти въ Ялту и доставить оттуда въ Севастополь войсковую часть.

Вечеромъ, какъ обычно на походѣ, свободные отъ вахтенной службы офицеры собрались за стаканами чая вокругъ шахматнаго столика. Только одинъ престарѣлый о. Антоній, глуховатый отъ старости, съ незапамятныхъ временъ плававшій на «Прутѣ», въ одиночествѣ

сидѣлъ за большимъ столомъ, молчаливо помѣшивая чай. Около 10 часовъ вечера всѣ разошлись, и каютъ-компанія опустѣла.

Въ 11 час. вечера было перехвачено радіо: «Гебенъ» съ миноносцами идетъ на Востокъ отъ Амастро».

Около часа ночи открылись ялтинскіе огни.

Въ часъ ночи «Прутъ» принялъ шифрованную депешу. Ревизоръ, мичманъ Алексѣевъ, расшифровалъ ее и отнесъ командиру. Депеша гласила: **«Весь флотъ. Приготовиться къ походу въ шесть утра. «Пруту» возвращаться въ Севастополь. Наморси»** [1]).

Легли на обратный курсъ.

Въ 4 часа утра новое радіо: «При встрѣчѣ съ непріятелемъ вскрыть пакетъ «четыре ша». (Пакетъ указываетъ секретное заграждeніе).

Около 6 час. утра минный офицеръ, лейтенантъ Рагузскій, согласно приказанію командира, сталъ готовить мины къ постановкѣ. Ревизоръ спустился къ себѣ въ каюту, когда вдругъ, около 7 час., шумъ и бѣготня по коридору разбудили его. Слышались крики: — «Гебенъ»! Схвативъ часы, бинокль и портсигаръ, бросивъ послѣдній взглядъ на каюту, онъ выскочилъ наверхъ. Докторъ и санитары бѣжали въ каютъ-компанію устраивать перевязочный пунктъ . . .

Наверху, у лѣваго борта, стояла группа матросовъ, смотрѣвшихъ въ море. Въ бинокль едва были видны четыре миноносца, шедшіе полнымъ ходомъ. Фонтаны воды поднимались вокругъ нихъ. Кто и откуда стрѣлялъ — невозможно было сразу понять. Видно было, что одинъ миноносецъ подбитъ и отсталъ.

На мостикѣ «Прута» въ этотъ моментъ находились: командиръ 1 ранга Быковъ, старшій офицеръ ст. лейтенантъ Лонткевичъ, штурманъ лейт. Игнатьевъ, минный офицеръ лейт. Рагузскій и мичмана Алексѣевъ и Смирновъ.

Было начало восьмого.

«Прутъ» подходилъ къ траверзу мыса Фіолентъ, когда вдругъ, прямо по носу, обнаружился силуэтъ большого корабля, полнымъ ходомъ шедшаго навстрѣчу.

---

[1]) Наморси—телеграфное сокращеніе, означающее командующій флотомъ.

«Гебенъ»!

Командиръ тотчасъ же приказалъ положить на бортъ, чтобы приблизиться къ берегу.

— Что же, Юрій Людвиговичъ, выброситься на берегъ не успѣемъ. Надо топиться — обратился командиръ къ старшему офицеру. — Давайте водяную тревогу. — И точасъ же приказалъ въ машину открыть кингстоны и прекратить пары.

Прозвучалъ колоколъ водяной тревоги. Всѣ бросились по мѣстамъ. Часовые — къ шлюпкамъ.

— С-л-у-ш-а-й-т-е в-с-ѣ — сыгралъ горнистъ.

Корабль замеръ. Всѣ недвижно застыли.

— Корабль приготовить къ потопленію. Отдраить всѣ иллюминаторы. Койки вынести наверхъ! — четко скомандовалъ старшій офицеръ.

— «Ту-ту» — протрубилъ горнистъ исполнительный сигналъ.

Все ожило и бросилось по своимъ отсѣкамъ исполнять приказаніе. Командиръ спустился внизъ уничтожать шифры и секретные документы.

«Гебенъ» шелъ на быстрое сближеніе, стремясь отрѣзать «Прутъ» отъ берега. Онъ поднялъ сигналъ — «предлагаю сдаться». Въ отвѣтъ, сигнальный старшина Шацкій поднялъ стеньговой флагъ...

Инженеръ-механикъ Кашериниовъ открылъ кингстоны. «Прутъ» сталъ медленно погружаться. Команда съ койками въ рукахъ выбѣжала наверхъ. Шлюпки, какъ на ученьи, одна за другой, спускались на воду. Настроеніе людей было изумительнымъ. Часовые у шлюпокъ садились послѣдними, только послѣ приказанія офицера. Такъ какъ гребныя суда не могли вмѣстить въ себя весь экипажъ (305 человѣкъ), остальной командѣ было приказано съ койками и спасательными поясами бросаться за бортъ.

«Гебенъ», продолжая держать сигналъ о сдачѣ, подходилъ съ лѣваго борта. Разстояніе до него было 40 кабельтовыхъ.

Въ это время послѣдняя шлюпка отвалила отъ борта. Офицеры, во главѣ съ командиромъ, сгруппировались на мостикѣ. Вдругъ вбѣгаетъ баталеръ Горбуновъ.

— Такъ что, ВВБ, какъ прикажете насчетъ судовыхъ документовъ?

— Какіе тамъ документы?!.. Къ чорту ихъ! Спасайся самъ! — крикнулъ ему ревизоръ. Горбуновъ прыгнулъ за бортъ. Съ мостика ему бросили спасательный кругъ. До берега было далеко.

«Гебенъ» сблизился на разстояніе въ 25 кабельтовыхъ. Онъ былъ прекрасно виденъ. Задранныя орудія смотрѣли на «Прутъ»... Вдругъ, съ кормы на носъ пробѣжалъ огонекъ... Залпъ! Недолетъ... Второй залпъ! Онъ цѣликомъ попалъ въ полубакъ. Ярко вспыхнулъ пожаръ. Палъ первой жертвой старый, извѣстный всему русскому флоту боцманъ Колюжный, еще въ наши кадетскія времена плававшій боцманомъ на «Рындѣ». Командиръ приказалъ офицерамъ бросаться за бортъ, но самъ со старшимъ офицеромъ оставался на мостикѣ. Залпы одинъ за другимъ сыпались на «Прутъ». Онъ былъ весь въ дыму и огнѣ. Видя, что корабль медленно тонетъ и опасаясь, какъ бы непріятель не захватилъ его, лейтенантъ Рагузскій съ подрывнымъ патрономъ въ рукахъ бросился внизъ... Больше его никто не видѣлъ... Раздался взрывъ. «Прутъ» сильно осѣлъ на корму, задравъ носъ. Непріятельскій снарядъ сломалъ мачту. Она повисла на серединѣ, подъ угломъ въ 45°. Огромный Андреевскій флагъ продолжалъ развѣваться на ней.

Вдругъ, на верхней палубѣ, среди бураго дыма и огня, появилась фигура священника въ полномъ облаченіи. Со шлюпокъ видно было, какъ онъ, приблизившись къ борту, простеръ руки къ небу, словно призывая милосердіе Божіе на всѣхъ гибнущихъ, умирающихъ и страдающихъ кругомъ своихъ духовныхъ дѣтей.

— Батюшка! Спасайтесь! — кричали ему со шлюпокъ.

Но о. Антоній не обращалъ вниманія. Онъ молился... Затѣмъ, высоко поднявъ крестъ, сталъ быстро, быстро благословлять всѣхъ кругомъ... Новые залпы усилили пожаръ. «Прутъ» пылалъ огромнымъ костромъ, все больше и больше осѣдая на корму. Носъ все выше и выше подымался надъ водой...

Вихрь дыма засталъ мѣсто, гдѣ только что стоялъ батюшка. Больше никто его не видѣлъ... 80-лѣтній, бѣлый, какъ лунь, іеромонахъ о. Антоній не пожелалъ, въ минуту гибели родного корабля, разстаться съ нимъ

и погибъ съ крестомъ въ рукахъ, до послѣдней минуты благословляя свою паству.

Видя, что корабль тонетъ, «Гебенъ» далъ ходъ и пошелъ на Сарычъ.

Командиръ и старшій офицеръ послѣдними бросились за бортъ. Командиръ, несмотря на раненіе, не пожелалъ сѣсть на свой вельботъ, а приказалъ ему спасать раненыхъ и тонущихъ людей. Вода была холодная. Кругомъ барахтались люди.

Марсовой Донченко, видя, что ревизоръ мичманъ Алексѣевъ выбивается изъ силъ, закричалъ ему:

— ВВБ, разрѣшите подплыть, — и подтолкнулъ ему свой буекъ.

Увидѣвъ проходившій баркасъ, онъ заоралъ: — На баркасѣ! Тутъ ревизоръ. П-о-м-о-г-и-т-е! — Офицеръ былъ спасенъ.

Носъ «Прута» все выше и выше задирался. Онъ пылалъ, какъ наклоненный факелъ.

Подскочившій «Милетъ» [1]) выпустилъ въ него мину. Мина прошла подъ форштевнемъ, едва не попавъ въ шлюпки, окружавшія еще свой гибнущій корабль.

Непріятельскіе миноносцы ушли вслѣдъ за «Гебеномъ», подобравъ изъ воды часть людей, въ томъ числѣ командира Георгія Александровича Быкова и старшаго офицера Юрія Людвиговича Лонткевича. Гибнущій «Прутъ» и переполненныя шлюпки остались одни. Немало людей плавало кругомъ. Со шлюпокъ имъ подавали концы. Уже болѣе никого невозможно было поднять безъ риска самимъ перевернуться.

Корма «Прута» совсѣмъ ушла въ воду. Онъ всталъ на «попа». Его носъ торчалъ вертикально къ небу. Весь охваченный огнемъ, онъ пылалъ теперь огромнымъ факеломъ. Далеко въ морѣ змѣился его огненный столбъ. Все меньше и меньше становился факелъ. Шлюпки замерли кругомъ... «Прутъ» почти весь подъ водой... Одинокій, мерцающій огонекъ, точно лампада на поверхности моря.

— Весла на валекъ! [2])

Шлюпки взяли на валекъ. Сотни глазъ, затаивъ дыханіе, впились въ огонекъ... Еще одно мгновеніе, ого-

---

[1]) Турецкій миноносецъ.

[2]) Отданіе чести поднятіемъ веселъ лопастями вверхъ.

некъ погасъ... Тамъ, гдѣ только что былъ «Прутъ», не осталось ничего. Море цѣликомъ поглотило его...

. . . . . .

Шлюпки направились къ берегу. Вдали возвышался Фіолентъ. На горизонтѣ показался дымокъ. Все ближе. Вскорѣ различили флагъ Краснаго Креста. Шло госпитальное судно «Колхида». Оно подобрало всѣхъ. Каждый тотчасъ же получилъ чарку водки и горячій борщъ.

Когда произвели подсчетъ людей, не досчитались **семидесяти трехъ...**

На точкѣ „Азъ".

...Тралящій караванъ кончалъ очистку канала отъ набросанныхъ непріятелемъ минъ. Флотъ торопилъ его...

Вдругъ шедшее въ головѣ каравана посыльное судно «Гайдамакъ» увидѣло нѣчто совершенно невѣроятное. Люди протерли глаза и бинокли, но... навожденіе не исчезло. Въ солнечныхъ бликахъ воды сидѣло какое-то невѣдомое чудище. Точно чортъ на метлѣ. Весь мостикъ былъ въ недоумѣніи...

Когда подошли поближе, увидѣли... совершенно голаго человѣка. Сидѣлъ онъ на красномъ буѣ, держась за склонившуюся вѣху. На вѣхѣ трепыхалось какое-то тряпье. Весь «Гайдамакъ» высыпалъ глазѣть на это необычайное зрѣлище.

Подошли къ нему.

— Ты кто такой? — спросилъ командиръ.

— Такъ что матросъ, ВВБ, — бодро отвѣтилъ «чудище».

— Какъ ты попалъ сюда?

— Не могимъ знать.

— Какъ «не могимъ знать»?

— Такъ точно, ВВБ, не могимъ знать.

Всѣ улыбнулись. Широко улыбался и самъ голый человѣкъ.

— Да откуда-же ты?

— Съ «Пущина», ВВБ... Такъ что мы шли въ атаку на «Ебена». Что-то вдарило. Метнуло. Очутим-

шись въ водѣ, побачилъ вишку и буекъ. Взлизъ на него. Раздѣмшись, — просушиться...

— Ишь ты, молодчина! Счастливъ твой Богъ! — улыбнулся командиръ. — Ну, сбирай живѣй свои «монатки», чай не примерзъ къ бую.

— Никакъ нѣтъ, ВВБ! — весело отвѣтилъ голый человѣкъ и, повернувшись своимъ кормовымъ украшеніемъ, полѣзъ за бѣльемъ.

Кругомъ грохотала команда. Сыпались соленыя боковыя словечки, насмѣшки.

Швырнувъ «монатки» на палубу, онъ ловко вскарабкался на бортъ.

Съ гомомъ и шутками команда обступила его и повела въ кубрикъ обогрѣваться и харчить.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ двухъ матросовъ «Пущина», которыхъ силой взрыва снаряда выбросило за бортъ. Одинъ пропалъ безъ вѣсти, а этому посчастливилось доплыть до буйка и спастись.

Буй этотъ былъ буйкомъ мѣрной мили — точкой «Азъ».

Блокада.

Тралящій караванъ медленно продвигался впередъ...

Стояла зима.

Какъ обычно, въ это время года, море было непривѣтно. Дулъ рѣзкій нордъ-остъ. Трудно приходилось каравану.

Его утлымъ суденышкамъ, попарно несшимъ тралы, едва удавалось соблюдать шахматный строй. Ихъ бросало, какъ яичную скорлупу. Волны каскадами заливали палубу, рубку, захлестывали трубу. Сбиваемыя вѣтромъ и волной суда плохо слушались руля, наваливались другъ на друга, расходились, тралы лопались, и ихъ снова и снова приходилось заводить. Измученные, промокшіе до костей, продрогшіе люди вновь, какъ волжскіе бурлаки, впрягались въ новый стальной троссъ и, скользя по мокрой, качающейся палубѣ, выбивались изъ силъ, чтобы закрѣпить его.

Тяжела служба тральщика. Немало людей перекалѣчила она. Тысячи препятствій, аварій и опасностей, и нужно много выносливости, силы, ловкости и мужества,

чтобы изо дня въ день выполнять ее. Въ свѣжую погоду эти опасности удесятеряются, ибо за гребнемъ волны тральщику не всегда удавалось во время замѣтить и разстрѣлять своего самаго лютаго врага — сорвавшуюся съ мѣста и всплывшую мину. И сколько было случаевъ, когда, въ пылу работы, вдругъ раздавался взрывъ, взлеталъ фонтанъ воды, а на мѣстѣ парнаго сосѣда виднѣлось лишь жирное, масляное пятно.

Флотъ цѣнилъ работу тральщиковъ, вѣрилъ ей и всегда спокойно, почти беззаботно проходилъ среди миннаго загражденія. Непогода задержала работу каравана. Время выходило... По каналу сейчасъ долженъ былъ пройти уходящій въ море флотъ.

Ждали сигнала адмирала. Адмиралъ — донесенія о готовности канала.

Въ южной бухтѣ насторожились миноносцы, готовые сорваться съ мѣста.

* *
*

Но вотъ получено радіо: «каналъ готовъ». На «Евстафіи» сигналъ: «Минная бригада! Слѣдовать по назначенію» [1]).

Миноносцы — наша гордость, — лучшіе въ мірѣ, 35-узловые нефтяники, въ строѣ кильватерныхъ колоннъ, по дивизіонно, показываются у выхода. Впереди флагманскій миноносецъ подъ брейдъ-вымпеломъ князя Трубецкого. Миноносцы, нависая другъ на дружкѣ, устремляются по каналу.

У насъ, на «Меркуріи», адмиралъ (н-къ бригады крейсеровъ), его штабъ, командиръ, старшій офицеръ, — словомъ, все боевое управленіе кораблемъ — на мостикѣ. Флагъ-офицеры и сигнальщики не спускаютъ биноклей съ «Евстафія», чтобы уловить, отрепетовать сигналъ большого адмирала (командующаго флотомъ) раньше, чѣмъ онъ будетъ поднятъ до мѣста.

«Бригада крейсеровъ! Дивизія линейныхъ кораблей! Сняться съ якоря всѣмъ, вдругъ».

* *
*

---

[1]) „Святой Евстафій" флагманскій линейный корабль додредноутнаго типа.

Концы отданы, заработали винты, шары на маломъ ходу... Крейсера «Память Меркурія», «Кагулъ» и «Алмазъ», постепенно увеличивая ходъ, направляются къ каналу. На «Георгіи» оркестръ гремитъ встрѣчный маршъ проходящему флагману [1]).

Вотъ Константиновская батарея, слѣва Приморскій бульваръ. На немъ провожающая толпа. Зонтики и платочки машутъ намъ.

Впереди — все усѣяно судами. То тральщики и миноносцы охраняютъ самое опасное для флота мѣсто — выходныя ворота изъ канала миннаго поля. Здѣсь могутъ притаиться подводныя лодки и атаковать выходящіе изъ узкаго мѣста корабли.

Сзади — все застлано дымомъ. Точно — многомилліонный фабричный центръ. Движется по каналу сѣрая громада линейныхъ кораблей. Впереди «Евстафій» (флагъ команд. флотомъ адмирала Эбергарда), за нимъ «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ» (флагъ н-ка дивизіи лин. кор. вице-адмирала Новицкаго), «Три Святителя» и «Ростиславъ».

Вотъ Херсонесскій монастырь. За нимъ на темномъ фонѣ хмураго неба бѣлѣетъ Херсонесскій маякъ, а тамъ безбрежное, свинцовое, волнующееся море...

— Горнисты по мѣстамъ!

— Боевая тревога!

Подходимъ къ выходу изъ канала...

* *
*

Флотъ вышелъ на чистую воду. На «Евстафіи» сигналъ: — «Адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе тралящему каравану».

Флотъ выстраивается въ дневной походный порядокъ и идетъ на пересѣчку моря, къ Анатолійскимъ берегамъ...

* *
*

Блокированіе нашимъ флотомъ непріятельскихъ береговъ тяжко отзывалось на турецкой арміи. Она

[1]) „Георгій Побѣдоносецъ"—старый броненосецъ, изображавшій собой рейдовую штабъ-квартиру командующаго Черноморскимъ флотомъ.

лишалась самаго удобнаго, быстраго и дешеваго морского пути для своего снабженія. Ей оставалось пользоваться только скверными дорогами да горными тропами. Такъ же страшно обострялся вопросъ снабженія углемъ имперіи. Къ сожалѣнію, время блокады было ограничено угольными запасами эскадры, для пополненія которыхъ флотъ долженъ былъ, время отъ времени, возвращаться въ Севастополь. (Позже, когда наши дредноуты вступили въ строй, блокада сдѣлалась безпрерывной).

Съ приближеніемъ флота, все, что имѣло радіо и могло быть такъ или иначе предупреждено, скрывалось въ ближайшіе порты, бухты и заливы, подъ защиту своихъ батарей. Прибрежная полоса пустѣла совершенно. Развѣ какой-нибудь смѣльчакъ за безумныя деньги рѣшался на «авось» продолжать свой рейсъ.

Эскадра кораблей, вступивъ въ блокаду и прикрывая дѣйствія минной бригады, держалась мористо, готовая къ бою съ врагомъ. Мы — крейсера — еще мористѣе, въ развѣдкѣ. Иногда адмиралъ посылалъ насъ изслѣдовать тотъ или иной районъ, или осмотрѣть берегъ, для уничтоженія береговыхъ батарей. Время тянулось нудно и однообразно. Офицерство развлекалось любимой игрой въ трикъ-тракъ, шахматами (карты запрещены уставомъ), музыкой и чтеніемъ или просто отсыпалось по каютамъ послѣ «ночныхъ собакъ» (вахта съ полночи — 4 утра). Команда полукругомъ собиралась у фитиля [1]), дымила, слушала разсказы говоруновъ изъ «баковой аристократіи» (фельдшера, шкипера, писаря) или, когда раздавалась дудка: «командѣ пѣсни пѣть и веселиться», развлекалась играми, борьбой, хоровыми пѣснями.

На минной бригадѣ было другое. Тамъ царила жизнь и суета. Миноносцы шли въ непосредственномъ соприкосновеніи съ берегомъ, совершая набѣги на всѣ попутно лежащіе порты, заливы, бухты и бухточки. Разбойной стаей, зачастую обстрѣливаемые скрытыми и не обнаруженными сразу батареями, они носились по побережью, наводя ужасъ и панику. Во главѣ ихъ, на мостикѣ своего флагманскаго миноносца, вставляя фи-

[1]) Снарядъ для закуриванія.

тили[1]) направо и налѣво, горячилась богатырская фигура князя Трубецкого. Въ кожаной походной курткѣ, въ черной, какъ смоль, бородѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и золотой трубкой въ зубахъ, онъ гремѣлъ, какъ іерихонская труба (его такъ и прозвали трубой). Крѣпкое русское словцо не сходило съ его языка. Жрецъ войны, морской казакъ и бреттеръ, съ простр ѣленной на дуэли головой, любитель шумной бесѣды у «мыса Доброй Надежды»[2]), онъ былъ тѣмъ, въ комъ нуждалась война. Море и война были его стихіей.

Своими набѣгами на непріятельскій берегъ онъ пріобрѣлъ большую популярность у врага. Турки прозвали его «Шайтанъ-капитанъ» и еще издали, завидѣвъ дымы, бросали все и съ крикомъ «Шайтанъ-капитанъ»! убѣгали въ горы и лѣса. Когда же они попадались въ плѣнъ, ихъ первымъ стремленіемъ было лично взглянуть на знаменитаго «Шайтанъ-капитана». Но «Шайтанъ-капитанъ« былъ милостивъ съ плѣнными, шутилъ съ ними и отпускалъ имъ водки и табаку.

* * *

Наши запасы угля подходили къ концу. Ночью флотъ долженъ былъ прервать блокаду и возвращаться домой для пополненія запасовъ. Все увеличивающаяся зыбь и донесенія обсерваторіи предвѣщали ночью штормъ. Вдали, въ морѣ виднѣлась полоса тумана, суживавшаго горизонтъ.

Мы — крейсера — попрежнему находились въ развѣдкѣ. Отъ насъ были видны лишь клотики[3]) кораблей...

На «Евстафіи» блеснулъ прожекторъ. Сигналъ! Мостикъ насторожился. Съ «Евстафія» передавали, что видятъ дымъ подъ берегомъ. Предписывалось выяснить, чей онъ. Миноносцы авралили гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ.

---

[1]) Фитиль—сигналъ неудовольствія и замѣчанія.

[2]) „Мысомъ Доброй Надежды" еще со временъ паруснаго флота назывался особый столикъ въ Кронштадтскомъ морскомъ собраніи въ буфетной залѣ, у самой стойки, въ углу, гдѣ любили пображничать старые капитаны.

[3]) Верхушка мачты.

Давъ самый полный ходъ, мы пошли по указанному румбу. Дѣйствительно, вскорѣ увидѣли синѣющій дымокъ. Подошли ближе... Смотримъ — какой-то пароходъ. Мы [1]) еще ближе. На пароходѣ насъ замѣтили и подняли флагъ. Большой турецкій флагъ. Вѣроятно, пароходъ не имѣлъ радіо и не зналъ, что врагъ у его береговъ. Принявъ насъ за своего, онъ въ знакъ привѣтствія поднялъ кормовой флагъ (обычная морская вѣжливость). Каково же было его удивленіе, когда въ отвѣтъ на это привѣтствіе, съ «Меркурія» грянулъ выстрѣлъ, и передъ носомъ парохода поднялся фонтанъ воды. Одновременно мы подняли сигналъ, по международному коду: «Немедленно остановиться». Такъ какъ пароходъ продолжалъ идти, мы послали ему второй снарядъ. Только тутъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, остановился и поднялъ бѣлый флагъ. Мы пошли на сближеніе. Такъ какъ нерѣдки были случаи, что подобные пароходы служили замаскированной ширмой для удобной позиціи подводной лодки, мы шли съ осторожностью, тщательно осматриваясь кругомъ. Стоявшій съ застопоренными машинами пароходъ, вдругъ, повернулъ и, не спуская бѣлаго флага, полнымъ ходомъ направился къ берегу. Тогда мы открыли огонь.

Точно горохъ посыпался съ парохода. То были головы людей, искавшихъ спасенія вплавь. Пароходъ почти сразу загорѣлся, накренился, вспыхнулъ бѣлочернымъ облакомъ (взрывъ котловъ) и утонулъ на нашихъ глазахъ. Къ сожалѣнію, приближавшаяся къ эскадрѣ стѣна тумана и общій сигналъ адмирала: «построиться въ ночной порядокъ» (въ туманѣ, какъ ночью) помѣшали намъ спасти людей. Оставивъ ихъ на произволъ судьбы, пошли на соединеніе съ эскадрой. Штурмана съ циркулями и логариѳмическими линейками рѣшали маневренную задачу въ кратчайшій срокъ и, слѣдовательно, кратчайшимъ путемъ вступить въ свое мѣсто въ головѣ движущейся колонны, въ кабельтовомъ разстояніи отъ головного, флагманскаго корабля. Мы шли полными ходами. Надо было спѣшить, чтобы до наступленія тумана выполнить маневръ.

Эскадра близко. Видны башни, орудія, люди. Обго-

[1]) Мы—крейсеръ „Память Меркурія".

няемъ ее пересѣкающимися курсами. Приближаемся къ «Евстафію». На крылѣ мостика видна знакомая, всегда элегантная, фигура командующаго флотомъ, его серебряная, аккуратно подстриженная бородка. Адмиралъ въ бинокль осматриваетъ насъ...

Двужильный старикъ — звали мы его. Высоко образованный морякъ, съ благородной душой и рыцарскимъ сердцемъ, старый холостякъ, лингвистъ, и, какъ говорила молва, — женоненавистникъ. Человѣкъ государственнаго ума и огромнаго опыта. Флотъ его любилъ и почиталъ. Всѣ глубоко жалѣли, когда онъ ушелъ. Съ мостика корабля онъ попалъ прямо въ кресло Государственнаго Совѣта.

— Команда наверхъ, на лѣвую сторону, во фронтъ! — раздалась у насъ команда вахтеннаго начальника.

— Сми-рна!

«Евстафій» совсѣмъ близко. Мы рѣжемъ его курсъ.

Адмиралъ опускаетъ бинокль. Бѣлая перчатка подымается къ козырьку.

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше высоко-приство! — вспыхиваетъ отвѣтъ. «Меркурій» ворочаетъ и въ точку вступаетъ въ свое мѣсто. Колонна входитъ въ нашу струю.

И было время. Туманъ надвинулся. Клубы его уже окутываютъ корабли. Видны лишь качающіеся на зыби рангоуты. Надѣваемъ дождевики.

Вдругъ, пронизывая туманъ, одна за другой блеснули молніи на «Евстафіи».

— Бумъ, бумъ! — прогремѣли удары башенныхъ орудій.

Опять молній, опять удары.

Въ чемъ дѣло? Что такое?!.. Всѣ бросились на лѣвое крыло мостика. Но туманъ непроницаемой стѣной схватилъ насъ, и ничего не было видно.

Пальба продолжалась.

Сотрясенный воздухъ поколебалъ туманъ. Мѣстами его разорвало и подняло кверху. Какъ сквозь затуманенныя окна, мы вдругъ увидѣли кильватерную колонну большихъ силуэтовъ.

— Турецкій флотъ!!!

Но огонь прекратился. Туманъ разслоился и какъ

бы отодвинулся. Колонна большихъ военныхъ транспортовъ шла параллельнымъ съ нами курсомъ.

Аллахъ ихъ вѣдаетъ, какими судьбами очутились они тутъ. Вѣроятно, нѣмцы просто ошиблись въ своихъ разсчетахъ насчетъ нашего запаса угля и, рѣшивъ, что срокъ прервать блокаду вышелъ, — выслали, не теряя ни минуты, свои транспорты. Но гдѣ же ихъ прикрытіе и охрана? А вѣдь грузъ оказался очень цѣннымъ: новые, только что полученные изъ Германіи аэропланы, авіаціонное снабженіе, ангары и авіаціонныя войска для нуждъ анатолійской арміи.

Все увеличивающаяся зыбь, туманъ и ожидаемый ночью штормъ не позволили флоту связывать себя плѣнными транспортами, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ горѣли и были сильно повреждены стрѣльбой. Адмиралъ приказалъ миноносцамъ потопить ихъ, предварительно снявъ и перевезя людей на корабли.

Это была трудная задача. Большая волна, туманъ, исковерканные 12-ти дюймовыми разрывами борта транспортовъ, изъ которыхъ многіе были въ дыму и огнѣ и имѣли большой кренъ, создавали множество опасностей для миноносцевъ, ибо, чтобы снять людей, миноносецъ долженъ былъ подойти бортъ о бортъ. Къ тому же, на транспортахъ царила страшная паника. При этой операціи волна могла сильно ударить миноносецъ о транспортъ, на которомъ отъ пробоинъ было много очень опасныхъ, острыхъ угловъ. Миноносецъ легко могъ поломать свои винты.

Но, спасая людей, миноносцы менѣе всего думали о себѣ и геройски справились съ задачей. Одинъ за другимъ они очищали транспорты и пускали ко дну.

Когда очередь дошла до послѣдняго, одинъ изъ миноносцевъ, вдругъ, увидѣлъ на его мостикѣ одинокую неподвижную фигуру человѣка. Миноносецъ сейчасъ же пошелъ къ нему. По формѣ и галунамъ въ неподвижной фигурѣ узнали нѣмецкаго капитана. Онъ спокойно стоялъ на мостикѣ своего горѣвшаго корабля, скрестивъ руки на груди. Съ миноносца ему стали кричать, чтобы онъ скорѣе слѣзалъ и спасался, но онъ продолжалъ неподвижно стоять. Офицеры настойчиво его звали, кричали ему по-нѣмецки, что сейчасъ пустятъ

мину, но онъ не шелохнулся и только рукой сдѣлалъ отрицательный знакъ.

Разсуждать было некогда. Туманъ снова сгустился. Надо было спѣшить, иначе миноносецъ рисковалъ потерять своихъ.

Онъ отошелъ на дистанцію...

Раздалось: «Пли»!

Мина вырвалась изъ аппарата, скользнула въ море, вынырнула, вновь нырнула, забравъ нужную глубину, выпрямилась на своихъ руляхъ и, оставляя узкій, свѣтло-зеленый, искрящійся, какъ шампанское, слѣдъ, стрѣлой понеслась...

Доблестный капитанъ до конца раздѣлилъ участь своего корабля.

* *
*

Потопивъ транспорты, флотъ пошелъ въ Севастополь. Ночью разыгрался штормъ. На высокобортномъ «Меркуріи» волна доходила до самаго мостика. Ураганъ, срывая гребни волнъ, обдавалъ ледяной водой. Никакіе плащи не помогали. Особенно туго приходилось низкобортному броненосцу «Три Святителя». Онъ шелъ буквально подъ водой, виднѣлись лишь башни да надстройки. Задніе корабли то исчезали въ пучинѣ, то вдругъ оказывались надъ нашей головой, на верху огромнаго вала. Казалось, вотъ-вотъ съ гребня рухнетъ прямо на насъ. На миноносцахъ люди были привязаны, чтобы не смыло волной. Капитанъ ни на секунду не могъ снять рукъ съ машиннаго телеграфа, чтобы во время застопорить или, наоборотъ, дать ходъ. Моментъ, когда носъ миноносца летѣлъ въ пропасть, а корма вздымалась, былъ опаснымъ моментомъ, ибо обнаженные винты, лишенные сопротивленія воды, могли разбить турбины. Все дѣло въ опытѣ и хладнокровіи капитана.

Изъ за шторма флотъ не могъ сразу войти въ Севастополь, такъ какъ каналъ не былъ протраленъ. Онъ, какъ призракъ, нѣсколько дней носился по морю, пока штормъ не стихъ, и тральщики не очистили каналъ.

Зато, когда флотъ сталъ на якорь и разрѣшенъ былъ съѣздъ на берегъ, любо-дорого было смотрѣть на морскую молодежь, когда она бодрая, жизнерадостная,

обвѣтренная и загорѣлая, во всемъ съ иголочки, въ своихъ «обворожительныхъ» кортикахъ выскакивала на Графскую пристань изъ моторовъ и катеровъ, и веселой гурьбой разсыпалась по Севастополю.

Сколько сердецъ загоралось тогда...

Первый бой.

Вмѣсто предисловія.

Парижъ, 1929 г. Скачки окончились... Высокій, элегантный господинъ остановилъ такси.

— На бульвары!

Такси тронулось...

Минуты черезъ двѣ, monsieur высунулся въ окно и на хорошемъ французскомъ языкѣ спросилъ:

— Скажите... — вѣдь вы не французъ.

— А что?!.. Плохо везу? — улыбнулся таксистъ.

— Наоборотъ! Очень хорошо...

Прошла минута... Господинъ откинулъ переднее сидѣнье и подсѣлъ къ окну.

— Вашъ обликъ говоритъ за себя. Вы, должно быть, военный... Вы не русскій?

— Да, я русскій... А съ кѣмъ имѣю удовольствіе разговаривать?

— Я — турецкій морской офицеръ. Всю войну плавалъ на «Гебенѣ».

Шоффeръ обернулся.

— А я бывшій старшій офицеръ «Императрицы Маріи».[1])

— Не можетъ быть! — Съ **«Императрицы Маріи»**... Какая встрѣча?! — Вѣдь это былъ нашъ самый страшный врагъ. Разрѣшите подсѣсть къ вамъ.

Такси остановился. Элегантный котелокъ сѣлъ рядомъ съ шоффeрской кэпи. Въ оживленныхъ воспоминаніяхъ незамѣтно прошелъ путь. Показались фортификаціи...

— Я хотѣлъ бы задать вамъ еще одинъ вопросъ. Теперь — по прошествіи 15-ти лѣтъ — вы можете на него отвѣтить откровено, — почему, скажите пожалуй-

[1]) Нашъ первый черноморскій дредноутъ.

ста, тогда, въ первомъ бою, 18 ноября, съ нашими старыми коряблями, «Гебенъ» не довелъ дѣло до конца и покинулъ поле сраженія.

— Ахъ, не спрашивайте. Это былъ позоръ. Мы — турецкіе офицеры — умоляли Миллера [1]) продолжать бой, просили вызвать «милеты» [2]), но онъ слышать ничего не хотѣлъ.

— А какую роль вы играли на «Гебенѣ»?

— Во время войны при каждомъ нѣмецкомъ офицерѣ состоялъ турецкій. [3])

Шоффер нажалъ тормазъ и остановился у окошечка «октруа»... Начался городъ, автомобильная толчея, омнибусы, полицейскіе свистки. Разговоръ оборвался...

Разсказъ объ этой встрѣчѣ я вспомнилъ теперь, развернувъ свѣжій номеръ «Зарубежнаго морского сборника», посвященнаго 15-й годовщинѣ этого славнаго боя нашихъ старыхъ кораблей съ «Гебеномъ» и «Бреслау».

По составу участниковъ описываемый бой является исключительнымъ событіемъ въ морской исторіи всего міра. Противъ современнаго корабля-дредноута дрались три старыхъ до-дредноута. Въ сущности даже не три, а одинъ, ибо въ силу особыхъ условій обстановки, съ которыми читатель сейчасъ ознакомится, **бой свелся къ единоборству съ «Гебеномъ» нашего головнаго флагманскаго корабля «Св. Евстафій».** Противъ вражескаго гиганта въ 23.000 тоннъ, постройки 1911 г., съ ходомъ въ 28 узловъ и **десятью** 11 д. орудіями, сражался нашъ «Евстафій» въ 13.000 тоннъ, постройки 1906 г., съ ходомъ въ 16 узловъ и **четырьмя** 12 д. орудіями. Разница силъ еще усугублялась сознаніемъ, что побѣда этого гиганта надъ нашимъ старикомъ грозила полнымъ пораженіемъ всей эскадрѣ, ибо только во всемъ своемъ цѣломъ она могла сопротивляться его напору. Помимо мощи своей брони и вѣса своего залпа, врагъ,

---

[1]) Командиръ германскаго крейсера „Гебенъ".

[2]) Турецкіе миноносцы.

[3]) Турецкій флотъ былъ единственнымъ въ мірѣ флотомъ гдѣ на каждые 100 матросовъ приходилось 80 офицеровъ.

благодаря огромному преобладанію въ скорости хода, командовалъ обстановкой и могъ выбрать наивыгоднѣйшую позицію для боя.

На Русской сторонѣ.

Совершивъ походъ къ Анатолійскимъ берегамъ, цѣлью котораго было уничтоженіе портовыхъ сооруженій, осмотръ вражескихъ водъ и постановка въ нихъ минныхъ заграждeній, Черноморскій флотъ возвращался въ Севастополь.

Въ морѣ, 17 ноября,[1]) командующій флотомъ адмиралъ Эбергардъ получилъ радіодепешу морского генеральнаго штаба, извѣщавшую его, что «Гебенъ» и «Бреслау» находятся въ морѣ. Въ виду того, что запасы топлива на эскадрѣ были на исходѣ, оставаться въ морѣ для преслѣдованія непріятеля было невозможно, и флотъ продолжалъ свое движеніе къ Севастополю, мало разсчитывая на случайную встрѣчу съ противникомъ.

Онъ не подозрѣвалъ, что рокъ уже предопредѣлилъ событія, и что на одномъ изъ кораблей произойдетъ то, что сдѣлаетъ эту встрѣчу неминуемой, и, несмотря на туманъ, сведетъ враждующія силы къ одной и той же точкѣ.

Къ заходу солнца флотъ, какъ обычно, перестроился въ ночной походный порядокъ: впереди — форзейлемъ — крейсеръ «Память Меркурія» (флагъ контръ-адмирала Покровскаго), въ кильватеръ ему — «Кагулъ»; далѣе колонна преддредноутовъ: «Святой Евстафій» (флагъ командующаго флотомъ, адмирала Эбергарда), «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ» (флагъ вице-адмирала Новицкаго); за ними два старыхъ корабля: «Три Святителя» и «Ростиславъ»[2]), концевымъ — крейсеръ «Алмазъ». Въ хвостѣ — въ десятимильной дистанціи — миноносцы подъ брейдъ-вымпеломъ капитана 1-го ранга Саблина. Ночь мрачная. Льетъ дождь.

На мостикѣ «Алмаза» — командиръ, капитанъ 1-го ранга Заринъ, штурманъ — лейтенантъ Чириковъ, вахта.

[1]) По нов. стилю.

[2]) Эти корабли брались съ собой для разныхъ вспомогательныхъ операцій.

Виднѣется узкая (невидимая на сторону) свѣтовая прорѣзь кильватернаго огня «Ростислава». Вахтенный начальникъ старательно правитъ по ней, точно соблюдая установленное разстояніе.

На эскадрѣ тишина. Прислуга — у орудій.

Строго наказавъ сигнальщикамъ немедленно разбудить себя въ случаѣ тревоги или поворота, Чириковъ спустился въ свою рубку (что тутъ же подъ мостикомъ) и съ наслажденіемъ растянулся на большомъ кожаномъ диванѣ. Цѣлый день простоялъ на мостикѣ и порядочно усталъ. Затемненный свѣтъ синей лампочки, монотонный ритмъ винтовъ, плескъ моря — быстро сдѣлали свое: штурманъ заснулъ.

Эскадра, не мѣняя назначенныхъ на ночь курса и скорости, продолжала идти на нордъ — нордъ-вестъ десятиузловымъ ходомъ. Часы пробили 2 пополуночи.

Вдругъ, словно отъ толчка, штурманъ проснулся. Ощущеніе непонятнаго безпокойства. Прислушался. Заглушенный разстояніемъ ритмъ винтовъ напѣвалъ иной мотивъ, чѣмъ тогда, когда онъ засыпалъ. Прислушался еще. Несомнѣнно, винты работали иначе; работали такъ, какъ работаютъ на маломъ ходу.

— Что за чертовщина? — подумалъ лейтенантъ. Надѣлъ дождевикъ и вышелъ изъ рубки. Туманъ.

Чириковъ поднялся на мостикъ. Силуэтъ вахтеннаго начальника въ поднятомъ воротникѣ, неясныя фигуры сигнальщиковъ. Еще виднѣется кильватерный огонекъ «Ростислава».

— Отчего не прислали сказать о туманѣ? Въ которомъ часу начался онъ? — съ укоризной спросилъ штурманъ.

— Когда я вступилъ на «собаку» [1]), туманъ уже былъ, — отвѣтилъ вахтенный начальникъ.

Справа, у самаго носа, виднѣлся бурунъ туманнаго буя «Ростислава» [2]).

---

[1]) Вахта съ полночи до 4-хъ утра.

[2]) Т. к. въ туманѣ легко отстать отъ своего передняго мателота и потерять его, а слѣдовательно и утратить свое мѣсто въ строю, — корабли въ эскадренномъ плаваніи, во время тумана, выбрасываютъ съ кормы особый приборъ — «туманный буй». Этотъ приборъ состоитъ изъ деревянной рамы съ колесомъ внутри. Отъ хода корабля, колесо вращается и подымаетъ хорошо видимый бу-

— Какой ходъ? — спросилъ Чириковъ.

— Шесть узловъ.

— Какъ же такъ? — удивился онъ. — Вѣдь эскадренный ходъ — десять.

Штурманъ вошелъ въ рулевую рубку и потребовалъ тетрадку записей. Сигнальный старшина подалъ ее. Отмѣтки о перемѣнѣ хода не было. Штурманъ перевернулъ страницу и пробѣжалъ графу оборотовъ. 85, 80, 75, 70... Цифры давали ясную картину **постепеннаго** уменьшенія числа оборотовъ винтовъ, а, слѣдовательно, и хода корабля. Изъ этой картины становилось очевиднымъ, что подобное уменьшеніе хода не вызвано распоряженіемъ свыше, а явилось слѣдствіемъ какихъ-то другихъ причинъ, ибо иначе, въ случаѣ сигнала объ общей перемѣнѣ скорости, число оборотовъ измѣнилось бы сразу и рѣзко. У опытнаго офицера сейчасъ же возникла мысль, что гдѣ-то что-то случилось, и что командующій не знаетъ объ этомъ.

Лейтенантъ вошелъ въ рубку командира.

— Александръ Сергѣевичъ! — доложилъ онъ. — Я только что обнаружилъ, что мы идемъ уменьшеннымъ ходомъ.—И. Н. С. Чириковъ подѣлился съ командиромъ своими соображеніями.

— Вы совершенно правы. Надо запросить «Ростиславъ», — согласился командиръ.

Замигалъ ратьеръ: «Почему уменьшили ходъ?» Отвѣтъ: «Намотали на винтъ конецъ туманнаго буя «Трехъ Святителей».

— Скверная исторія! — сказалъ штурманъ. — По-видимому, «Ростиславъ» не донесъ объ этомъ адмиралу, иначе командующій уменьшилъ бы ходъ.

— Да, похоже на то.

— Но, Александръ Сергѣевичъ, надо что-нибудь

рунъ. Приборъ устроенъ такъ, что отъ вращенія колеса получается шумъ, подобный колотушкѣ. Это сдѣлано на тотъ случай, если вахтенный начальникъ потеряетъ изъ вида бурунъ. Колотушка подскажетъ ему, что онъ нагоняетъ передній корабль и что, слѣдовательно, нужно сбавить ходъ. Если же вахтенный начальникъ, потерявъ изъ вида бурунъ, не будетъ слышать и колотушки, — это будетъ признакомъ, что его корабль отсталъ, и что нужно прибавить ходъ, пока вновь не откроется бурунъ.

предпринять. Сейчасъ два часа ночи. Эскадра, не зная о случившемся, идетъ прежнимъ ходомъ, въ то время, какъ мы дѣлаемъ всего шесть узловъ. Слѣдовательно, она уже отошла отъ насъ на 16 миль. «Ростиславъ» не сможетъ нагнать ее, такъ какъ еще не освободилъ винта. Къ разсвѣту — въ моментъ возможной встрѣчи съ «Гебеномъ» — разстояніе до эскадры будетъ 36 миль. Мы совершенно оторвемся отъ нея.

— Какъ же быть?! — взволновался командиръ. — Вѣдь радіо-переговоры воспрещены. Чтобы предупредить эскадру, намъ остается одно: броситься въ догонку, но въ туманѣ она разстрѣляетъ насъ.

— Не разстрѣляетъ, — увѣренно отвѣтилъ штурманъ. — Я ручаюсь, что точно вступлю ей въ кильватеръ. Мало вѣроятія, чтобы командующій безъ сигнала измѣнилъ ночной курсъ, да еще въ туманѣ.

«Алмазъ» далъ ходъ и окунулся въ молоко...

Около 5 утра, когда, по разсчетамъ, вотъ-вотъ должны нагнать эскадру, — штурманъ спустился на бакъ и влѣзъ на бушпритъ. Потянулъ носомъ. Ничего! Запахъ сырости и только. Прошло нѣсколько минутъ. Какъ будто почувствовался запахъ дыма. На водѣ появилось пятно. Мусоръ! Черными кучками проплыла пакля. Сверкнула жестянка. Эскадра!

Обрисовался приземистый, утюгообразный силуэтъ. «Три Святителя»! «Алмазъ» уменьшилъ ходъ и вступилъ въ строй.

Замигалъ ратьеръ: «По линіи, адмиралу. «Ростиславъ» намоталъ на винтъ. Отсталъ на 28 миль».

Лишь только это извѣстіе дошло до «Евстафія», — послѣдовалъ сигналъ: «Имѣть пять узловъ хода».

Не случись вотъ этой самой исторіи, — не произошло бы и встрѣчи съ «Гебеномъ», ибо не уменьши эскадра ходъ, она значительно бы раньше прошла ту точку, гдѣ пересѣклись въ туманѣ пути обѣихъ сторонъ. Не прояви же алмазскій штурманъ иниціативы, — можно съ увѣренностью сказать, — оба оторвавшіеся корабля стали бы жертвой «Гебена». Измѣнившійся ритмъ винтовъ, разбудившій лейтенанта Чирикова, вотъ та ничтожная первопричина, которая, однако, сохранила жизнь свыше тысячи людей и дала міру невиданное

зрѣлище единоборства стараго корабля съ современнымъ дредноутомъ.

Только за полчаса до боя «Ростиславъ» нагналъ эскадру. Она уже легла на Севастополь и шла въ дневномъ походномъ порядкѣ на нордъ-тэнъ-вестъ, имѣя впереди дозоръ крейсеровъ. Съ присоединеніемъ «Ростислава» былъ данъ прежній ходъ.

Въ штурманскую будку просунулся голый черепъ алмазскаго врача.

— Куда идемъ?

— Въ стойло, дорогой, въ стойло! Скоро каналъ.

Штурманъ нанесъ на карту свое мѣсто и взялъ его широту и долготу: 44 градуса 05 мин. — сѣверная и 33 градуса 33 мин. — восточная.

Топотъ и крики надъ головой заставили его выскочить наверхъ.

— Ишь ты, «Синопъ» виденъ [1])! — донесся съ бака чей-то радостный возгласъ.

Чириковъ поднялся на мостикъ. Вахтенный начальникъ, лейтенантъ Куликовъ, и сигнальщики смотрѣли всѣ въ одну сторону. Въ туманной дали виднѣлся расплывчатый силуэтъ.

— «Гебенъ»!!! — вдругъ крикнулъ Куликовъ.

— Не «Синопъ» ли? — подумалъ штурманъ, внимательно всматриваясь въ силуэтъ. — Ужъ что-то больно похожъ на него? Но не успѣла мелькнуть эта мысль, какъ изъ густой пелены, словно фабрика, вынырнули четыре трубы. Всѣ сомнѣнія отпали.

— «Гебенъ» и «Бреслау»! — увѣренно произнесъ Чириковъ. — Дальномѣрщики! — Разстояніе!

— 32 кабельтова! — весело отвѣтилъ бравый унтеръ-офицеръ Галичъ.

Крейсера круто повернули. Въ сторону эскадры заработали прожектора: «Глаголь»... «Глаголь»... («Гебенъ»! «Гебенъ»!).

Затемнѣла колонна. Подъ стеньговыми флагами, съ повернутыми башнями, эскадра уже ложилась на боевой курсъ.

«Гебенъ» — словно пущенная стрѣла съ дымовымъ

---

[1]) Старый броненосецъ, всегда выходившій навстрѣчу эскадрѣ, въ качествѣ ея проводника среди миннаго загражденія.

хвостомъ. Носъ и осѣвшая корма въ кружевѣ буруновъ. Красота!

Въ 12 час. 17 мин. дрогнулъ туманъ. Первый залпъ! Залпъ съ «Евстафія».

— Эхъ, раскатаютъ старика! — хватилъ алмазскій боцманъ фуражкой о палубу, въ полной увѣренности, что флотъ принялъ «Синопъ» за «Гебенъ»...

* * *

Немедленно по полученіи сигнала, на эскадрѣ пробили боевую тревогу. Взвились стеньговые флаги. Слѣдуя движенію адмирала, корабли стали послѣдовательно ворочать влѣво навстрѣчу врага, приводя его на курсовой уголъ въ 90 гр...

Пасмурность и туманъ препятствовали хорошему опредѣленію разстоянія. Первое достовѣрное разстояніе до «Гебена», полученное на «Евстафіи», было 40 каб. [1]).

Согласно принятому въ Черноморскомъ флотѣ правилу, управленіе централизованнымъ огнемъ эскадры велъ не головной корабль, а второй въ линіи — «Іоаннъ Златоустъ». Флотъ уже заканчивалъ свой поворотъ, но «Златоустъ» все не открывалъ огня. Тогда адмиралъ Эбергардъ, понимая, что «Златоустъ», вѣроятно, изъ-за тумана не видитъ противника, не желая упустить благопріятнаго момента, приказалъ своему кораблю открыть огонь, не дожидаясь «Златоуста». Въ 12 ч. 21 м. «Евстафій» далъ залпъ.

Этотъ залпъ накрылъ «Гебена». Ясно обозначались разрывы. Врагъ, шедшій все время на сближеніе, повернулъ и легъ на параллельный курсъ. Черезъ минуту онъ открылъ огонъ изъ всѣхъ своихъ башенъ, сосредоточивъ его на одномъ «Евстафіи». **Началось единоборство.** Первый залпъ «Гебена» далъ перелетъ въ 20 саженей, причемъ одинъ 11 д. снарядъ пронзилъ среднюю дымовую трубу «Евстафія» и разорвался на другомъ борту. **Онъ снесъ бортовую радіо-сѣть,** лишивъ корабль главнаго средства для передачи эскадрѣ артиллерійской установки, которую осталось возможнымъ передать только при помощи откидныхъ плакатовъ,

[1]) Кабельтовъ = 100 саженямъ.

что при плохой видимости было мало дѣйствительнымъ.

Второй залпъ «Гебена» далъ недолетъ. Третій — два попаданія.

Радіо-сѣть могла быть возстановленной только черезъ 14 минутъ, когда бой уже окончился, **поэтому «Евстафій» не могъ передать на управляющій огнемъ корабль вѣрнаго разстоянія въ 40 каб.,** на которомъ онъ получилъ накрытіе. Вслѣдствіе этого «Златоустъ» давалъ эскадрѣ по радіо-сѣти разстояніе до «Гебена» въ 60 каб., которое онъ взялъ невѣрно, по причинѣ тумана.

Предположеніе адм. Эбергарда, что «Златоустъ» въ началѣ боя не открывалъ огня только потому, что не видѣлъ «Гебена», полностью подтвердилось — на «Златоустѣ» его видѣла лишь носовая башня. На «Пантелеймонѣ» его не видѣли совсѣмъ. На «Трехъ Святителяхъ» очень плохо. Концевой же корабль — «Ростиславъ», не видя «Гебена», велъ огонь по «Бреслау», который скоро повернулъ и скрылся въ туманѣ. **Хорошо различалъ противника лишь одинъ «Евстафій», вслѣдствіе чего ему пришлось вести бой одинъ на одинъ.**

Терпя большія потери отъ сосредоточенности огня противника, «Евстафій» ни на одну секунду не прекращалъ своего ураганнаго и губительнаго огня. Залпы гремѣли за залпами, освѣщая туманъ заревами пожарищъ.

Черезъ 14 минутъ «Гебенъ» не выдержалъ. Охваченный дымомъ и пламенемъ, онъ въ 12 ч. 35 м. рѣзко повернулъ и скрылся въ туманѣ.

Самое серьезное поврежденіе «Евстафій» получилъ отъ 3-го залпа «Гебена», давшаго два попаданія. Одинъ 11 д. снарядъ пробилъ броню 6 д. батареи, сшибъ бесѣдку со снарядами и патронами. Послѣдніе загорѣлись, но тотчасъ же были потушены. Затѣмъ снарядъ влетѣлъ въ офицерскій камбузъ, гдѣ и взорвался, уничтоживъ все и вся. Одинъ изъ крупныхъ осколковъ ударилъ въ броневую выгородку 6 д. каземата и вдавилъ плиту на площади удара съ разрывомъ металла. Этотъ снарядъ, пробившій броню у визира III-го плутонга, выбилъ трехъ офицеровъ, перекрошилъ прислугу подачи и часть машинной команды, выбѣжавшей изъ жилой палубы, отчасти изъ любопытства, отчасти изъ

желанія помочь. На другомъ борту осколками были убиты командиръ IV плутонга и пришедшій къ нему командиръ II плутонга... **Словомъ, одинъ этотъ снарядъ выбилъ весь командный составъ 6 дюйм. батареи.**

Второй 11 д. снарядъ попалъ въ первый носовой VI казематъ, сорвавъ броневую плиту. **Этотъ снарядъ нанесъ кораблю самое тяжелое поврежденіе.**

Еще одно поврежденіе было получено отъ разорвавшагося объ воду снаряда того же калибра. Осколки изрѣшетили небронированный здѣсь бортъ, разрушили продольную переборку и лазаретъ.

Пятый 11 д. снарядъ, пробившій броню 8 д. каземата, къ счастью, не разорвался.

«Евстафій» потерялъ убитыми 5 офицеровъ и 29 матросовъ; ранеными — 24, изъ коихъ 19 тяжело. Большинство изъ нихъ умерло.

Потери и поврежденія «Гебена» значительно превосходили наши. Онъ получилъ 14 попаданій, изъ коихъ 3 — 12 д. снарядовъ. На немъ было убито 12 офицеровъ и 103 матроса, ранено 7 офицеровъ и 52 матроса. Нашими снарядами на «Гебенѣ» былъ произведенъ большой пожаръ и серьезныя поврежденія, для исправленія которыхъ понадобилось 14 дней безпрерывныхъ работъ ночью и днемъ. Поврежденія «Евстафія» были исправлены черезъ 10 дней.

На нѣмецкой сторонѣ [1]).

Разсвѣло. Мы — на высотѣ Балаклавы, крейсируемъ въ неопредѣленномъ направленіи.

Я приникъ къ аппарату. По прежнему спокойные переговоры береговыхъ станцій.

Вдругъ, страшный шокъ поразилъ ухо. Съ трудомъ вслушиваюсь. Рѣзкіе вызовы... Что такое?! Никакъ русскій корабль?! Онъ въ непосредственной близости!

Стремглавъ на мостикъ. Смотрю вокругъ. Феерическая панорама солнечныхъ лучей въ туманѣ. Докладываю, что врагъ гдѣ-то около насъ.

— Предупредить артиллерію! — коротко прика-

[1]) По воспоминаніямъ германскаго радіо-телеграфиста. «A bord du Goeben». Georges Kopp. Payot. Paris.

залъ адмиралъ. Не успѣлъ онъ это сказать, какъ, словно видѣніе, выплыла сѣрая масса. Загремѣли колокола.

Едва я влетѣлъ обратно въ рубку, — урчанье прокатилось по морю. «Гебенъ» вздрогнулъ. Погасло электричество.

Бросились зажигать свѣчи. Ядовитый газъ сперъ дыханіе. Поднялась невообразимая какофонія. Грохотъ, гулъ, содроганіе... Удушливый мракъ. Свѣчи отказывались горѣть.

И, вдругъ, смолкло все. Наступила такая тишина, какая бываетъ только послѣ грозы. Кошмаръ пронесся съ быстротой вихря...

Вотъ, что мы узнали, когда, наконецъ, пришли въ себя. Тѣнь за тѣнью выплыли изъ тумана русскіе корабли и, словно миражъ, исчезли за бѣлой стѣной. Когда мы ихъ увидѣли вновь, — они уже открыли огонь. Говорятъ, зрѣлище было замѣчательнымъ. Разстояніе не превышало 4.000 метровъ. Длинные языки пламени пронизывали туманъ. Орудія изрыгали ураганъ стали, гудѣвшій и свистѣвшій надъ нашими головами.

Одинъ снарядъ пробилъ броню въ лѣвомъ борту, проникъ въ третій казематъ и взорвался въ немъ. Вся прислуга полегла. Взрывомъ снесло броневую плиту, взорвало паркъ. Забушевалъ пожаръ. Пламя ринулось внизъ, къ бомбовымъ погребамъ.

Ужасающая катастрофа была предотвращена самоотверженнымъ геройствомъ нерастерявшагося унтеръ-офицера, мгновенно пустившаго завѣсу воды. Только ему мы обязаны спасеніемъ.

Сила взрыва была такова, что, несмотря на громадное отверстіе въ борту, газы деформировали мостикъ. Герметическія двери открылись, задранныя горловины угольныхъ ямъ срѣзало, какъ ножомъ. Ядовитые газы наполнили вентиляціонныя трубы и проникли въ радіо-рубку.

Но пострадала и непріятельская эскадра. Одинъ изъ первыхъ нашихъ залповъ причинилъ большое разрушеніе на «Евстафіи»; получилъ аварію и «Ростиславъ»(?). Впрочемъ, сами русскіе телеграфировали въ Севастополь о своихъ потеряхъ и поврежденіяхъ.

Мы никакъ не ожидали, что бой произойдетъ въ

тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ произошелъ. Мы разсчитывали только на одного непріятеля: русскій флотъ, а у него оказался союзникъ: туманъ(?). Все же, нашъ славный «Гебенъ» блестяще показалъ себя. Русскіе никогда не думали, что мы рѣшимся приблизиться къ нимъ. Они скрылись въ туманѣ, оставивъ за нами поле сраженія (?).

Тяжелое зрѣлище представлялъ собой разрушенный казематъ. Забрызганный кровью, онъ весь былъ заваленъ трупами и оторванными конечностями. Люди были изуродованы до неузнаваемости. Нѣкоторые неподвижно стояли и сидѣли у своихъ орудій. Казалось, что это живые. Но это были мертвецы со страшными желтыми лицами. Газы убили ихъ.

Послѣ двухъ часовъ пополудни, всѣ тѣла были собраны на корму и прикрыты флагами. Среди убитыхъ былъ одинъ турокъ. Его положили отдѣльно и покрыли турецкимъ флагомъ.

Выстроился караулъ. Командиръ прочелъ заупокойную молитву. Три ружейныхъ залпа закончили печальную церемонію морскихъ похоронъ.

Заключеніе.

Русская эскадра въ бою 5 ноября выявила міру высокую степень боевой подготовки. Проявленную командующимъ флотомъ адмираломъ Эбергардомъ инициативу открыть огонь ранѣе корабля, управляющаго всей артиллеріей, слѣдуетъ поставить ему въ большую заслугу. Чутьемъ опытнаго стараго флотоводца, онъ почувствовалъ моментъ, когда долженъ былъ возложить на себя всю отвѣтственность и проявить личную инициативу, **хотя бы для этого и пришлось нарушить твердо установленное правило. Только благодаря этому «Гебену» и былъ нанесенъ максимумъ вреда.**

Стрѣльба «Гебена» была хороша, но онъ не сумѣлъ использовать своего главнаго преимущества въ ходѣ для боя, а использовалъ его только для бѣгства. Мы не имѣемъ данныхъ о точномъ количествѣ выпущенныхъ

имъ тяжелыхъ снарядовъ, но несомнѣнно имъ было сдѣлано не менѣе пяти залповъ, т. е. выпущено 50 — 11 д. снарядовъ. Пять попало, слѣдовательно процентъ попаданій равенъ 10.

Мѣткость нашей стрѣльбы была исключительной. Съ нашей стороны было выпущено 30 — 11 д. снарядовъ. Въ «Гебенъ» этого калибра попало три. Если же мы примемъ во вниманіе, что всѣ попаданія въ «Гебенъ» были сдѣланы «Евстафіемъ», выпустившимъ 12 этихъ снарядовъ, **процентъ попаданій съ этого корабля равняется 25.**

* *
*

Нѣмецкій историкъ такъ описываетъ этотъ бой:

«Начало ноября прошло въ переброскѣ изъ Константинополя въ Трапезундъ X корпуса. Хотя русскій флотъ былъ въ морѣ, какъ и нашъ, первая встрѣча произошла подъ Севастополемъ только 18-го ноября. Наканунѣ мы узнали, что русскіе корабли бомбардировали Трапезундъ. Тогда «Гебенъ» и «Бреслау» были отправлены къ Севастополю, **чтобы отрѣзать имъ путь къ отступленію.**

Въ 12 ч. 06 м. «Бреслау», бывшій впереди, сообщилъ, что видитъ въ морѣ русскій крейсеръ. Черезъ четверть часа «Гебенъ» оказался въ 7.000 метрахъ отъ русской эскадры. Обѣ стороны одновременно открыли огонь. «Гебенъ» представлялъ лучшую цѣль, т. к. выдѣлялся на свѣтломъ фонѣ моря.

Русскіе корабли стрѣляли хорошо. При одномъ изъ первыхъ залповъ «Гебенъ» получилъ попаданія. У него была пробита броня, выведено изъ строя 6 д. орудіе, начался пожаръ, были убитые и отравленные газами (12 человѣкъ?). «Гебенъ» пытался обойти голову русской линіи, но это ему не удалось, т. к. русская эскадра уклонилась въ сторону, держа его подъ сосредоточеннымъ огнемъ. **Опасность, однако, быстро миновала, т. к. русская колонна, какъ видѣніе, скрылась въ туманѣ».**

Тенденціозность этого германскаго описанія очевидна, ибо если бы «Гебенъ», дѣйствительно, понесъ столь незначительныя потери, то его дальнѣйшее поведеніе въ бою совершенно непонятно. Въ самомъ дѣлѣ,

что пишутъ нѣмцы: вначалѣ хвастливое заявленіе — **«Гебенъ» и «Бреслау» отправились въ Севастополь, чтобы отрѣзать русскому флоту отступленіе»**, а потомъ, когда «Гебенъ» попалъ подъ нашъ сосредоточенный огонь — меланхолическое: **«русскіе стрѣляли хорошо»** и затѣмъ почти радостно: **«опасность, однако, быстро миновала, т. к. русская колонна, какъ видѣніе, скрылась въ туманѣ»**. Фраза составлена такъ, чтобы какъ можно лучше замаскировать — по чьей же собственно иниціативѣ русская эскадра скрылась въ туманѣ. Соотношеніе скоростей не оставляетъ никакого сомнѣнія, что эта иниціатива принадлежала «Гебену», и естественно, разъ онъ повернулъ отъ эскадры, послѣдняя скрылась въ туманѣ.

На „Кагулѣ".

Канунъ войны.

... Взвились кормовые флаги, замерли аккорды гимна.

— На всѣ гребныя суда!

Благоговѣйная тишина торжественной церемоніи подъема флага смѣнилась вихремъ аврала. Все ринулось по своимъ шлюпкамъ.

— Лопаря выравнять!.. Тали нажать!.. Травить!.. Раздернуть!..

Шлюпки на водѣ. Гроздьями, по обезьяньи, сыплются по шкентелямъ синіе воротники. Офицеры съ биноклями на груди и шлюпочными сигнальными книжками въ чехлахъ черезъ плечо. — Отваливай!

Опустѣли корабли... Ихъ душа, вся эта жизнерадостная, загорѣлая молодежь, тамъ — въ веселой стаѣ несущихся вокругъ эскадры баркасовъ, полубаркасовъ, вельботовъ, гребныхъ катеровъ. Сверкаютъ брызги. Охваченные задоромъ гребцы гнутъ распашныя весла. Шлюпки обгоняютъ другъ друга. Бѣда въ такую минуту «поймать щуку»: зарывшееся весло опрокинетъ гребца, какъ споткнувшійся конь — сѣдока, и тамъ, гдѣ только что была его голова, неожиданно очутится нѣчто совершенно другое...

На рейдѣ весь флотъ. Гроза турокъ — величественные старики; мористѣе — ихъ вѣрныя борзыя — стройные крейсера. Два брата: «Меркурій» и «Кагулъ». Не шуточное дѣло однимъ духомъ обогнуть эскадру: нужны отмѣнныя легкія и хорошіе мускулы.

Какъ черти, гребутъ гребцы. Особенно — кагульцы. Оно и понятно: на этомъ крейсерѣ лучшіе матросы — учебная команда строевыхъ унтеръ-офицеровъ — плеяда будущихъ непосредственныхъ начальниковъ нижнихъ чиновъ. Все вниманіе судового начальства удѣлено имъ. Ихъ особо тренируютъ по всѣмъ статьямъ. Ради нихъ крейсеръ не выходитъ изъ походовъ, ибо море — лучшая школа.

Шлюпки возвращаются. Офицеры и старшины подбадриваютъ разопрѣвшихъ гребцовъ. — Смотри! Не сдавай! Смотритъ командиръ... Издали различаютъ на полуютѣ высокую, во всемъ бѣломъ, фигуру съ золотымъ аксельбантомъ. Это — флигель-адъютантъ С. С. Погуляевъ — обожаемый своимъ экипажемъ капитанъ, впослѣдствіи первый командующій нашей бригадой дредноутовъ и затѣмъ начальникъ штаба адмирала Колчака. Къ глубокому огорченію всѣхъ черноморцевъ, революція вырвала его, какъ свитскаго адмирала, изъ родныхъ рядовъ, и онъ кончилъ войну подъ чужимъ, хотя и вдвойнѣ союзнымъ флагомъ Франціи, куда былъ приглашенъ съ чиномъ французскаго адмирала.

— Поднять «Це-Це»! — приказываетъ командиръ.

Сигналъ поднятъ. Со всѣхъ шлюпокъ, словно макъ въ ромашкѣ, замелькали красные отвѣтные флажки: «ясно вижу».

Сигналъ спущенъ. — Шабашъ! — Рангоутъ ставить! Рейдъ преобразился. Словно гигантскія чайки слетѣлись на него.

Новый сигналъ: «Мыслете — Твердо». Ученье безъ рулей. Необходимое на тотъ случай, если шлюпка, идя подъ парусами, вдругъ лишится руля, а до берега далеко — не догребешь. Каждый морякъ долженъ сумѣть выйти изъ положенія и управиться шлюпкой съ помощью комбинированнаго маневрированія парусами и людьми.

Сигналъ спущенъ, рули убраны. Теперь не зѣвай!

Свѣжій шквалистый вѣтеръ шутить не любитъ, да и весь рейдъ въ несущихся по всѣмъ направленіямъ вздутыхъ парусахъ. Малѣйшій зѣвокъ, оплошность — и столкнувшіяся суда разлетятся въ щепы.

Когда шлюпка подъ парусами — гребцы подъ банками (сидѣньями). Такъ нужно для лучшей устойчивости. Матросамъ видно только небо да паруса. Въ ихъ рукахъ шкоты, уши ловятъ слова команды. Каждый знаетъ свою снасть, знаетъ ея назначеніе и знаетъ, что промахъ любого изъ нихъ можетъ навлечь бѣду, вплоть до поворота «черезъ оверъ-киль» (шутливый терминъ, означающій, что шлюпка опрокинулась вверхъ дномъ). Тутъ каждый за всѣхъ и всѣ за одного. На носу — голова впередъ смотрящаго. Зорко блюдетъ окружающее, чтобы вовремя предупредить объ опасности: за парусами офицеру не все видно.

Шлюпка несется, словно пущенная стрѣла. Вѣтеръ круто накренилъ ее. Шипитъ, обдаетъ пѣна, булькаютъ пузыри. Люди крѣпко уперлись ступнями въ бортъ. Такъ и кажется — вотъ-вотъ, зачеринетъ. И жутко и хорошо.

Офицеръ на-чеку, матросы какъ на иголкахъ, готовые броситься, то въ носъ, то въ корму — куда прикажетъ офицеръ. Паруса напряжены. Мускулистыя руки съ силой вцѣпились въ шкоты. Тѣ злобно рвутся, рѣжутъ руки, но привязать нельзя: можетъ налетѣть шквалъ, нужно раздернуть снасть, чтобы ослабить паруса и предотвратить «оверъ-киль».

Стремительно и мягко плюскаетъ днище о гребни волнъ. Опущенная за бортъ рука фонтаномъ вздымаетъ струю. Флюгарка и флажекъ бьются такъ, словно хотятъ оторваться... Тревожный крикъ — «по носу «Ростиславъ!»

Поворотъ! Въ свѣжую погоду всегда противъ вѣтра. Офицеръ командуетъ:

— Поворотъ черезъ оверъ-штагъ! — Шкоты въ тугую! — Трое въ носъ! [1]).

Тройка быстро «перекантовывается». Шлюпка секунду колеблется и трогается къ вѣтру.

---

[1]) Число перемѣщаемыхъ людей зависитъ отъ величины шлюпки и ея чувствительности.

— Фока шкотъ потравить! — Гикъ прямо! — Еще трое въ носъ! (для ускоренія поворота).

Мгновеніе ожиданія, когда передній парусъ забе-ретъ. Забралъ!

— Кливеръ прихватить! — Всѣ въ корму! — Фокъ на лѣвую!

Поворотъ выполненъ. — Всѣ по мѣстамъ! Паруса перебросились на другой бортъ. Наполнились. Шлюпка накренилась и понеслась вновь...

На «Георгіи Побѣдоносцѣ» сигналъ: «Кагулъ»! Адмиралъ приглашаетъ къ себѣ командира». Черезъ нѣсколько минутъ облитый золотомъ мѣди моторъ съ двумя ефрейторами-крючковыми пристаетъ къ борту флагманскаго корабля. Встрѣченный чинами штаба, командиръ входитъ въ обширный, затянутый краснымъ ковромъ адмиральскій салонъ. За заваленнымъ бумагами столомъ — командующій флотомъ, адмиралъ Эбергардъ.

— Сергѣй Сергѣевичъ! въ Турціи опять рѣзня армянъ. Приказано послать крейсеръ. Когда можете идти?

— Сейчасъ же, по готовности паровъ, — докладываетъ командиръ.

— Отлично! Обойдите Анатолійскіе берега. Нужно для остраски показать нашъ флагъ...

Командиръ откланялся. Задымили кагульскія трубы...

* *
*

Въ Константинополѣ переполохъ. Россійскій императорскій посолъ увѣдомилъ великаго визиря, что русскій императоръ приказалъ послать къ турецкимъ берегамъ крейсеръ подъ командой своего адъютанта. Этого демонстративнаго заявленія оказалось достаточнымъ, чтобы остановить рѣзню.

Зунгулдакъ. Набережныя черны. У пристани ожидаютъ катера. Французскій консулъ (онъ же и русскій) во фракѣ. Съ моря приближается дымъ.

Растутъ клубы, бѣлѣетъ флагъ. Русскій крейсеръ! Входитъ въ заливъ.

Приближается катеръ подъ флагомъ россійскаго консула. Встрѣча по уставу. Консулъ подымается на

бортъ. Послѣ десятиминутнаго визита съѣзжаетъ. Гремитъ пушечный салютъ.

Паника. Съ криками «русскіе стрѣляютъ», народъ, давя другъ друга, бросается въ разнотыкъ. Мужчины, женщины, дѣти. Все, что способно бѣжать, — бѣжитъ въ горы. Когда командиръ съѣхалъ къ мудзеца-рифу — Зунгулдакъ былъ пустъ...

Визитъ генералъ-губернатора. Офицеры и команда во фронтѣ. Тяжело отдуваясь, подымается грузный паша. Неизмѣнная феска, длиннополый сюртукъ. Кланяется низко, по-турецки. Переводчикъ переводитъ: «Счастливъ видѣть адъютанта Его Величества Императора Всероссійскаго — могущественнаго друга и сосѣда Падишаха — моего повелителя»...

Въ салонѣ, куда командиръ пригласилъ гостя и его свиту, возникаетъ слѣдующій разговоръ:

Губернаторъ (со стереотипной улыбкой, не безъ ехидства). — Его Величество Султанъ и Падишахъ повелѣлъ мнѣ передать вамъ его привѣтствіе и выразить надежду, что наши «Османіе» и «Ришадіе» вскорѣ отвѣтятъ на вашъ любезный визитъ [1]).

Командиръ. — Благодарю! Увѣренъ, что Его Величество Государь Императоръ разрѣшитъ [2]). Ни одинъ подданный падишаха не будетъ такъ этому радъ, какъ я.

Губернаторъ (удивленно). — Почему?

Командиръ. — Потому, что разъ у васъ будетъ два дредноута — у насъ будетъ четыре.

Губернаторъ (испугавшись своего намека). — Но мы не строимъ ихъ противъ Россіи.

Командиръ. — О, и мы отнюдь не противъ васъ. Для насъ — моряковъ, это просто база для истребованія ассигновокъ.

Паша поспѣшно мѣняетъ разговоръ, разсыпается въ любезностяхъ и уѣзжаетъ...

Послѣ Самсуна, «Кагулъ» зашелъ въ Ризе. Коман-

---

[1]) «Османіе» и «Ришадіе», заказанные турецкимъ правительствомъ въ Англіи дредноуты, которые Англія конфисковала съ началомъ войны.

[2]) Согласно договора 1877 г., турецкій флотъ не имѣетъ права входа въ Черное море безъ разрѣшенія русскаго правительства.

диръ рѣшилъ осмотрѣть стратегическую дорогу, сказавъ мѣстному вали, что желаетъ прокатиться со своими офицерами. Подаютъ осѣдланныхъ коней. Послѣ прогулки кавалькада заѣзжаетъ во дворецъ, болѣе смахивающій на казарму. Кофе, восточное угощенье... По комнатамъ летаютъ ласточки, вьютъ гнѣзда. Вали изъ кожи лѣзетъ, чтобы быть пріятнымъ, и, желая развлечь гостей, приглашаетъ присутствовать при допросѣ только что пойманной шайки разбойниковъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вваливается банда вооруженныхъ до зубовъ банабаковъ. Никакого конвоя.

— Разоружайтесь! — милостиво отвѣтивъ на поклонъ, приказываетъ вали.

Щелкаютъ затворы. Разбойники разряжаютъ ружья и пистолеты, и бережно укладываютъ въ уголъ. Въ рукахъ двухъ изъ нихъ наши казенныя винтовки.

— Нельзя-ли получить ихъ? — интересуется командиръ, немало пораженный всѣмъ этимъ зрѣлищемъ.

— Къ сожалѣнію, невозможно, — прикладывая руку къ сердцу и лбу, отвѣтствуетъ вали, — это вещественное доказательство.

Тогда командиръ приказываетъ офицерамъ записать номера.

На порогѣ появляется новая, не менѣе красочная фигура: почтенный, благообразный старикъ въ чалмѣ, свидѣтельствующей о неоднократномъ паломничествѣ въ Мекку и Медину. Низко, но съ достоинствомъ поклонившись, старикъ степенно подходитъ къ вали и что-то ему говоритъ, тыкая въ сторону почтительно смотрящаго на него молодого разбойника. Оказывается, это отецъ, пришелъ просить отпустить сына на побывку. Вали соглашается. На недоумѣнный вопросъ командира, отвѣчаетъ: «Не убѣжитъ. Побудетъ недѣли двѣ дома, а потомъ сядетъ въ тюрьму».

Послѣ допроса, вали обращается къ шайкѣ со слѣдующими словами:

— Хорошо поступили, что отдались въ руки правосудія. Надѣйтесь на милость суда и не вѣрьте глупостямъ, будто судьямъ нуженъ бакшишъ (прозрачный намекъ). На сегодня вы свободны. Можете идти!

Разбойники ухмыляются и шумной ватагой покидаютъ дворецъ...

Обойдя Анатолійскіе берега, «Кагулъ» вернулся въ Севастополь. Общее впечатлѣніе похода: Турція настроена воинственно. Идетъ перегруппировка войскъ, прокладываются стратегическія дороги. Чувствуется невидимая, но дѣятельная рука германскихъ инструкторовъ.

У вражескихъ береговъ.

Война въ разгарѣ. Черноморскій флотъ блокируетъ турецкіе берега. Морская связь центровъ съ войсками, дѣйствующими противъ нашей кавказской арміи, прервана. «Гебенъ» подбитъ. Непріятельскіе броненосцы не рискуютъ высунуть носа.

Ночь. Грознымъ призракомъ движется русская эскадра. На мостикѣ «Св. Евстафія» дремлетъ въ креслѣ сѣдая голова — шесть орловъ на плечахъ. Штурмана съ секстанами въ рукахъ ловятъ высоты свѣтилъ.

... Сонный, дважды отраженный
Лунный лучъ скользнулъ ко мнѣ,
Темно-красный, затемненный
Отражается въ трубѣ.

Прямо видимый, дрожащій,
Ликъ Венеры виденъ спящій,
Подъ двойною стеколъ тѣнью
Сладострастной дразнитъ лѣнью...

Тихо на корабляхъ, тихо и кругомъ. Журчитъ по обводамъ струя. Безмолвіе и покой боевой тишины. И только внизу, подъ броневыми плитами, въ стальныхъ глубинахъ, днемъ, какъ ночью, и ночью, какъ днемъ, стоитъ неумолчный шумъ. Гудятъ чудовищные вѣтрогоны, хлопаютъ горловины.

Разсвѣтъ. Опасный моментъ. Гремятъ боевые колокола. На «Евстафіи» сигналъ «Херъ-Нашъ». Перестроиться въ дневной походный порядокъ. Крейсера удаляются въ дозоръ. Миноносцы — въ набѣгъ по бухтамъ и заливамъ. Ищутъ, рыщутъ, неся съ собой смерть

и разрушеніе. Перестрѣлка съ батареями, взрывы, взлетающіе къ небесамъ столбы пожарищъ — вотъ видимыя вѣхи ихъ пути. Топятся, уничтожаются перевозочныя средства, сжигаются верфи, склады, мосты... И такъ цѣлый день — сегодня, завтра, послѣзавтра, — пока не изсякнетъ топливо, и флотъ не вернется домой, чтобы спѣшно пополнить его и сейчасъ же въ море, къ тѣмъ же берегамъ.

Два «звѣря» стерегутъ Босфоръ. «Безпокойный» и «Гнѣвный». На первомъ брейдъ-вымпелъ князя Трубецкого. Туманъ. Миноносцы осторожно ползутъ въ молокѣ. Уши ловятъ малѣйшій звукъ.

Вдругъ князь грозно поднялъ кулакъ. Все насторожилось. Гдѣ-то въ отдаленіи играетъ сигнальный рожокъ. Острый слухъ Трубецкого уловилъ его. — Кавалерійская труба!

— Право на бортъ!

Крадутся «звѣри». Труба трубитъ, не чуетъ опасности.

Изъ тумана выплылъ силуэтъ. Утесъ! — Стопъ машины! Осмотрѣлись. — Малый впередъ!

Утесъ обогнули. Лотовые на лотахъ, измѣряютъ глубины. Бухта!

Зачернѣлъ берегъ. — Близко! Слышны гортанные голоса, взрывы смѣха, ржаніе коней. Снова заиграла труба.

Миноносцы остановились. Ждутъ. Трубецкой внѣ себя...

Наконецъ, подулъ вѣтерокъ. Туманъ заколебался. Разорвался. Обнажились скалы, опушка лѣса, розовый двухъэтажный домъ. Рукой подать. На балконѣ группа турецкихъ офицеровъ. Пасется табунъ разсѣдланныхъ коней, дымятся костры. Кавалерійскій бивуакъ!

— Ваше сіятельство! — Батарея!!!

— «Безпокойный» по батареѣ! — «Гнѣвный» по лагерю! — Огонь!

Загрохотала бухта. Вихри земли, дыма, камней... Подъ балкономъ чиркнула искра. Взрывъ. Ни балкона, ни людей... Кто-то вскочилъ въ автомобиль. Новый залпъ. Автомобиля нѣтъ. Все смѣшалось. Въ двѣ минуты кавалерійскій бивуакъ былъ сметенъ съ лица земли...

* * *

Ниточкой стелется дымъ. Съ «Евстафія» сигналъ: «Кагулъ»! — Осмотрѣть».

— Самый полный впередъ!

Всѣ заинтригованы. — «Бреслау»? — «Гамидіе»? — Кто? Любопытствующіе носы высунулись за бортъ. Съ марса крикъ — пароходъ! Общее разочарованіе.

Выстрѣлъ подъ носъ. Сигналъ. Новый выстрѣлъ. Пароходъ застопорилъ. «Кагулъ» приближается.

Однотрубный, основательно загруженный «купецъ» подъ итальянскимъ флагомъ. Надпись — «Амалія».

«Кагулъ» спускаетъ шестерку. Мичмана Языковъ, Соловьевъ, инженеръ-механикъ Максимовъ и, въ качествѣ переводчика, юнкеръ флота Якимовскій — отправляются осмотрѣть пароходъ. Подымаются на бортъ. Всеобщій переполохъ, плачъ женщинъ.

Встрѣчаетъ капитанъ. Грекъ. Перепуганъ на смерть.

— Куда идете?

— Въ Ко-ко-ко... Не можетъ выговорить, безнадежно машетъ рукой.

Офицеры подымаются на мостикъ. Вооруженные матросы остаются внизу. Всюду грязь, развѣшанное бѣлье.

— Ваши бумаги!

Дрожащія руки предъявляютъ документы. Офицеры просматриваютъ. Пароходъ принадлежитъ левантійцу (скрылся подъ нейтральный флагъ). Идетъ изъ Констанцы въ Константинополь съ грузомъ керосина, фасоли и яицъ. Въ качествѣ пассажировъ — гаремъ какого-то паши изъ 15 женщинъ и дѣтей, не считая грудныхъ.

— Хватитъ ли у васъ угля до Севастополя? — спрашиваетъ Языковъ. Капитанъ утвердительно киваетъ головой. Мичманъ Соловьевъ отправляется на «Кагулъ» съ докладомъ командиру. Такъ какъ керосинъ объявленъ военной контрабандой, и пароходъ незаконно поднялъ итальянскій флагъ, командиръ приказываетъ захватить его. Посылается запасъ смазочныхъ матеріаловъ, провизія и двадцать матросовъ, подъ начальствомъ боцмана Правдюка. Взвивается сигналъ:

«Мичману Языкову вступить въ командованіе призомъ и слѣдовать въ Севастополь». Часть пароходной команды взята на крейсеръ. «Кагулъ» даетъ ходъ и вскорѣ скрывается. «Амалія» ложится на пересѣчку моря. Погода дивная, мертвый штиль...

Флотъ вернулся въ Севастополь. Къ всеобщему удивленію, «Амаліи» нѣтъ. Проходитъ день, ночь, наступило утро — ея все нѣтъ. Что за дьяволъ?! Въ морѣ штормъ, ужъ не терпить ли бѣдствіе?

Обезпокоенный Погуляевъ ѣдетъ къ командующему просить разрѣшенія отправиться на поиски. Адмиралъ не соглашается. Получены свѣдѣнія, что «Гебенъ» исправилъ поврежденія, и возможенъ его демонстративный набѣгъ. Командиръ все же настаиваетъ и, въ концѣ концовъ, добивается своего.

«Кагулъ» въ морѣ. Свѣжо. Выворачиваетъ во всю. Ничего и никого, кромѣ свинцовыхъ тучъ и гуляющихъ небоскребовъ.

— Дымъ! Но чей? Можетъ, «Амалія», а, можетъ, и кто другой. — Тревога!

— «Амалія»!

«Кагулъ» приближается, держа сигналъ: «Можете ли увеличить ходъ?» Отвѣтъ: «Нѣтъ угля. Топлю бобами». Сигналъ: «Приготовьтесь принять буксиръ».

Въ штормовую погоду, на крутой волнѣ — задача не легкая. Нуженъ хорошій глазомѣръ, большой опытъ и увѣренность въ себѣ. — Лѣ-во!

Крейсеръ покатился. Налетѣвшій валъ положилъ его. Обнажилось днище. Кто не успѣлъ ухватиться — посыпался по покату, тщетно ловя опору и валясь другъ на друга. Сорвавшійся гребень захлестнулъ мостикъ.

Про «Амалію» нечего и говорить. Сплошной вулканъ пѣны. Временами показывается захлебнувшійся носъ.

«Кагулъ» развернулся. Такъ близко, что захватило духъ. Метнулся бросательный конецъ. Поймали. Бурлаками впряглись въ буксиры и, падая, скользя, по колѣно въ водѣ — закрѣпили. — Малый впередъ! Буксиры вытянулись, задрожали, заскрипѣли. «Амалія» рыскнула. Выдержали. Теперь одна забота, чтобы не лопнули въ пути.

Но вотъ и Севастополь. Константиновская батарея. Штормъ остался позади. Здѣсь, за укрытіемъ, тихо, слегка покачиваются корабли.

Установивъ свою «Амалію», Языковъ явился на «Кагулъ» съ докладомъ къ командиру. Вотъ, что разсказалъ онъ:

«Едва скрылся «Кагулъ», какъ капитанъ заскулилъ: «Пароходъ, молъ, старый, перехода не выдержитъ, не дай Богъ штормъ и т. п.» Но мы не обращали внимания на всѣ его причитанія. Погода стояла отличная, настроеніе бодрое.

До вечера все шло хорошо. Нѣсколько безпокоило полнѣйшее отсутствіе штурманскихъ принадлежностей: ни хронометра, ни секстана, ни нужныхъ картъ. Но... дѣлать нечего.

Передъ заходомъ солнца появились первые предвѣстники непогоды — перистыя облака. Солнце сѣло въ тучу.

Къ ночи рѣзко похолодало, запахло нордъ-остомъ. Приказалъ обойти пароходъ, все хорошенько закрѣпить, задраить изъ досокъ и матрасовъ соорудить блиндажи. Женщинъ перевели изъ третьяго класса въ первый.

Къ утру засвѣжѣло, поднялась волна. Къ полудню разразился штормъ.

Съ каждымъ часомъ положеніе ухудшалось. Перегруженный пароходъ не подымался на волнѣ, а врѣзывался въ нее. Пришлось приняться за грузы. Нелегко было выбрасывать ихъ. Тутъ обнаружилось, что уголь на исходѣ. Что дѣлать?! Приказалъ таскать мебель, шкафы, срывать дерево. Спустили въ кочегарку мѣшки съ бобами, даже яйца. Кое какъ поддерживали пары. Но это мало помогло. Ходъ былъ столь незначительный, что пароходъ съ трудомъ слушался руля. Волны сбивали его, грозясь поставить лагомъ и опрокинуть.

Ночью прибѣжалъ часовой — съ капитаномъ неладно, бьется о дверь, требуетъ отвести ко мнѣ. Приказалъ привести. Видъ подавленный. Всхлипываетъ, «семья, дѣти...», умоляетъ повернуть въ Констанцу, иначе зря погибнемъ, пароходъ давно проржавѣлъ, держится на одной краскѣ, машина старая. Не соглашаюсь и приказываю увести. Грекъ въ ноги, плачетъ, заклинаетъ. Еле выпроводилъ.

На третьи сутки положеніе еще хуже: течь въ носу, и нѣтъ средствъ остановить ее. Штормъ реветъ. Все въ водѣ, носъ отрѣзанъ отъ кормы. Плаваютъ бочки, ящики... Сорвавшіяся тяжести выламываютъ бортъ. Ходъ 1—2 узла. Люди выбились изъ силъ.

— Ничего, ребята! Крѣпись! Командиръ спохватиться и придетъ на выручку...

На четвертыя сутки рѣшили, что конецъ. Никого. Реветъ, добиваетъ пароходъ. Стало очевидно, что до ночи не доживемъ. Полная апатія и безнадежность. Какъ, вдругъ, въ сѣверной части горизонта показался, какъ будто, дымъ. Схватился за бинокль. Смотрю — дымъ! Только очень далеко. Неужели удаляется?!... Судорожно смотрю. Нѣтъ! Растетъ, приближается... Видны мачты, но разглядѣть трудно — заливаетъ стекла.

Не отрываюсь. А что, если врагъ? Чувствую, какъ рулевой впился въ меня, даже слышу его нѣмой вопросъ. Вниманіе! Выплываетъ корпусъ... Господи! Неужели?! Не миражъ ли?!... На свинцовомъ фонѣ неба четко вырисовываются три трубы, знакомые вентиляторы.

— Ребята! — Нашъ командиръ! — закричалъ я.

Не вѣря мнѣ, желая убѣдиться своими глазами, матросы бросились на мостикъ. Смотрятъ, видятъ, но не вѣрятъ себѣ.

— Дурачье! — «Кагулъ»! — кричу я. — Ясно вижу его!

Разсѣкая небоскребы, ныряя, то взлетая на нихъ, несся къ намъ трехтрубный, казавшійся ослѣпительно бѣлымъ крейсеръ. Какой-то сигналъ трепыхался на немъ. Всѣ сомнѣнія отпали. Вспыхнуло ура...

* * *

Эта вѣра въ своего командира, что онъ вызволитъ изъ бѣды, поддержала молодого мичмана въ тяжелую и отвѣтственную минуту жизни. Ни зловѣщія предсказанія капитана, ни мольбы и отчаяніе женщинъ — ничего не сломило его духа и волю до конца выполнить полученный приказъ.

Въ воздаяніе столь доблестно исполненнаго долга, мичманъ Языковъ былъ произведенъ въ чинъ лейтенанта.

На „Березани".

Дѣло у Хопы.

Старая калоша «Березань» мѣрно печатаетъ свои 9 узловъ. Море — какъ зеркало. Величественная панорама Кавказскихъ горъ.

Уже совсѣмъ было сданный въ портъ и превращенный въ базу для минной школы, транспортъ этотъ, съ объявленіемъ Германіей войны, преобразился въ «боевое» судно. Вооружили его четырьмя 75-милиметровыми орудіями и отправили въ Батумъ съ артиллерійскими запасами для тамошней крѣпости. Хотя и не очень вѣрилось въ возможность вмѣшательства Турціи въ войну, — наше командованіе все же подготовлялось.

«Березань», не спѣша, приближалась къ Батуму. Туманъ разсѣялся. Припекало солнце.

На мостикѣ — командиръ кавторангъ Шубертъ. Вахтенный начальникъ, рулевой, сигнальщики.

Въ каютъ-кампаніи офицеры за чаемъ. Разговоры о войнѣ, текущихъ событіяхъ. Въ связи съ туманомъ, вспоминаютъ забавный эпизодъ съ адмираломъ Новицкимъ, когда тотъ еще командовалъ крейсеромъ «Память Меркурія».

Однажды крейсеръ и эскадренный миноносецъ «Жаркій» раннимъ утромъ возвращался въ Севастополь вдоль Крымскихъ береговъ. Первымъ командовалъ П. И. Новицкій (по прозвищу «Павло»), — гроза крейсера (впослѣдствіи вице-адмиралъ и главный командиръ Севастополя, убитый матросами во время революціи). Вторымъ — капитанъ 2-го ранга Чайковскій — добрѣйшей души человѣкъ, такой же черный и лохматый, какъ его вѣрный и неразлучный песъ — «Цезарь». Головнымъ идетъ крейсеръ; сзади — миноносецъ.

Штурманъ «Меркурія» лейтенантъ Миткевичъ отчетливо проложилъ курсъ въ трехъ миляхъ отъ берега. Хотя мѣста здѣсь и приглубыя, — командиръ не любилъ приближаться къ берегамъ.

Такъ какъ до подъема флага оставалось порядочно времени, — капитанъ, прикинувъ на глазокъ траверзное разстояніе до открывшагося вдали Ай-Тодора

и убѣдившись, что курсъ проложенъ хорошо, вошелъ въ свою походную рубку тутъ же на мостикѣ, опустился въ кресло и задремалъ. Крейсеръ, легко разсѣкая волны, весело бѣжитъ вдоль береговъ. Сзади, какъ вѣрная собачонка, — миноносецъ. И, вдругъ, откуда ни возьмись — туманъ, да такой, что горизонтъ, берегъ и миноносецъ въ одно мгновеніе исчезли.

Чтобы не потерять «Меркурій» и въ то же время не наскочить на него, миноносецъ вышелъ изъ строя нѣсколько вправо.

— Павелъ Ивановичъ! — Туманъ! — разбудилъ вахтенный начальникъ командира.

— Этого еще не доставало, — сердито пробурчалъ Новицкій и вышелъ изъ рубки.

— Возьмите немного лѣво, подальше отъ берега, — послѣдовалъ приказъ.

— Есть! — вытянулся вахтенный начальникъ. — Лѣ-во!.. Одерживай!.. Такъ держать!.. — скомандовалъ онъ рулевому.

— А гдѣ же миноносецъ?

— Сзади, Павелъ Ивановичъ. Его не видно.

— Смотрите внимательно. Сбавьте ходъ. Давайте сирены [1]).

Съ миноносца силуэтъ «Меркурія» былъ виденъ очень неясно. Поэтому Чайковскій проглядѣлъ два момента: а) когда крейсеръ, какъ сказано выше, склонился влѣво, чтобы удалиться отъ берега, и б) — когда онъ сбавилъ ходъ до десяти узловъ. Благодаря этому, миноносецъ потерялъ «Меркурія» и, чтобы найти его, въ свою очередь, склонился нѣсколько влѣво. Сейчасъ же снова увидѣлъ его силуэтъ, но, такъ какъ продолжалъ идти прежнимъ ходомъ, — сталъ обгонять крейсеръ. Замѣтивъ это, Чайковскій сбавилъ ходъ и очутился уже не сзади крейсера, какъ былъ раньше, а сбоку, **между нимъ и берегомъ.** Съ «Меркурія« миноносца не видѣли и считали, что онъ позади.

Пока такъ и держитесь, — приказалъ Чайковскій своему вахтенному начальнику и принялся раскуривать свою трубку. «Цезарь» мирно дремалъ тутъ же.

---

[1]) Сирены завываютъ каждыя двѣ минуты для предупрежденія столкновенія въ туманѣ.

Пронизывая туманъ, на «Меркуріи» заревѣла сирена. Песъ вздрогнулъ, ощетинился, рванулся на лѣвое крыло мостика и залился отчаяннымъ лаемъ. Мостикъ крейсера услышалъ лай.

— Слышите?! — Собака! — взволновался командиръ. — Говорилъ я вамъ, — близко держитесь къ берегу.

— Лѣ-во! — крикнулъ онъ.

«Меркурій» покатился...

Крейсеръ скрылся изъ видимости. Рѣшивъ, что туманъ сгустился, Чайковскій сталъ осторожно склоняться влѣво, чтобы нащупать «Меркурія». Наконецъ, увидѣлъ его. Съ крейсера же маленькій миноносецъ продолжалъ оставаться невидимымъ.

Завыла сирена.

Успокоившійся было Цезарь снова вскинулся и залаялъ.

— Опять собаки! Да что же это такое?! Какъ же вы проложили курсъ?! — накинулся капитанъ на штурмана.

— Лѣ-во!!!

И снова повторилась та же исторія. Снова миноносецъ нащупалъ крейсеръ, снова завыла сирена, и снова залаялъ песъ.

Озадаченный командиръ былъ внѣ себя. Онъ окончательно повернулъ въ море.

Чѣмъ бы все это кончилось, — неизвѣстно. Къ счастью, туманъ разсѣялся. Обозленный же Цезарь долго еще лаялъ въ пространство...

Показался Батумъ. «Березань» вошла въ портъ, стала на яшку и сразу же окунулась въ тихое, провинціальное болото этого живописнѣйшаго уголка.

Жизнь здѣсь текла по старому, мирно и беззаботно. Молодежь ухаживала за жгучими грузинками, устраивала пикники и веселыя кавалькады, а старички, какъ издавна повелось, собирались въ клубѣ повинтить и поскулить. Мѣстный гарнизонъ состоялъ всего изъ одного пѣхотнаго пограничнаго полка, а на крѣпостныхъ валахъ красовались четыре старыя 9-дюймовки, да столько же 6-дюймовыхъ Канэ — Бурунтабійской батареи. Это и была вся защита Батума (плюсъ старушка «Березань»).

И, вдругъ, среди этого спокойнаго житья-бытья громомъ прокатилась экстренная депеша командующаго флотомъ о внезапномъ нападеніи на Севастополь и войнѣ съ Турціей. Поползли зловѣщіе слухи о приближеніи турецкой арміи, о волненіи среди аджардцевъ...

* *
*

Въ каютѣ Шуберта назначеннаго къ тому времени начальникомъ восточнаго района Чернаго моря и украсившаго, поэтому, брейдъ-вымпеломъ свою дряхлую старушку, — собрался военный совѣтъ. Были приглашены командиры только что пришедшихъ сюда двухъ маленькихъ миноносцевъ «Стремительный» и «Свирѣпый», старлейты Холодовскій и Карлуша Дорожинскій. Совѣтъ призналъ необходимымъ бомбардировать Хопу — прибрежную базу турецкой арміи.

Бомбардировка имѣла успѣхъ, — турки очистили Хопу. Въ то же время выяснилось трагическое положеніе одной изъ ротъ нашего пограничнаго полка. Позиція ея оказалась обойденной, и рота отрѣзана отъ Батума. Нужно было спасти людей. Шубертъ рѣшилъ идти на выручку.

«Березань» подошла возможно ближе къ берегу. Солнечный день. Берегъ — сплошной оранжевый коверъ апельсиновыхъ рощъ. Мѣстность гористая, испещренная пропастями. Тишина — мертвая.

Подзорныя трубы и бинокли тщетно обшариваютъ каждую складку горъ. Нигдѣ — ничего. Уже потеряли надежду что либо обнаружить, когда, вдругъ, замѣтили притаившагося подъ скалой, у самаго берега, человѣка. Онъ былъ нагъ, какъ Адамъ, и дѣлалъ какіе то знаки.

Спустили вельботъ, посадили вооруженныхъ людей. Шлюпка направилась къ берегу.

— Кто ты такой? — по-русски крикнулъ мичманъ Коссовичъ, когда шлюпка приблизилась.

— Такъ что фершалъ, ВББ! — радостно отвѣтилъ голый человѣкъ.

Всеобщее удивленіе еще болѣе возросло. Русскій фельдшеръ одинъ, совершенно голый, среди скалъ вражескаго берега.

Шлюпка подошла. «Фершалъ», захвативъ припрятанныя «монатки», прыгнулъ въ нее.

— Такъ что, ВББ! — съ мѣста въ карьеръ скороговоркой началъ онъ, — боевой запасъ роты изсякъ, болѣе половины людей перебито. Съ минуты на минуту ожидаемъ штурма.

— Почему же ты голый и какъ сюда попалъ?

— Когда увидѣли корабь, — рѣшили, что винъ должно нашъ, я вызвался добраться вплавь и доложить о бѣдѣ, — конфузливо пояснилъ онъ.

Доставили «фершала» на «Березань». Коссовичъ подалъ мысль о немедленномъ свозѣ дессанта. Командиръ колебался: какъ бы люди не попали въ засаду? Въ концѣ концовъ, согласился.

Въ дессантъ назначили одного офицера и 21 матроса. Вооружили винтовками (ихъ всего было 15 штукъ). «Фершалъ» вызвался въ проводники.

Шлюпки безъ единаго выстрѣла подошли къ берегу. Коссовичъ разбилъ дессантъ на двѣ партіи и приказалъ одной вмѣстѣ съ фельдшеромъ направиться въ обходъ позиціи извѣстной фельдшеру тропой. Самъ, съ другой партіей, двинулся напрямикъ, по отвѣсной скалѣ. Выслали развѣдчиковъ. Кругомъ тишина.

Все выше подымается отрядъ. Путь тяжелъ, люди срываются, мучаетъ жажда. Ничтожнымъ суденышкомъ кажется отсюда «Березань». Попрежнему тишина.

Нашли разбитый ящикъ съ патронами. Выше обнаружили брошенный пулеметъ, винтовки. Наши — русскія. Вооружились ими. Поползли дальше.

Наконецъ, взобрались на вершину. Позиція! Валяются жестянки, гильзы, старыя газеты. Лентой вьется окопъ. Но та же тишина, и ни единой души.

Изъ окопа торчитъ рука — страшная, позеленѣвшая рука. Тутъ же — нѣсколько труповъ.

Подошла первая партія. Рѣшили передохнуть, освѣжиться апельсинами. Настроеніе тревожное. Чувствуется, что невидимый врагъ близокъ, притаился. Быть можетъ, сейчасъ наблюдаетъ за ними.

Прошло нѣсколько минутъ. Явственно послышался шорохъ. Люди схватились за винтовки. Шорохъ повторился. Раздвинулся кустъ. Выползла борода, замахала руками.

— Солдатъ! Нашъ!

Еще раздвинулись кусты, еще повыползали солдаты. Это были остатки истребленной роты.

Вдругъ разорвалась граната. Новое облачко, — новый взрывъ. Ожило горное царство.

Голыми руками ничего не подѣлаешь, — надо уходить. Забравъ всѣхъ солдатъ, прихвативъ раненыхъ, боевое снаряженіе и даже трупы, скатились со скалы. Сзади неслись гортанные крики.

Вскочили въ шлюпки и, подъ огнемъ насѣдавшаго врага, отвалили на «Березань»...

Бомбардировка Батума.

Вскорѣ прибылъ въ Батумъ новый комендантъ крѣпости, генералъ Ляховъ. Положеніе укрѣпилось, и наши перешли въ наступленіе.

За это время на «Березани» объявился орелъ. Купили его за два рубля у какого-то горца. Поселили на офицерской рубкѣ, крѣпко привязавъ цѣпочкой за лапу. Питали живыми крысами.

Орелъ почему-то не взлюбилъ батюшку, но особенно возненавидѣлъ чернаго, стриженнаго подъ льва, балованнаго командирскаго пуделя. Эту ненависть онъ вскорѣ перенесъ и на его хозяина. Случилось это такъ.

Однажды на крышу рубки, гдѣ помѣщался орелъ, забрался пудель и, увидѣвъ своего врага, зарычалъ и всталъ въ боевую позицію. Орелъ нахохлился и угрожающе расправилъ крылья. Какъ разъ въ этотъ моментъ на рубку поднялся командиръ и сталъ подзадоривать пса.

Пудель рычалъ, пружинился и, наконецъ, кинулся на врага. Орелъ взмахнулъ крыломъ и съ такой силой впился когтями въ вихры пса, что тотъ благимъ матомъ завизжалъ. Еле вырвали бѣднягу.

Орелъ затаилъ злобу на командира. Понялъ, кто былъ виновникомъ нападенія.

Когда въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней весь экипажъ, для обычной церемоніи, выстроился на шканцахъ, — произошло слѣдующее:

Старшій офицеръ спустился доложить командиру,

что г. г. офицеры и команда во фронтѣ. Капитанъ, въ шарфѣ, при всѣхъ регаліяхъ, вышелъ на шканцы.

— Смирна!

Офицеры взяли подъ козырекъ. Команда замерла.

Въ тотъ моментъ, когда командиръ, сопровождаемый старшимъ офицеромъ, въ торжественной тишинѣ направился къ фронту и поровнялся съ рубкой, на которой сидѣлъ орелъ, хищникъ повернулся, задралъ хвостъ и ахнулъ, словно шрапнелью. Весь «снарядъ» пролетѣлъ мимо самаго носа командира. Хорошо, что тотъ успѣлъ отскочить.

Зрѣлище было таково, что фронтъ прыснулъ. Капитанъ вскипѣлъ.

— Списать этого мерзавца! — приказалъ онъ старшему...

Наступилъ ноябрь [1]). Ни одинъ непріятельскій корабль не показывался у Батума. Ночью городъ погружался въ кромѣшную тьму, старательно закрывались ставни, богомольныя старушки возжигали лампады.

5-го получилась депеша о боѣ «Гебена» съ нашими кораблями. Вѣсть, что наводившій панику гигантъ подбитъ и покинулъ поле сраженія въ пламени пожара, — вызвала энтузіазмъ. Населеніе ликовало, служило молебны, ибо пуще всего опасалось именно его посѣщенія. Теперь оно успокоилось, и жизнь потекла своимъ обычнымъ русломъ. Такъ прошелъ мѣсяцъ.

Однажды офицеры «Березани», какъ всегда, въ хорошій солнечный день, расположились послѣ завтрака на верхней рубкѣ за чашкой кофе. Зашли поболтать и командиры миноносцевъ: Холодовскій — со своей неизмѣнной, извѣстной всему флоту «дочкой», — Авдотьей Сергѣевной, или по просту «Донькой», и Карлуша — милѣйшая душа, любимецъ выпуска, лихой миноносный командиръ. Когда онъ былъ еще малышомъ-кадетомъ, какъ то, во время урока Закона Божьяго, спросилъ нашего строгаго, высокаго, худого, какъ жердь, всѣми почитаемаго о. протоіерея Бѣлянскаго: — Почему, батюшка, всѣ государи умираютъ въ Бозѣ? Гдѣ онъ находится? — Классъ захохоталъ, даже самъ батюшка улыбнулся. А Карлуша такъ и остался «Бозой».

[1]) 1914 г.

Офицеры, кто съ газетами и журналами, кто просто такъ, комфортабельно устроились въ тѣни. Декабрьское солнце жгло такъ, какъ это мыслимо только въ этомъ благодатномъ краѣ. Орелъ, пудель и «Дунька» (въ своемъ раскошномъ бантѣ) съ явнымъ наслажденіемъ грѣли свои бока. Послѣ той злополучной исторіи, съ немалымъ трудомъ отстояли орла, пудель же теперь почтительно обходилъ его.

Зазвонилъ телефонъ. Вбѣжалъ матросъ.

— Съ Эрги [1]) доносятъ, — виденъ дымъ со стороны Трапезунда.

— Передать на постъ, чтобы слѣдили за нимъ. Предупредить крѣпость! — приказалъ командиръ.

Извѣстіе оживило собраніе. Пошли толки, догадки. Несомнѣнно, — это былъ вражескій дымъ, ибо о приближеніи своихъ крѣпость извѣщалась заранѣе.

Снова телефонъ. Новая информація. Неизвѣстный корабль большимъ ходомъ идетъ въ сторону Поти.

Такъ какъ «Березань» стояла у набережной, закрытая батареей, съ ея мостика моря не было видно. Мичмана Коссовичъ и Полетика, схвативъ бинокли, бросились на марсъ...

— Никакъ, папа «Гебенъ»!

— Какъ будто онъ! — Раструбъ дыма кверху, — отвѣтилъ другой. — Но, вѣдь, «онъ» еще чинится.

Дымъ быстро приближался. Показалась верхушка мачты, стали выплывать трубы. Сомнѣній не было.

— «Гебенъ»!!! — разомъ крикнули оба.

Сенсація! Карлуша и Холодовскій побѣжали на миноносцы. По крѣпости затрубили тревожные рожки. Но въ городѣ еще никто ничего не зналъ. Тамъ царилъ послѣполуденный покой, дѣтишки копались на пляжѣ, а кто постарше, — похрапывалъ золотымъ послѣобѣденнымъ сномъ.

Курсъ «Гебена» лежалъ на Поти. Мичмана не отрывали отъ него глазъ. Разстояніе было, примѣрно, миль десять.

Вдругъ «Гебенъ» рѣзко повернулъ, легъ на секретный фарватеръ между самыми нашими минными заграждениями и пошелъ прямо на Батумъ. Не доходя

[1]) Наблюдательный постъ.

80 кабельтовъ, повернулъ и сбавилъ ходъ.

Вспыхнуло зарево. Залпъ!..

Словно ураганъ пронесло между мачтами «Березани», едва не сорвавъ съ марса обоихъ мичмановъ. Высокіе столбы воды поднялись передъ батареей, въ гавани; туча дыма и земли повисла надъ городомъ.

Снова зарево, снова залпъ...

То, что поднялось на берегу, — невозможно описать. Все высыпало на улицу, кто въ чемъ былъ. Толпа, какъ ошалѣлое стадо, неслась на вокзалъ. Истерики, крики. Паника была такая, что жена комендантскаго адъютанта, всегда элегантная, пользовавшаяся немалымъ успѣхомъ, барынька (къ тому же отважная наѣздница), какъ была, въ однихъ ажурахъ, выбѣжала во дворъ и, увидѣвъ осѣдланнаго коня, вскочила на него и во весь духъ помчалась изъ города.

На бульваръ вышелъ кавказскій офицеръ. Только что направился къ сидѣвшему у входа турчонку — чистильщику сапогъ, какъ мальчишка, на его глазахъ, исчезъ, точно сквозь землю провалился. Полыхнуло жаромъ, едва не сбивъ офицера, а тамъ, гдѣ только что сидѣлъ мальчикъ, — валялась одна окровавленная ступня.

Одинъ снарядъ угодилъ въ турецкій кварталъ. Дома тамъ построены такъ: четыре столба, между ними каменная кладка, образующая сарай. Вверху деревянное жилье.

Старуха — владѣлица дома, спустилась въ сарай за дровами. Когда она набрала охапку и собиралась подыматься къ себѣ, — дрова вырвало изъ ея рукъ, жилье же приподняло, и въ огнѣ и дыму унесло со всѣмъ скарбомъ, лѣстницей и крышей. Остался каменный сарай, да четыре оголенные столба...

Это и былъ весь результатъ бомбардировки. Большую опасность представляли нефтяные баки. Попади въ нихъ «Гебенъ», — огонь зажегъ бы море и портъ. Погибло бы все, вмѣстѣ съ «Березанью», миноносцами и транспортами. По счастью, ни одинъ снарядъ не попалъ туда.

Съ той поры Батумъ опустѣлъ. Оставшіеся долго вспоминали пережитый страхъ...

Промыселъ Божій.

При первыхъ проблескахъ зари отрядъ изъ двухъ легкихъ крейсеровъ и четырехъ контръ-миноносцевъ подходилъ къ вражескому берегу. Море было тихое и спокойное. Востокъ не начиналъ еще алѣть...

На ночь миноносцы, во избѣжаніе всякихъ передрягъ, когда свои легко могутъ сойти за чужихъ, а враги за своихъ, были отправлены въ другой районъ моря. Съ зарей они должны были присоединиться къ намъ.

Точно, въ условленный часъ, мы были въ назначенномъ квадратѣ рандеву. Миноносцы вотъ-вотъ должны подойти. И, дѣйствительно, опытный, вооруженный глазъ вскорѣ различилъ четыре едва замѣтныя струйки дыма, шедшихъ на пересѣчку нашего курса. Узкой свѣтлой щелкой (чтобы на сторону не было видно) вспыхнули бѣлыя вспышки ратьера[1]). Головной миноносецъ давалъ намъ опознательный знакъ. Дымки превратились въ четыре силуэта, и миноносцы, лихо разворачиваясь и серебря морскую черноту, вступили въ свои мѣста, вокругъ крейсеровъ, для охраны ихъ отъ подводныхъ лодокъ.

Соединеннымъ отрядомъ мы продолжали путь, держа курсъ на Зунгулдакъ. Головнымъ шелъ нашъ милый, родной «Меркурій» подъ флагомъ контръ-адмирала А. Г. Покровскаго — начальника бригады крейсеровъ, въ кильватерѣ вырисовывались стройныя очертанія лихого и блестящаго «Кагула» подъ командой столь же лихого и блестящаго командира флигель-адъютанта С. С. Погуляева.

Нашей задачей было разрушить угольную станцію Зунгулдака (вблизи Босфора), питавшую едва-ли не всю Турцію и, въ первую очередь, анатолійскую армію и германо-турецкій флотъ углемъ. Обычно подобныя операція проходили подъ прикрытіемъ эскадры; на этотъ разъ прикрытія не было, такъ какъ, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, «Гебенъ» еще не закончилъ своихъ

---

[1]) Ратьеръ — особый сигнальный фонарь, не позволяющій видѣть сигналы сбоку и сзади.

починокъ послѣ встрѣчи съ нашей эскадрой и стоялъ въ константинопольскомъ докѣ.

Адмиралъ свои курсы расположилъ такъ, чтобы до зари подойти къ Зунгулдаку и начать бомбардировку раньше, чѣмъ насъ увидятъ съ берега и подымутъ тревогу.

Но Аллахъ словно пытался защитить правовѣрный берегъ. Онъ былъ весь окутанъ завѣсой. Легкій береговой бризъ, несшій съ собой запахъ земли, не разрывалъ ее, и намъ приходилось ждать и «утюжить» море.

Между тѣмъ, утро вступало въ свои права... Мы съ нетерпѣніемъ глядѣли на берегъ... Что скрывалось тамъ, за завѣсой? Предчувствовали ли пробуждающіеся отъ мирнаго сна люди, какой ужасъ таило въ себѣ море?.. Для многихъ и очень многихъ изъ нихъ, шедшихъ сейчасъ въ этотъ утренній часъ къ фонтанамъ своихъ мечетей для омовенія и молитвы, это было послѣднимъ утромъ и послѣдней молитвой.

Но, вотъ, бризъ усилился. Завѣса разорвалась, забѣлѣлъ минаретъ... Съ «Меркурія» грянули первые выстрѣлы пристрѣлки и съ грохотомъ, и свистомъ со всѣхъ пушечныхъ жерлъ обоихъ крейсеровъ понесся туда ураганный огонь... Сотрясая воздухъ, далеко по морю, разнеслось грозное эхо пальбы. Оно дублировалось и триплировалось въ горахъ и ущельяхъ... Туча угольной пыли нависла надъ мѣстностью. Въ городѣ пожаръ вспыхивалъ цѣлыми кварталами. Въ цейссовскіе бинокли картина разрушенія видна, какъ на ладони... Вотъ видно, какъ свернутая крыша поднялась надъ домомъ, вотъ загорѣлся парусникъ, одинъ, другой, десятый. Горятъ рыбачьи лайбы ,горятъ и тонутъ пароходы, кто носомъ идетъ ко дну, кто кормой, и носъ долго торчитъ кверху, кто валится на бокъ. Вихрь дыма, земли, камней и угля. Видна лишь огромная, мѣстами искрящаяся пожаромъ туча, да идущіе къ небу черные столбы.

— «Справа перископъ»!

«Меркурій» круто ворочаетъ, чтобы силой винтовъ отбросить мину. Но... тревога оказывается ложной. То былъ не перископъ, а... пустая гильза отъ снаряда.

Я спустился въ радіо-рубку узнать новости воздуха. Нашъ штабной радіотелеграфный унтеръ-офицеръ Пе-

тренко, орелъ по всѣмъ статьямъ и знатокъ своего дѣла, сидитъ въ своей каскѣ съ напряженнымъ лицомъ и карандашемъ въ рукѣ. Дѣлаетъ мнѣ знакъ — «тише». Карандашъ нервными урывками шуршитъ по бумагѣ... Это былъ замѣчательный радіотелеграфистъ, магъ и волшебникъ въ своемъ дѣлѣ. Онъ въ непріятельскихъ станціяхъ и переговорахъ разбирался, какъ въ своихъ, не зная никакого рѣшительнаго языка, кромѣ своей «мовы». Это не мѣшало ему къ утреннему кофе преподносить адмиралу цѣлую газету на трехъ языкахъ.

Новостей никакихъ не оказалось. Зунгулдакъ билъ тревогу. Звучала мощная станція «Гебена»...

Я вернулся на мостикъ. Тамъ картина была та же. Бомбардировка продолжалась. Мы рѣзко мѣняли хода на случай атакъ подводныхъ лодокъ. Миноносцы рыскали вокругъ насъ. Въ амбразурѣ боевой рубки виднѣлось, какъ всегда, матовое, красивое лицо старшаго артиллерійскаго офицера, лейтенанта Рыбалтовскаго (впослѣдствіи геройски погибшаго на фортахъ Кронштадта, при возстаніи противъ большевиковъ). Онъ сосредоточенно управлялъ огнемъ.

— Что новаго? — спросилъ онъ.

— Ничего, дорогой. Зунгулдакъ взываетъ о помощи...

По трапу быстро поднимался Петренко. Я пошелъ къ нему навстрѣчу, такъ какъ мнѣ, какъ старшему флагъ-офицеру штаба, доставлялись всѣ депеши.

— Такъ что ВВБ, по моему, «Гебенъ» въ морѣ — доложилъ онъ мнѣ, — я слышу близко его станцію.

— Успокойся, «Гебенъ» въ докѣ; тебѣ кажется, что онъ близко, такъ какъ мы сами близко отъ Босфора.

Петренко ушелъ. Я все же доложилъ адмиралу объ этомъ разговорѣ и продолжалъ свои записи.

Не прошло и нѣсколько минутъ, какъ Петренко вновь появляется на мостикѣ и прямо къ адмиралу.

— Такъ что ваше превосходительство, «Гебенъ» въ морѣ и приближается къ намъ — убѣжденно выпаливаетъ онъ.

— Не можетъ быть! Въ штабѣ точныя свѣдѣнія, что «Гебенъ» въ докѣ. Ступай!

Смущенный, но, видимо, не убѣжденный словами

адмирала, Петренко мнется нѣсколько секундъ и спускается внизъ.

«А что, если Петренко правъ? если агентурныя свѣдѣнія не совсѣмъ вѣрны? Что, если «Гебенъ» успѣлъ починиться и вышелъ къ намъ?»...

И адмиралъ и всѣ очень цѣнили Петренку, вѣрили его опыту, знаніямъ и чуткому уху. Онъ не разъ оказалъ неоцѣнимыя услуги флоту и на дѣлѣ доказалъ свой талантъ.

Вѣдь, если это такъ, — положеніе осложнялось; надо было сію минуту бросать операцію и удирать. Но отчего, въ такомъ случаѣ, молчитъ Наморси [1])? Вѣдь, наши спеціальные радіо-пеленгаторы, установленные на Крымскомъ берегу (аппараты нашего изобрѣтенія, неизвѣстные врагу), давали возможность, если врагъ въ морѣ и говоритъ по радіо, опредѣлить направленіе его передвиженія (нѣмцы этого не знали и, находясь въ морѣ, не стѣснялись въ переговорахъ, чѣмъ и выдавали себя).

Всѣ эти мысли роились въ головѣ. Признаться, на душѣ, было не сладко. Встрѣча съ «Гебеномъ» грозила неминуемой гибелью. Онъ, шутя, разстрѣлялъ бы насъ, какъ охотникъ чаекъ...

Но погреба продолжали посылать патроны за патронами. Огонь ни на минуту не ослабѣвалъ. Море изъ синяго стало золотымъ отъ отблеска пожара.

На мостикѣ мнѣ доставили депешу. Подписано «Наморси». Депеша за этой подписью давалась только экстреннаго и боевого значенія. Я бросился въ рубку, къ коду, расшифровывать ее... «Г»-«е»- расшифровывалъ я, подобравъ нужный ключъ и водя карандашемъ — «б»-«е»-«н»-«ъ» постепенно обозначалось на бланкѣ. Подошелъ штурманъ и тоже склонился надъ бланкомъ, слѣдя за карандашемъ — «о»-«р»-«е»-«б»-«о»-«з» — одна за другой выскакивали буквы.

Въ рубку вошелъ адмиралъ.

— Телеграмма отъ Наморси? — спросилъ онъ.

— Такъ точно! «Гебенъ» въ морѣ — отвѣтилъ за меня штурманъ.

Я продолжалъ расшифровку — «б»-«р»-«а»... Че-

---

[1]) Командующій флотомъ — телеграфное сокращеніе.

резъ секунду радіо было разобрано, и я подалъ его адмиралу. Телеграмма гласила:

««Накрейбригъ [1]), срочно, «Гебенъ» въ морѣ. Возвращайтесь Севастополь. Наморси».

— Отбой! — коротко приказалъ адмиралъ. — Подымите сигналъ «Слѣдовать за мной».

Не успѣлъ треугольный бѣлый флажокъ съ синими полосками подняться до нока реи, какъ онъ былъ уже отрепетованъ на всѣхъ судахъ. Отрядъ повернулъ въ море и, слѣдуя за адмираломъ, взялъ курсъ на Севастополь.

Впереди сверкала дивная морская даль, обрамленная синимъ куполомъ. Только небольшая тучка гуляла на немъ.

Сзади — хаосъ разрушенія, дыма и огня.

Берегъ все дальше уходилъ, но море все еще золотилось пожаромъ.

Дельфины веселой семьей кружились и играли вокругъ кораблей, то нагоняя ихъ, то отставая; ловкой блестящей дугой выскакивали изъ воды и вновь ныряли подъ киль.

— Ваше превосходительство! — показалась на трапѣ голова Петренки — «Гебенъ» тутъ, **ноль омъ** [2])! — не своимъ голосомъ крикнулъ онъ...

И, вдругъ, въ полѣ зрѣнія бинокля, обводившаго горизонтъ, мелькнуло что-то черное. Окуляръ поймалъ его и... застылъ. Характерный раструбъ дыма ясно обозначился въ немъ.

«Гебенъ»!!!

Если мы увидѣли его, значитъ, и онъ увидѣлъ насъ. Скрыться некуда. Если бы даже мы бросились врассыпную, онъ, все равно, каждаго поймалъ бы и потопилъ.

Возмездіе — мелькнуло въ головѣ.

Но какой чудовищной и невѣроятной показалась мысль, что вотъ-вотъ сейчасъ, сію минуту, среди этой чудной голубой тишины, когда такъ блещетъ солнце, и такъ хочется жить, свершится нѣчто ужасное. Неужели же гибель, смерть... конецъ всему...? Неужели свершится?!... Неужели, черезъ какихъ-нибудь 20, 30

---

[1]) Н—ку бригады крейсеровъ — телеграфное сокращеніе.

[2]) Непосредственная близость станціи.

минутъ, нашъ крейсеръ, во всемъ своемъ стройномъ, одухотворенномъ цѣломъ, съ сотнями молодыхъ жизней, превратится, вдругъ, въ исковерканный, горящій, залитый кровью остовъ?...

Мысли бѣшено мчались...

— Мама! Папа не хочетъ галовить глюпостей, которыя мама не позволяетъ, — вспомнилась мнѣ смѣшная жалоба моего сынишки, когда мнѣ некогда было шутить и балаганить съ нимъ.

Неужели же я никогда, никогда не увижу ихъ?... Господи!... — вотъ когда мысль съ горячей вѣрой обратилась къ Богу...

Взглянулъ на лица окружающихъ. Тѣнь той же душевной тоски лежала на нихъ. Люди стояли, какъ въ столбнякѣ, вперивъ глаза въ одну точку, и точка эта была — смерть.

Минута бездѣйствія передъ лицомъ опасности роняетъ духъ. Бездѣйствіе, переходящее эту границу, порождаетъ панику.

— Поднять стеньговые [1]) флаги! — громко и рѣшительно приказалъ адмиралъ. И точно вся суть дѣла и все спасеніе было въ этихъ флагахъ.

Сигнальщики стремглавъ бросились къ флагамъ...

Знакомый голосъ начальника, привычка ему повиноваться и эти простыя слова вернули самосознаніе.

Огромный, парадный, Меркурьевскій стеньговый флагъ съ Георгіемъ Побѣдоносцемъ въ серединѣ Андреевскаго Креста развернулся надъ нами. И тутъ случилось то, чего иначе, какъ Промысломъ Божьимъ, не назовешь.

Едва ли многими замѣченное облачко вдругъ огромной свинцовой тучей низко нависло надъ нами. Точно Господъ Богъ Всемогущій простеръ надъ нами свое покрывало. И разразился ливень. Да какой! Не только занесло весь горизонтъ, но съ мостика не стало видно бака [2])...

Адмиралъ сразу схватилъ обстановку и измѣнилъ

---

[1]) Стеньговые («стеньга» — верхушка мачты) флаги подымались на верхушкѣ мачтъ только въ высоко торжественные дни и передъ боемъ.

[2]) Бакъ — носъ корабля.

курсъ, взявъ его въ... непріятельскій портъ. Онъ правильно смекнулъ, что, если «Гебенъ» насъ потеряетъ, — врядъ-ли онъ будетъ искать насъ на путяхъ въ вражескій заливъ.

Мы легли на Синопъ...

Чтобы освѣтить машинной и кочегарной командѣ обстановку и тѣмъ самымъ влить въ нихъ бодрость и энергію, я спустился внизъ.

Какъ черные дьяволы, работали они. Голые, блестящіе отъ пота и угля, они ворочали бѣлками и лили лопата за лопатой, безпрерывными потоками уголь въ топки, гдѣ бушевало, ревѣло и кипѣло бѣлое, обжигавшее ихъ пламя. Электрическіе вентиляторы, «вензейли», нагнетали воздухъ, но его не хватало, и то и дѣло ихъ тѣла, по очереди, выбрасывались на верхнюю палубу глотнуть кислорода.

Крейсера превзошли самихъ себя и развили такой ходъ, который не давали даже на заводскомъ испытаніи...

Когда дождь прошелъ, и вновь засвѣтило солнце, горизонтъ былъ чистъ. «Гебенъ» исчезъ. Но солнце стояло высоко, а все наше спасеніе было въ темнотѣ. Увы! до ночи было еще далеко, и мы каждую секунду могли быть вновь открыты.

Время обѣдать давно уже наступило, но никто не думалъ о немъ. Нервы были слишкомъ напряжены, и не до ѣды было.

Мостикъ, борта, мачты — всѣ выступы были усѣяны добровольными «впередъ смотрящими». Рука уставала держать бинокль, глаза устали отъ напряженія. Начинались миражи. То тутъ, то тамъ казались дымы. Раздавались выкрики «дымъ справа», «дымъ слѣва». Всѣ взоры бросались туда, но это оказывалось вздоромъ, миражемъ.

Мучительно тянулись минуты. Часы казались вѣчностью...

Ничего не знавшіе и не вѣдавшіе миноносцы были въ недоумѣніи. Въ чемъ дѣло?! Почему такой небывалый ходъ? Почему курсъ ведетъ въ Синопъ?... Ихъ не хотѣли тревожить...

Петренко то и дѣло докладывалъ объ обстановкѣ въ воздухѣ. Онъ чувствовалъ себя героемъ дня,

«орломъ сто сотъ». Его рубка стала общимъ центромъ. Всѣ стекались къ ней. Матросскія головы просовывались въ иллюминаторы все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ: «Гдѣ «Ебенъ»?

А «Гебенъ» не дремалъ. Потерявъ насъ во время ливня, онъ созывалъ къ себѣ всѣ крейсера и миноносцы. Чувствовалось, что онъ строилъ цѣпь, сквозь которую мы не могли бы прорваться.

Но вотъ, наконецъ, солнце замѣтно стало склоняться къ западу. Адмиралъ рѣшилъ съ наступленіемъ ночи пойти на пересѣчку моря, взявъ кратчайшій путь на Керчь съ тѣмъ, чтобы съ приближеніемъ къ крымскимъ берегамъ лечь на Феодосію и, раннимъ утромъ, въ дымкѣ берега, проскользнуть въ Севастополь.

Солнце совсѣмъ приблизилось къ горизонту. Горнисты сыграли зорю. Прошла минута... «Смирно, флагъ спустить!» Солнце скрылось за горизонтомъ.

Сумерки, какъ всегда на югѣ, быстро сгустились, наступила черная южная ночь...

Вздохъ облегченія вырвался изъ груди экипажа. Тутъ только всѣ почувствовали, что голодны. Баки загремѣли, и ложки весело застучали, требуя борща и пайковъ.

Офицеры шумной ватагой сгрудились въ каютъ-компаніи вокругъ стола. Пошли остроты, насмѣшки. Хотѣлось шампанскаго, но зарокъ не пить на походѣ свято соблюдался...

Ночь прошла спокойно, безъ всякихъ приключеній. Какъ и разсчитывалъ адмиралъ, мы раннимъ утромъ проскользнули въ дымкѣ крымскихъ береговъ, а когда «Гебенъ» насъ увидѣлъ, было уже поздно. Мы были подъ защитой своихъ линейныхъ кораблей.

Взрывъ „Гебена".

Эскадра замедлила ходъ. Мы приближались къ Босфору...

Былъ вечеръ 23 октября 1914 года. Стояла тихая погода, море было какъ зеркало.

На шканцахъ «Евстафія» священникъ въ полномъ облаченіи служилъ напутственный молебенъ. «Спаси,

Господи, люди твоя» неслось по морской глади. Темнѣющая масса кораблей, пѣніе молитвы, опасная операція — настраивали торжественно. Люди стояли съ обнаженными головами; не было ни возгласа, ни улыбки, слова молитвы проникали въ самое сердце.

Высокоподнятымъ крестомъ священникъ благословлялъ проходящій вдоль эскадры отрядъ. Тысячи глазъ были устремлены на него, тысячи глазъ съ жутью смотрѣли на обреченныхъ людей, выстроившихся вдоль бортовъ, для послѣдняго привѣтствія.

Отрядъ изъ минныхъ заградителей: «Цесаревичъ Георгій», «Константинъ», «Ксенія» и «Св. Николай» [1]), имѣя на борту нѣсколько сотъ донныхъ минъ, шелъ туда, откуда почти не было возврата. Его задачей было въ ночь съ 23-го на 24-ое поставить минное заграждеиіе у самаго Босфора, вблизи мыса Карабурну въ трехъ миляхъ отъ непріятельскаго берега. Чтобы выполнить эту задачу, отрядъ долженъ былъ, соблюдая мертвую тишину и тысячи предосторожностей, пробраться сквозь цѣпь сторожевыхъ судовъ, маячащихъ день и ночь въ этомъ раіонѣ. Мало того, онъ каждую минуту рисковалъ быть обнаруженнымъ наблюдательными постами, расположенными на высотахъ, откуда огромной силы прожектора ощупывали горизонтъ и, скрещиваясь, рыскали по всей водной поверхности. Малѣйшая оплошность, искорка изъ трубы, зажженная папироса, просто шумъ отъ хода, могли ихъ выдать и погубить, ибо одного выстрѣла было достаточно, чтобы весь отрядъ со всей громадой минъ взлетѣлъ на воздухъ. Надо было идти малымъ ходомъ, пронизывая ночь, чтобы во-время увильнуть отъ всякой подозрительной точки или отъ шныряющаго луча. Требовалась огромная выдержка и все напряженіе мужества и хладнокровія. Но проникновеніемъ въ эту опасную зону еще не рѣшалась задача. Отрядъ долженъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ маневрировать въ ней, чтобы поставить заграждеиіе. А поставивъ, долженъ былъ уйти все съ тѣми же предосторожностями. Все это было до крайности сложно и чрезвычайно опасно. Вотъ почему эскадра смотрѣла на уходящій отрядъ, какъ на обреченный.

[1]) Пароходы Ропита, приспособленные для постановки минъ.

Послѣднее наступленіе, послѣднее привѣтствіе сказано. Отрядъ отдѣлился отъ эскадры, взявъ курсъ прямо на Босфоръ. Скоро онъ скрылся во мглѣ наступившей ночи...

Эскадра дала ходъ и стала крейсировать вблизи мѣста разлуки. Она оставалась здѣсь, какъ опора, на случай, если отрядъ по выполненію операціи будетъ обнаруженъ и за нимъ будетъ послана погоня.

Командующій флотомъ запретилъ на это время всякія радіо-сношенія. Онъ всю ночь не смыкалъ глазъ и взадъ и впередъ ходилъ по мостику. Прислушивался онъ, прислушивались всѣ... Минуты шли за минутами... Всѣ слѣдили по часамъ...

Вотъ, по разсчету времени, отрядъ долженъ подойти къ цѣпи... онъ долженъ войти въ нее... Онъ уже въ зонѣ... Взоры невольно оборачиваются на Босфоръ... Но все тихо кругомъ. Какъ далекое сіяніе, вспыхиваютъ вражескіе прожектора... Часы показываютъ время начала постановки загражденья... Эскадра ухомъ приникла къ морской глади... Но опять ни звука, все, слава Богу, тихо кругомъ.

* * *

Невольно вспоминались прежнія, мирныя времена, у того же Босфора. Я былъ тогда молодымъ мичманомъ и на старомъ, старомъ, но крѣпко, по старинному, сшитомъ пароходѣ Ропита «Олегъ» шелъ изъ Севастополя въ Константинополь, будучи назначеннымъ въ плаваніе на яхту русскаго посла «Колхида». Мы такъ же, какъ теперь, вечеромъ приближались къ Босфору. «Олега» здорово валяло. Когда прозвучалъ обѣденный гонгъ, я спустился въ столовый залъ, тамъ никого не было. Всѣхъ пассажировъ укачало. Только старый капитанъ «Олега» одинъ сидѣлъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ метнулъ на меня взоръ: «Что, молъ, мичманъ?» Я понялъ, но былъ гордъ и счастливъ — меня не укачало. Сѣлъ рядомъ съ капитаномъ. На радостяхъ аппетитъ у меня былъ за двоихъ, а вѣдь въ доброе старое время на русскихъ пароходахъ кормили основательно, особливо на заграничныхъ линіяхъ...

На утро мы были уже въ Золотомъ Рогѣ.

Стройная, какъ чайка, Колхидская гичка на своихъ распашныхъ стрѣлой подлетѣла къ трапу за мной и почтой. Каютный лакей передалъ гребцамъ мои чемоданы, и мы понеслись къ пристани Топъ-Ханэ, гдѣ въ тѣ времена стояли яхты пословъ всего міра. Быстро переодѣвшись въ мундиръ, явился къ командиру яхты.

«Колхида» была настоящей игрушкой, съ миніатюрной, краснаго дерева, каютъ-компаніей и маленькими офицерскими каютами, такими маленькими, что я не зналъ, какъ и разложиться въ своей. Черезъ нѣсколько дней я долженъ былъ представиться послу. Вѣстовой сбѣгалъ за извозчикомъ. Одѣвшись въ парадную форму, въ плащѣ и треуголкѣ, поѣхалъ на Перу. При выѣздѣ изъ арсенала, турецкіе часовые взяли на караулъ.

Огромное зданіе посольства. Прохладный вестибюль. Десятокъ кавасовъ съ пистолетами за широкими поясами. Казакъ въ черкескѣ. Вхожу въ пріемную. Осматриваюсь и, главнымъ образомъ, въ большое зеркало осматриваю себя. Двери въ кабинетъ закрыты. Благолѣпная тишина.

— Посолъ васъ проситъ...

Вхожу съ любопытствомъ. Вытягиваюсь въ струнку. Въ лѣвой рукѣ золотой палашъ, треуголка и бѣлая перчатка. Изъ-за огромнаго стола поднимается маленькая-маленькая, тщедушная фигурка сѣдого старичка съ сердитымъ лицомъ въ бархатномъ вестонѣ.

— Такъ вотъ онъ, Россійскій Императорскій посолъ, дѣйств. тайный совѣтникъ Зиновьевъ, знаменитый дипломатъ и кавалеръ при дворѣ грознаго Абдулъ-Гамида, старшина дипломатическаго корпуса, въ чьихъ рукахъ вся европейская политика Ближняго Востока.

— Мичманъ Л-нъ честь имѣетъ явиться Вашему Высоко-ству по случаю назначенія на яхту «Колхида» — однимъ духомъ отрапортовываю я.

Посолъ протягиваетъ руку, говоритъ два-три любезныхъ слова и отпускаетъ меня...

Вспомнилось мнѣ и представленіе Абдулъ-Гамиду, на селямликѣ. Насъ была цѣлая группа иностранныхъ офицеровъ. Въ тронномъ залѣ намъ было отведено особое мѣсто. Какъ сейчасъ помню, холодъ во дворцѣ стоялъ такой, что мы всѣ остались въ шинеляхъ. Въ

Ильдызъ-Кіоскѣ не было печей — Абдулъ-Гамидъ ихъ не любилъ. Въ залѣ стояли огромные хрустальные съ бронзой мангалы, на которыхъ синимъ огонькомъ пламенѣлъ уголь. Это и было все отопленіе. Турецкіе сановники и придворные стояли вдоль стѣнъ, въ однихъ мундирахъ. У трона, на низкихъ подушкахъ, сидѣли приближенные генералъ-адъютанты султана. Тутъ же стоялъ евнухъ съ шитымъ золотомъ полотенцемъ. Это полотенце цѣловали вмѣсто руки султана. Тишина царила мертвая. Она еще сгустилась, когда вдругъ невидимая рука распахнула двери, и въ глубинѣ анфилады показался султанъ. У дверей тронаго зала онъ остановился, не спѣша вынулъ изъ задняго кармана аккуратно сложенный бѣлый платокъ, развернулъ его, высморкался, такъ же аккуратно и не спѣша сложилъ и спряталъ обратно. Затѣмъ вошелъ. Всѣ низко склонились, скрестивъ руки. Мы отдавали честь...

Я былъ разочарованъ. Не такимъ представлялъ я себѣ грознаго повелителя Востока. Маленькій сутуловатый, съ чернонакрашенной бородой и ярко накрашенными щеками, съ большимъ носомъ, въ длинноломъ военномъ сюртукѣ, съ зеленой лентой черезъ плечо и точно игрушечной саблей на боку. Маленькіе, лукавые, исподлобья сверкавшіе глаза пытливо шныряли по залу. Онъ остановился передъ нами и отдалъ честь.

Потомъ насъ пригласили завтракать. Мы и за завтракомъ не сняли шинелей. Завтракъ состоялъ изъ сандвичей на золотыхъ блюдахъ и ледяного шампанскаго...

* * *

Ночь кончалась... Тишина ничѣмъ не нарушалась. Ни выстрѣла, ни одного подозрительнаго звука. Близился разсвѣтъ... Все говорило за удачу, за необыкновенное счастье. Всѣ повеселѣли.

Эскадра шла въ точку рандеву съ отрядомъ заградителей...

Не описать того взрыва ликованія, охватившаго весь флотъ, когда наши заградители вернулись цѣлыми и невредимыми. Они блестяще выполнили операцію. Немало жуткихъ минутъ имъ пришлось пережить.

Командиры заслужили себѣ золотое Георгіевское оружіе, а команды — Георгіевскіе кресты.

Миннымъ офицеромъ этого отряда былъ молодой, доблестный лейтенантъ Четверухинъ. На немъ лежала вся техническая сторона по подготовкѣ и выполненію операціи.

* *
*

Между тѣмъ, въ тайникахъ штабовъ подготовлялась другая операція. Рѣшено было заградить входъ и выходъ изъ Зунгулдака. Этимъ какъ бы отсѣкалась правая рука у врага.

Эта операція была сложна, главнымъ образомъ, тѣмъ, что ее трудно было сохранить въ той строжайшей тайнѣ, которая была необходима въ виду колоссальной шпіонской организаціи нѣмцевъ. Какъ мы, благодаря своей, тоже знали обо всемъ, что дѣлается у врага, такъ и онъ зналъ о всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Трудность секрета, въ данномъ случаѣ, заключалась въ томъ, что брандеры (старые, рѣшительно никуда уже негодные пароходы) нужно было загрузить камнями, чтобы въ такомъ видѣ затопить у входа въ Зунгулдакъ. Это была большая работа, на которую требовалась не одна сотня рабочихъ рукъ. Городской базаръ скоро провѣдалъ объ этомъ. Кумушки зашушукали.

Какъ мы увидимъ дальше, нѣмцы узнали, что въ Киленъ-балкѣ [1]) грузятъ пароходы столь необычнымъ грузомъ, и, конечно, сообразили въ чемъ дѣло. Въ штабѣ все же надѣялись, что слухи останутся слухами и дальше базара не пойдутъ. Ихъ всячески парализовывали и пускали другіе встрѣчные слухи о причинахъ погрузки камней.

Въ строжайшей тайнѣ, такъ что даже командный составъ флота не зналъ, операція была назначена на 9, 10, 11 и 12 декабря. Во главѣ ея былъ поставленъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ офицеровъ флота, впослѣдствіи Георгіевскій кавалеръ и адмиралъ, Евдокимовъ.

Наканунѣ, 8-го декабря, флотъ, въ составѣ дивизіи линейныхъ кораблей, бригады крейсеровъ, 1, 3, 4 и 5

[1]) Одна изъ Севастопольскихъ маленькихъ бухтъ.

дивизіоновъ миноносцевъ, — вышелъ въ море на рекогносцировку. Для охраны и конвоированія брандеровъ были назначены лин. корабль «Ростиславъ», легкій крейсеръ «Алмазъ» и 6-й дивизіонъ маленькихъ миноносцевъ.

Рекогносцировка ничего подозрительнаго не обнаружила, и 9-го, въ полночь, отрядъ брандеровъ (старые пароходы «Олегъ», «Афонъ», «Эрна» и «Россія») со своимъ конвоемъ вышелъ въ море. На бѣду погода стала свѣжѣть. Задулъ нордъ-остъ.

Впереди шелъ «Ростиславъ», за нимъ растянулся, неприспособленный къ строевому плаванію отрядъ брандеровъ, далѣе шли «Алмазъ» и миноносцы. Встрѣча съ флотомъ была назначена въ ста миляхъ отъ Севастополя, въ полдень, 10-го декабря.

Къ назначенному сроку отрядъ, съ грѣхомъ пополамъ, подтянулся, и рандеву состоялось.

Отдѣлившійся отъ флота миноносецъ доставилъ на отрядъ секретный пакетъ отъ командующаго флотомъ. Въ пакетѣ было указано: «Соколамъ» [1]), взявъ въ полночь съ «Алмаза» точную широту и долготу [2]) исходной точки, идти на развѣдку къ Зунгулдаку. «Ростиславу» и «Алмазу» охранять брандеры до подхода къ Зунгулдаку. На разсвѣтѣ брандерамъ затопиться, согласно плану затопленія. «Соколамъ» снять людей съ брандеровъ. Встрѣча съ флотомъ въ 7 утра въ 15 миляхъ на нордъ-остъ отъ Зунгулдака».

Приказавъ отряду слѣдовать по назначенію, флотъ удалился.

Между тѣмъ, погода начала замѣтно свѣжѣть. Штормовыя тучи закутали небосклонъ. Рѣзкій нордъ-остъ гналъ большую волну. Брандеры сильно валяло. Старыя галоши, предназначенныя къ затопленію, онѣ имѣли множество неисправностей какъ въ корпусѣ, такъ и въ механизмахъ, еле-еле тилипались и отставали другъ отъ друга.

Наступила бурная ночь.

Въ темнотѣ, безъ огней, сбиваемые вѣтромъ и

---

[1]) 6-й дивизіонъ миноносцевъ.

[2]) Миноносцамъ не всегда возможно вести точныя наблюденія.

волной, брандеры окончательно потеряли другъ друга и начали терпѣть бѣдствіе.

Въ 11½ ч. ночи къ траверзу «Алмазъ» подошли «сокола» и, получивъ широту и долготу мѣста, скрылись по курсу на Зунгулдакъ.

Около 2 час. ночи разыгрался штормъ. «Олегъ» (на немъ былъ начальникъ брандеровъ) передалъ Ратьеромъ на «Ростиславъ», что «Эрна» не можетъ больше управляться и терпитъ бѣдствіе. «Ростиславъ» уменьшилъ ходъ и предложилъ взять «Эрну» на буксиръ. Это былъ сложный и трудный маневръ. Нужно было найти «Эрну», приблизиться къ ней, подать буксиры и все это выполнить въ ночной кромѣшной тьмѣ, въ штормовую погоду. Но «Ростиславъ» преодолѣлъ всѣ эти трудности и уже закрѣплялъ буксиръ, когда, вдругъ, ослѣпительный лучъ прожектора освѣтилъ его. Освѣтилъ и тотчасъ же погасъ. Думая, что это «Алмазъ», «Ростиславъ» продолжалъ свою работу, когда уже много дальше его, откуда-то изъ темноты ночи, вновь блеснулъ лучъ.

Лучъ освѣтилъ корму брандера и надпись «Олегъ». Полагая, что это кто-нибудь изъ своихъ, капитанъ Е. схватилъ мегафонъ и закричалъ:

— Это я, — «Олегъ»!

Изъ черноты глухой голосъ, также въ мегафонъ, на чисто русскомъ языкѣ отвѣтилъ:

— «Олегъ»! Я знаю. На тебѣ, получай!

Раздался залпъ.

Прожекторъ потухъ. Все сразу стихло.

Точно кровавый призракъ пронесся надъ «Олетомъ»...

Шедшій вдали «Алмазъ», тщетно пытавшійся найти потерявшіе свои мѣста брандеры, былъ озадаченъ пальбой. Невозможно было сразу оріентироваться въ обстановкѣ. «Алмазъ» продолжалъ свой путь въ Зунгулдакъ, въ надеждѣ на разсвѣтѣ обнаружить брандеры.

До разсвѣта было уже недалеко. Востокъ чуть-чуть начиналъ сѣрѣть. Попрежнему дулъ штормовой нордъ-остъ...

Вдругъ, на фонѣ этой, чуть посѣрѣвшей, нижней полосы востока, «Алмазъ» замѣтилъ тѣнь. Тѣнь медлен-

но двигалась встрѣчнымъ курсомъ. «Алмазъ» сотней глазъ слѣдилъ за ней... Тѣнь приблизилась... Обозначились двѣ трубы на могучемъ корпусѣ. Приподнятый рефракціей [1]) корпусъ казался грандіознымъ... «Алмазъ» весь притаился, уменьшилъ ходъ до самаго малаго, чтобы дымъ и искры не выдавали его... «Гебенъ» шелъ замедленнымъ ходомъ, точно озирался кругомъ... Скрытый темной частью небосклона, «Алмазъ» не спускалъ съ него глазъ...

«Гебенъ» прошелъ, не замѣтивъ «Алмаза», въ полутора миляхъ отъ него, и исчезъ въ темнотѣ...

Въ 7 час. утра флотъ подошелъ къ мѣсту встрѣчи. «Сокола» подошли отъ Зунгулдака.

Изъ за мглы, ихъ развѣдка не удалась. Подошли «Ростиславъ» и «Алмазъ». Обнаружены: «Олегъ» подъ большимъ креномъ, «Эрна» и «Россія». «Афонъ» исчезъ. Съ «Олега» передали семафоромъ:

«Имѣю раненыхъ и убитыхъ».

Ясно — операція не удалась.

«Бреслау» [2]), со своими миноносцами, обнаружилъ ночью отрядъ брандеровъ. Блеснувъ прожекторомъ по «Ростиславу» и увидѣвъ его 10-тидюймовыя орудія, поспѣшилъ исчезнуть въ темнотѣ. Позже онъ наткнулся на «Олега», далъ по немъ нѣсколько залповъ; миноносецъ «Самсунъ» выпустилъ въ «Олега» мину, но не попалъ. На разсвѣтѣ «Бреслау» обнаружилъ терпѣвшій бѣдствіе «Афонъ». Онъ поднялъ ему сигналъ о сдачѣ. Лейтенантъ Четверухинъ [3]) отвѣтилъ отказомъ, не пожелавъ сдать врагу, хотя и никуда негодный, но находившійся подъ русскимъ флагомъ пароходъ. Онъ посадилъ команду въ шлюпку и открылъ кингстонъ. Въ наказаніе за отказъ, «Бреслау» далъ по немъ залпъ и взялъ въ плѣнъ Четверухина.

Утромъ «Бреслау» имѣлъ встрѣчу съ «Гебеномъ». Германскій адмиралъ потребовалъ Четверухина къ себѣ. Русскаго лейтенанта заперли въ каюту, и «Гебенъ» пошелъ въ Босфоръ.

И вдругъ, подходя къ Босфору, Четверухинъ ви-

---

[1]) Преломленіе лучей.

[2]) Германскій крейсеръ.

[3]) На время экспедиціи былъ назначенъ к-ромъ «Афона».

дитъ въ иллюминаторѣ каюты мысъ Карабурну, вблизи котораго онъ, въ ту памятную ночь, самъ ставилъ минное загражденіе. Онъ видитъ, какъ «Гебенъ» направляется прямо въ него. Ужасъ охватываетъ Четверухина. Онъ видитъ, какъ «Гебенъ» быстро приближается къ опасности... Въ немъ происходитъ короткая, но страшная борьба: — сказать и спастись или промолчать и погибнуть вмѣстѣ съ врагомъ? Онъ впивается руками въ иллюминаторъ, собравъ всю силу духа... «Гебенъ» совсѣмъ близко... онъ уже въ опасной зонѣ... Взрывъ и гибель на разстояніи секунды... Сложная гамма чувствъ охватываетъ Четверухина. Только тотъ можетъ понять ее, кто собственными глазами видѣлъ свою смерть... Страшный взрывъ. «Гебенъ» вздрогнулъ. Шумъ, топотъ, крики, грохотъ тяжестей, безпрерывный звонъ колоколовъ... «Гебенъ» валится на бокъ... Очертанія опрокидывающейся каюты, — послѣднее, что запечатлѣлось въ мозгу. Четверухинъ упалъ безъ сознанія...

Немало дней прошло съ тѣхъ поръ. Однажды въ штабъ командующаго флотомъ явилась какая-то женщина съ требованіемъ допустить ее къ командующему по важному и секретному дѣлу. Адмиралъ принялъ ее. Она при немъ вспорола себѣ подолъ и вынула изъ него вотъ эту записку.

Адмиралъ былъ въ недоумѣніи...

Оказалось, что женщина эта — бывшая горничная съ одного изъ русскихъ пароходовъ, захваченныхъ нѣмцами въ заграничныхъ водахъ. Она только что репатріировалась.

Будучи въ плѣну въ Турціи, она встрѣтилась съ лейтенантомъ Четверухинымъ, и когда тотъ узналъ, что она возвращается на родину, передалъ ей эту записку, строго наказавъ лично передать ее въ руки адмирала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ разсказалъ ей подробности своего плѣненія и взрыва «Гебена».

«Гебенъ» не перевернулся только благодаря своей замѣчательной системѣ водонепроницаемыхъ переборокъ. Взрывъ пришелся у ватеръ-линіи, образовавъ огромную пробойну и повредивъ гребной валъ. «Ге-

бенъ» на буксирахъ, съ сильнымъ кренóмъ, былъ доставленъ съ большимъ трудомъ къ доку.

Въ штабѣ поняли, что хотѣлъ сказать Четверухинъ въ своей запискѣ, и съ тѣхъ поръ спеціально для «Гебена» мины ставили на глубинѣ не 15, а 20-ти фут.

Если бы онъ тогда наскочилъ на мину, поставленную на 20-ти футахъ, она разорвала бы ему дно, и онъ погибъ бы безвозвратно.

Этотъ эпизодъ въ освѣщеніи нѣмцевъ.

Ноябрь и декабрь прошли подъ знакомъ «террора русскихъ у Англійскихъ береговъ». Наступило Рождество.

Въ сочельникъ мы находились въ Босфорѣ, когда вдругъ услышали близкіе переговоры непріятеля. Несомнѣнно, онъ подготовлялъ какой-то сюрпризъ. Послѣдовало распоряженіе поднять пары.

Днемъ вышли въ море. Погода свѣжая. «Бреслау» отослали въ развѣдку. Сами двинулись на востокъ. Штормовой вѣтеръ развелъ изрядную волну, качаетъ, но хуже всего то, что русскіе прекратили переговоры.

Въ четыре часа пополуночи нервный вызовъ «Бреслау»: «Срочно!.. Срочно!..». Слушаемъ: «Непріятель на высотѣ Зунгулдака. Обнаружилъ транспортъ «Олегъ». Кто-то изъ тьмы дѣлалъ опознательный. Освѣтилъ силуэтъ броненосца. Потопилъ транспортъ».

Полное недоумѣніе. Что все это означаетъ?

Въ 7 утра новый вызовъ «Бреслау». Еще большее удивленіе. Доноситъ, что потопилъ второй транспортъ и взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ и 70 матросовъ. Непонятно, что дѣлаютъ тутъ русскіе транспорта.

Въ часъ пополудни эскадренная депеша «Бреслау»: «Встрѣтилъ русскій флотъ въ полномъ составѣ. Удаляется курсомъ нордъ. Имѣлъ перестрѣлку съ миноносцемъ. Стрѣляютъ хорошо».

Къ сожалѣнію, въ этотъ моментъ мы были слишкомъ далеко. Назначили «Бреслау» рандеву завтра въ полдень. Вторая ночь прошла спокойно.

Въ назначенный часъ рандеву состоялось. «Бреслау» прислалъ своихъ плѣнныхъ. Офицеровъ помѣстили въ гардемаринскую каюту, матросовъ — во второе депо. Крейсеръ отослали въ новую развѣдку.

Какъ только дали ходъ, — меня потребовали къ флагъ-капитану. Войдя въ штабную рубку, я несказанно поразился, увидѣвъ бутылку коньяку и стаканы. Оказалось, что это для русскихъ, и что я долженъ присутствовать при ихъ допросѣ, въ качествѣ переводчика.[1]).

Первымъ былъ введенъ унтеръ-офицеръ. Здоровенный парень. Я любезно поздоровался съ нимъ и предложилъ папиросу. Тотъ охотно взялъ. Флагъ-капитанъ налилъ коньяку и протянулъ стаканъ. Это взволновало плѣннаго. Его глаза забѣгали, но онъ рѣшительно отказался. Мы съ удивленіемъ переглянулись, такъ какъ прекрасно знали, что русскіе не прочь выпить.

— Вы не пьющій? — спросилъ я.

— Пью, но выпейте сперва вы, — отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— А-а, онъ боится отравы, — подумалъ я. Флагъ-

[1]) Изъ воспоминаній радіо-телеграфиста «Гебена» Георгія Коппа, бывшаго нѣмецкаго колониста въ Крыму.

капитанъ согласился, чтобы я выпилъ первымъ. Только послѣ этого плѣнный осушилъ стаканъ.

— Какая цѣль вашего похода? — начался допросъ.

— Мы — пароходы — были набиты камнями, чтобы затопиться у входа въ Зунгулдакъ...

Позвали слѣдующаго. Это былъ простой матросъ. Несчастный до того былъ перепуганъ, что дрожалъ, какъ осиновый листъ. Онъ, вѣроятно, думалъ, что наступилъ послѣдній часъ. Съ трудомъ успокоили его.

Допросили еще 15 матросовъ, но ничего интереснаго они сообщить не могли. Тогда рѣшили допросить офицеровъ.

Когда ввели ихъ и начался допросъ, — старшій изъ нихъ, — лейтенантъ твердо и рѣшительно заявилъ:

— Вы напрасно теряете время. Наша честь не позволитъ намъ предать свою родину.

Флагъ-капитанъ уважилъ это заявленіе и освободилъ офицеровъ отъ допроса.

Еще важную новость узнали: готовность «Императрицы Маріи» будетъ значительно раньше, чѣмъ предполагали мы.

Но вотъ скоро и Босфоръ. Я нѣсколько разъ посѣтилъ русскихъ. Всѣ они успокоились и имѣютъ довольный видъ. Наши матросы снабдили ихъ табакомъ.

Еще 15-18 миль, и мы — дома. Показались дымки. Это миноносцы, которыхъ вызвалъ адмиралъ. Они должны протралить путь и охранять насъ отъ подводныхъ атакъ.

Я поднялся въ радіо-рубку. Не успѣлъ захлопнуть дверь, какъ что-то грохнуло, и мы ясно почувствовали, что «Гебенъ» приподнялся на воздухъ. Полъ ушелъ изъ подъ ногъ. Раздалась команда — «не покидать постовъ»!

— Подводная лодка! — мелькнула мысль. Но почему же не слышно стрѣльбы? Взглянулъ на товарищей. Они всѣ стояли въ оцѣпенѣніи. Кренъ усилился. Полъ сталъ совсѣмъ покатымъ. Но электричество продолжало горѣть.

Новый взрывъ! Повторная команда — «не покидать постовъ»!

Не понимая, что творится, мы съ удивленіемъ увидѣли, что полъ выровнялся. Стало возможнымъ стоять.

Оказалось, — мы наскочили на минное заграждение. Наскочили тамъ, гдѣ никакъ не ожидали его: на глубинѣ двухсотъ метровъ. Эти русскіе — замѣчательные мастера въ минномъ дѣлѣ. Не случись такъ, что второй взрывъ послѣдовалъ съ противоположной стороны, — «Гебенъ», несомнѣнно бы, погибъ. Его раны были смертельны. Онъ получилъ двѣ громадныя пробоины: одна, на лѣвомъ борту, была въ 8 квадратныхъ метровъ, другая — на правомъ — въ 10 на 4. Въ каждую изъ нихъ могъ свободно въѣхать возъ сѣна. «Гебенъ» сильно осѣлъ и двигался съ трудомъ.

Въ этотъ походъ съ нами былъ генералъ-фельдмаршалъ баронъ фонъ-деръ Гольцъ, желавшій видѣть морское сраженіе. Когда онъ проходилъ изъ адмиральскаго помѣщенія на мостикъ, — взрывъ произошелъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ остановился онъ. Весь его мундиръ былъ въ черныхъ брызгахъ пироксилина. Ихъ невозможно было очистить, и фельдмаршалъ, въ воспоминаніе избѣгнутой смерти, всегда носилъ его...

Босфорское сраженіе.

Въ концѣ апрѣля 1915 года, благодаря дѣйствіямъ нашего флота, Турція была на краю угольнаго кризиса. За одинъ этотъ мѣсяцъ потоплено 12 пароходовъ съ углемъ и уничтожено нѣсколько сотъ парусниковъ.

Положеніе становилось отчаяннымъ. Нужны были героическія мѣры, чтобы возстановить питаніе углемъ.

Германскій адмиралъ Сюшонъ, командовавшій германо-турецкимъ флотомъ, выработалъ планъ одновременной доставки большой партіи угля изъ Зунгулдака въ Константинополь. Эта операція боевого значенія должна была быть выполненной подъ прикрытіемъ флота. Рядъ такихъ переброскъ могли спасти страну отъ угольнаго голода.

Но съ такими операціями нужно было спѣшить, пока на Черномъ морѣ не было еще русскихъ дредноутовъ. Нѣмцы прекрасно знали, что нашъ первый дредноутъ — «Императрица Марія» — заканчивался постройкой и готовился вступить въ строй. При наличіи его мы получали огромный перевѣсъ въ силахъ, блокада Анатолійскаго побережья нашими крупными

единицами становилась безпрерывной, и тогда о подобнаго рода операціяхъ нельзя было бы и мечтать.

* * *

И нѣмцы спѣшили... Въ строжайшей тайнѣ, подъ прикрытіемъ своего флота они сосредоточили въ Зунгулдакѣ пять большихъ транспортовъ, усиливъ предварительно оборону Зунгулдака дальнобойными орудіями крупнаго калибра.

Оставивъ транспортъ подъ защитою береговыхъ батарей грузиться углемъ, германо-турецкій флотъ удалился въ Босфоръ съ тѣмъ, чтобы по окончаніи погрузки выйти навстрѣчу отряду для конвоированія и прикрытія его на обратномъ пути.

Само собой разумѣется, все это хранилось въ строжайшей тайнѣ, но случай обнаружилъ ее...

* * *

Въ крейсерствѣ у Анатолійскихъ береговъ находились два нашихъ эскадренныхъ миноносца «Гнѣвный» и «Дерзкій», подъ общей командой старшаго изъ командировъ, капитана 2 ранга Черкасова.

Заканчивая свой пробѣгъ вдоль береговъ, миноносцы 21 апрѣля подошли къ Зунгулдаку и... обнаружили транспорта. Огонь дальнобойныхъ береговыхъ орудій сдѣлалъ невозможной атаку для миноносцевъ.

Черкасовъ немедленно послалъ командующему флотомъ слѣдующую телеграмму: «Въ Зунгулдакѣ сосредоточены 5 транспортовъ, груженыхъ углемъ. Батареи не позволяютъ подойти для ихъ уничтоженія. Топливо на исходѣ. Въ ожиданіи смѣны блокирую Зунгулдакъ».

Командующій флотомъ вызвалъ къ себѣ князя Трубецкого и поручилъ ему уничтожить транспорта.

Князь тотчасъ же послалъ Черкасову слѣдующую депешу:

«Сегодня передъ наступленіемъ темноты снимите блокаду, ясно показавъ непріятелю, что вы уходите, и возвращайтесь въ Севастополь. Выхожу къ Босфору съ «Пронзительнымъ» и «Быстрымъ».

23-го, съ разсвѣтомъ, «Пронзительный» и «Бы-

стрый» подошли къ непріятельскому берегу и легли на мысъ Кефкенъ.

Погода ясная. Вѣтренная. На морѣ небольшое волненіе.

Восточнѣе Кефкена миноносцы замѣтили нашу подводную лодку «Нерпу» подъ командой старшаго лейтенанта Вилькена. Отъ нея узнали, что ночью курсомъ на Зунгулдакъ прошелъ вражескій отрядъ изъ одного крейсера и двухъ контръ-миноносцевъ — конвой транспортовъ.

Передавъ Вилькену, что онъ идетъ навстрѣчу непріятелю, и приказавъ лодкѣ занять позицію для атаки крейсера, Трубецкой удалился. Лодка погрузилась.

* *
*

Чтобы отвлечь вниманіе флота отъ готовящейся переброски угля и для прикрытія ея, на случай появленія нашихъ главныхъ силъ, «Гебенъ» подъ флагомъ командующаго германо-турецкимъ флотомъ контръ-адмирала Сюшона вышелъ въ море, взявъ курсъ на Севастополь.

* *
*

Пока нѣмцами подготовлялась эта угольная операція, между командующими русскимъ флотомъ и союзнымъ флотомъ въ Дарданеллахъ, англійскимъ адмираломъ де-Робекъ, шли оживленные переговоры о дальнѣйшей поддержкѣ русскимъ флотомъ Дарданелльскихъ операцій. Англичане желали, чтобы мы усилили эффективность своихъ предыдущихъ бомбардировокъ Босфора включеніемъ въ составъ старыхъ кораблей, бомбардирующихъ Босфоръ, — одного корабля изъ основного ядра эскадры, съ большей дальностью огня: того самаго основного изъ трехъ кораблей до дредноутнаго типа («Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ» и «Пантелеймонъ»), исключительной задачей котораго было прикрывать операціи, на случай появленія «Гебена». Только это ядро въ цѣломъ могло состязаться съ дредноутомъ.

Не говоря уже о томъ, что подобное требованіе раздѣленія силъ у самой базы врага (посылка одного изъ трехъ къ Босфору) противорѣчило основному

принципу морской тактики — сосредоточенію силъ, адмиралъ Эбергардъ вообще скептически относился къ операціямъ бомбардировокъ босфорскихъ укрѣпленій, разъ **цѣлью ихъ ставилось исключительно моральное давленіе на врага.** Командующій флотомъ прекрасно сознавалъ, что подобными эффектами нѣмцевъ не прошибешь. Онъ не считалъ нужнымъ ради такой безсмыслицы, какъ **голый** обстрѣлъ Буюкъ-Дере, рисковать ослабленіемъ своего основного ядра.

Позднѣйшее доказало, что старикъ былъ правъ.

Но англійское командованіе настаивало на своемъ. Давило на ставку...

Нижеслѣдующая телеграмма де-Робека показываетъ, сколь императивно было это настаиваніе.

«Русскій Черноморскій флотъ можетъ и долженъ поддержать наши атаки бомбардировкой Босфора»...

* * *

Обнаруженные вчера миноносцами транспорта и видѣнный ночью лодкой боевой отрядъ врага выдали операцію съ головой. Доклады радіо-телеграфистовъ, что станція «Гебена» работаетъ въ морѣ, говорили сами за себя...

...Кефкенъ скрылся за кормой миноносцевъ... Лодка заняла позицію...

«Пронзительный» и «Быстрый» легли на Зунгулдакъ. Встрѣча съ врагомъ можетъ произойти съ минуты на минуту. Всѣ напряженно ждутъ появленія дыма.

Съ нетерпѣніемъ горячаго охотника князь Трубецкой, съ неизмѣнной золотой трубкой въ зубахъ, расхаживаетъ по мостику. По временамъ останавливается, подымаетъ къ глазамъ висящій на груди Цейсовскій бинокль и снова шагаетъ взадъ и впередъ...

Мостикъ возбужденъ. Офицеры и сигнальщики внимательно осматриваютъ горизонтъ. Покуривающая на бакѣ, въ ожиданіи тревоги, команда, со вздутыми вѣтромъ спинами рубахъ и синихъ воротниковъ, тоже посматриваетъ впередъ. Радіо-телеграфисты все время перехватываютъ шифрованные переговоры непріятельскихъ станцій...

Было 5 ч. пополудни, когда на горизонтѣ, со стороны Зунгулдака, показался большой клубъ дыма...

— «Буки»! — скомандовалъ князь Трубецкой.

Миноносцы бросились на дымъ...

Изъ-за горизонта, въ дыму, показался лѣсъ мачтъ. Еще невозможно было опредѣлить непріятельскій строй.

Разстояніе быстро сокращалось. Обозначались трубы... Стали выплывать корпуса...

Врагъ шелъ тремя колоннами. Самую мористую составлялъ конвой изъ крейсера и двухъ контръ-миноносцевъ. Ближе къ берегу, въ двухъ колоннахъ, шли транспорта.

Вскорѣ выяснилось, что головнымъ конвоя былъ бронепалубный крейсеръ «Гамидіе». Вооруженіе его состояло изъ двухъ 6 д. и восьми 120 мм. орудій противъ трехъ 100 мм. пушекъ на каждомъ русскомъ миноносцѣ.

Увидавъ нашихъ двухъ «звѣрей», конвой склонился влѣво, ближе къ своимъ транспортамъ.

— Боевая тревога!

— Поднять стеньговые флаги! — приказалъ князь Трубецкой.

Люди бросились по мѣстамъ. На мачтахъ взвились Андреевскіе флаги. Миноносцы легли на боевую лаксодромію...

Началась взаимная пристрѣлка.

Недолетъ... Перелетъ... Вилка.

— Бѣглый огонь!

Затрещали затворы. Бѣгло заговорили пушки...

Мѣткій огонь нашихъ комендоровъ разилъ врага. Залпы за залпами давали накрытіе.

Врагъ шелъ на недолетахъ, кипятилъ море, взрывая его своими 6-ти дюймовыми снарядами.

Наши 100 м.м. пушки стальнымъ градомъ осыпали его. Ясно виднѣлось пламя разрывовъ...

На «Гамидіе» занялся пожаръ...

Миноносцы сдѣлали поворотъ. Сблизились съ врагомъ.

Бой пошелъ на параллельныхъ курсахъ.

Съ обѣихъ сторонъ интенсивный огонь не ослабѣвалъ. Врагъ все шелъ на недолетахъ...

На «Гамидіе» съ новой силой вспыхнулъ пожаръ. Удачное попаданіе вывело изъ строя его носовую

шестидюймовку. Она замолкла. Непріятельскій огонь сдѣлался безпорядочнымъ. Вѣроятно, убило управлявшаго огнемъ.

Крейсеръ сталъ безпрестанно мѣнять курсы, стремясь уклониться отъ попаданій. Его радіо-станція взывала о помощи, безпрерывно давая позывные «Гебена». Усиливавшійся звукъ станціи послѣдняго ясно говорилъ, что «Гебенъ» полнымъ ходомъ спѣшитъ на выручку...

Сбившіеся въ кучу транспорта остались позади... Дерущіеся корабли, въ пылу сраженія, все дальше и дальше уходили отъ нихъ... Вдали, едва высовываясь изъ воды, смотрѣлъ на нихъ перископъ «Нерпы»...

Видя, что онъ зарывается съ «Гамидіе», что предоставленные самимъ себѣ транспорта могутъ повернуть обратно въ Зунгулдакъ, и что подоспѣвшій «Гебенъ» сможетъ помѣшать ихъ уничтоженію, князь Трубецкой рѣшилъ покончить съ «Гамидіе», принудивъ его угрозой миннаго залпа всѣхъ своихъ двадцати аппаратовъ склониться на курсъ, ведущій къ позиціи невидимой имъ «Нерпы». Онъ обогналъ «Гамидіе», повернулъ, легъ на контръ-курсъ и пошелъ въ атаку...

«Гамидіе» склонился . . . . . .

. . . . . .

Увидѣвъ, что крейсеръ свернулъ въ ея сторону, лодка, спрятавъ перископъ, пошла навстрѣчу...

— Перископъ поднять!

Форштевень врага и разсѣкаемый имъ бурунъ несутся по курсу. Видны вспышки его выстрѣловъ... Вдали — огненные блики залповъ нашихъ миноносцевъ.

Взглядъ брошенъ. — Перископъ убрать!

Черезъ минуту новая провѣрка.

— Перископъ поднять!

Врагъ близокъ. Онъ не замѣчаетъ лодки...

— Аппараты «товьсь»!!

— Перископъ убрать!

Но въ этотъ моментъ «Гамидіе», какъ безумный, шарахнулся въ сторону, открывъ лѣвымъ бортомъ бѣглый огонь. Онъ увидѣлъ мелькнувшій въ водѣ перископъ.

— Перископъ поднять!! — крикнулъ командиръ, чтобы дать залпъ.

Увы! Въ этотъ самый рѣшительный моментъ перископъ заѣлъ . . . . . .

. . . . . .

Уже надломленный боемъ съ миноносцами «Гамидіе» не выдержалъ — онъ прекратилъ огонь и бросился на утекъ.

Для транспортовъ наступила минута развязки.

«Гебенъ» опоздалъ... Онъ уже никого не нашелъ на томъ мѣстѣ, куда звалъ его «Гамидіе»...

Угольщики... покоились на днѣ морскомъ... Наши — неслись къ Севастополю...

* *
*

Восхищенію союзнаго флота не было границъ... Его главнокомандующій телеграфно поздравилъ нашего командующаго. Англійскій король пожаловалъ князю Трубецкому и ст. лейтенанту Вилькену орденъ Бани. Государь наградилъ обоихъ Георгіевскими крестами.

* *
*

26-го апрѣля эскадра въ составѣ линейныхъ кораблей «Евстафій», «Іоаннъ Златоустъ», «Пантелеймонъ», «Три Святителя», крейсеровъ «Память Меркурія» и «Кагулъ», гидро-крейсеровъ «Александръ I» и «Николай I», 1-го и 2-го дивизіоновъ эскадренныхъ миноносцевъ и тралящаго каравана, подъ флагомъ командующаго флотомъ адмирала Эбергарда, вышла въ море.

На чистой водѣ, флотъ построился въ походный порядокъ и, имѣя крейсеръ въ дозорѣ, легъ на курсъ 222 — на Босфоръ.

Цѣль похода — бомбардировка Босфора.

На разсвѣтѣ, въ 5 час. утра, флотъ подошелъ къ Босфору. Погода ясная. Волненіе улеглось. Берегъ еще въ туманѣ.

Уменьшивъ ходъ до 8 узловъ, эскадра произвела обмѣръ глубинъ. Опредѣливъ 100-саженную глубину, флотъ приступилъ къ операціи. Крейсера пошли въ развѣдку: «Меркурій» — на остъ, «Кагулъ» — на вестъ. **Эскадра раздѣлилась:** «Пантелеймонъ» и «Три Святителя», имѣя впереди тралящій караванъ, двинулись къ Босфору. «Евстафій» и «Іоаннъ Златоустъ» остались крейсеровать на 100-саженной глубинѣ, прикрывая бом-

бардирующіе корабли. Гидро-крейсера, подъ охраной миноносцевъ, спустили гидро для воздушной развѣдки, метанія бомбъ и корректировки стрѣльбы...

Медленно, слѣдуя за тральщиками, продвигались по вражескому минному полю «Пантелеймонъ» и «Три Святителя»... Въ облакахъ исчезли гидро, взявъ направленіе на Константинополь... На 15-мильной дистанціи, на свободной водѣ «Евстафій» и «Златоустъ» охраняютъ операцію. Стерегутъ врага...

«Меркурій» пошелъ къ Кефкену занять свою позицію, въ 20 миляхъ отъ главныхъ силъ. На траверзѣ Кефкенъ-Адассы онъ повернулъ и сталъ крейсеровать взадъ и впередъ. Надъ головой пролетѣлъ нашъ гидро для расширенія развѣдки...

Со стороны Босфора донесся гулъ выстрѣловъ. Началась бомбардировка...

«Меркурій» продолжалъ свое крейсерство, когда, вдругъ, по курсу остъ-нордъ-остъ обнаружился дымъ.

Полнымъ ходомъ крейсеръ пошелъ на него.

Разстояніе сокращалось съ огромной быстротой. Внѣ всякаго сомнѣнія навстрѣчу шелъ большой быстроходный корабль.

На мостикѣ загорѣлся споръ. Одни полагали, что это «Бреслау», другіе «Гебенъ».

Крейсеръ все больше и больше отдалялся отъ своихъ...

Судовой штурманъ, старшій лейтенантъ Виноградовъ — «котъ въ сапогахъ» (такъ его звали за огромные бурковые сапоги, изъ которыхъ онъ не вылѣзалъ на походѣ), горячился, утверждая, что это «Гебенъ».

— Во всякомъ случаѣ, я считаю неблагоразумнымъ такъ отдаляться отъ нашихъ главныхъ силъ, — заявилъ онъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.

— Что ты тамъ скулишь, Федя? — отозвался старшій артиллеристъ, лейтенантъ Рыбалтовскій, тоже не отрываясь отъ своего огромнаго артиллерійскаго бинокля. — Всюду тебѣ мерещится «Гебенъ», это, навѣрное, «Бреслау».

— Испытаешь, дорогой, на своей шкурѣ, кто правъ, — огрызнулся Федя и сталъ подниматься къ главному компасу...

— Въ дальномѣръ мачты видны! — громко объявилъ сигнальный унтеръ-офицеръ Долговъ.

Штурманъ поднялся къ 18-ти футовому дальномѣру.

— Ну что, Федя, чьи мачты?

Въ дальномѣрѣ, надъ густымъ дымомъ, ясно обозначались характерные рога «Гебенской» радіо-станціи. Штурманъ хорошо ихъ зналъ, такъ какъ плавалъ вмѣстѣ съ «Гебеномъ» въ международной эскадрѣ.

— «Гебенъ»! — Ясно видны его мачты и трубы, — послѣдовалъ торжествующій отвѣтъ. — Разстояніе до него 150 кабельтовыхъ. — Надо немедленно ворочать!

Крейсеръ повернулъ. Споры затихли. Теперь было не до нихъ...

На «Евстафіи» полетѣло условное радіо. «Глаголъ NW 8027». Это означало: «Вижу «Гебенъ». Его курсъ нордъ-вестъ 80. Ходъ 27 узловъ».

Эскадра была далеко — за горизонтомъ.

Разстояніе до «Гебена» быстро сокращалось. «Меркурій» развилъ максимальный ходъ. Но разность скоростей была такова, что «Меркурій», по отношенію къ «Гебену», былъ какъ бы неподвижной точкой, къ которой «Гебенъ» приближался со скоростью въ 11 верстъ въ часъ.

Онъ все больше и больше выплывалъ изъ-за горизонта. Показались мостики. Башни. Въ дальномѣръ виднѣлся огромный бѣлый бурунъ. Его дымъ валилъ съ остервѣніемъ. Видно, онъ напрягалъ всю мощь своихъ машинъ.

Разстояніе сократилось до 106 кабельтовыхъ. Предѣльная дистанція его огня. Еще нѣсколько минутъ погони, и онъ откроетъ огонь...

Все отчетливѣе виднѣется «Гебенъ»... Каждую минуту разстояніе до него сокращается на 1 кабельтовъ. Эскадры еще не видно.

Высоко надъ головой пролетѣлъ обратно летчикъ...

«Меркурій» — весь въ бѣлыхъ клубахъ пара. Нашъ славный старикъ несется изъ послѣднихъ силъ...

Уже можно различить развѣвающійся на мачтѣ адмиральскій флагъ Сюшона. «Гебенъ» можетъ открыть огонь на пораженье. Одно удачное попаданіе, и «Меркурія» «якъ ни було».

Дальность орудій «Меркурія» всего 65 кабельтовыхъ. Если бы даже «Гебенъ» подпустилъ его на эту дистанцію, — 6-дюймовыя орудія «Меркурія» ему ни по чемъ. Крупповская 11 д. броня хорошо защищаетъ его.

Но «Гебенъ» огня еще не открываетъ.

Показалась эскадра...

* *
*

«Евстафій» и «Іоаннъ Златоустъ», въ крейсерствѣ, на свободной водѣ, продолжаютъ охранять, въ 10-мильной дистанціи, оперирующіе корабли. Къ адмиралу все время поступаютъ донесенія о ходѣ бомбардировки. Летчики по радіо корректируютъ стрѣльбу. Слышенъ гулъ канонады. Снаряды ложатся хорошо — дальше Буюкъ Дере.

Вдругъ, изъ Босфора показалось гидро. Къ эскадрѣ летѣлъ нашъ летчикъ, лейтенантъ Утгофъ. Онъ дѣлалъ дымовой сигналъ: черный — красный — черный.

«Гебенъ»!

Не видя «Гебена» въ морѣ и не имѣя еще донесенія дозорныхъ крейсеровъ, адмиралъ рѣшилъ, что «Гебенъ» выходитъ изъ Босфора. Немедленно послалъ радіоприказъ «Пантелеймону» идти на присоединеніе. Самъ пошелъ навстрѣчу ему.

Въ этотъ моментъ адмиралу подали депешу съ «Меркурія».

Вскорѣ показался онъ самъ. Увидѣли стелившійся по горизонту дымъ «Гебена»...

* *
*

Послѣ тщетныхъ розысковъ погибшихъ транспортовъ, убѣдившись въ полномъ провалѣ угольной операціи, «Гебенъ» возвращался домой, когда, вдругъ, наткнулся на «Меркурія».

Погнавшись за нимъ, онъ увидѣлъ на горизонтѣ «Евстафія» и «Іоанна Златоуста».

Вотъ случай получить блестящій реваншъ.

Русскія силы раздѣлены. Достаточно утопить одного изъ этихъ двухъ, чтобы разбить всю эскадру по частямъ.

«Гебенъ» легъ на быстрое и прямое сближеніе...

* * *

На «Евстафіи» и «Іоаннѣ Златоустѣ» пробили боевую тревогу. На мачтахъ взвились Андреевскіе флаги. Ощетинились башни...

Евстафьевскій батюшка, какъ и въ прошлый разъ, въ первомъ бою съ «Гебеномъ», облачился въ пасхальныя ризы... Всѣ помнили, какъ онъ мужественно, въ разгарѣ боя, въ дыму пожара, стоя въ Царскихъ вратахъ со Св. Дарами въ рукахъ, напутствовалъ тянувшихся къ нему израненныхъ, умиравшихъ людей...

Сколько было тогда крови, сколько страданій...

Уже послѣ боя адмиралъ обходилъ расположенный у судовой церкви перевязочный пунктъ. Докторъ въ окровавленномъ фартукѣ сопровождалъ его. Свѣтъ свѣчей у алтаря, стоны раненыхъ, трупы убитыхъ, отходная молитва священника, почернѣвшее отъ пожара помѣщеніе...

Обходя лежащіе ряды, адмиралъ склонился у изголовья своего вѣстового Родзевича. Несчастному молодому матросу раскрыло легкія. Онъ не могъ говорить. Увидѣвъ своего адмирала, нажалъ рукой легкія и только тогда смогъ вымолвить нѣсколько словъ. Адмиралъ перекрестилъ его и повѣсилъ ему Георгіевскій крестъ. Черезъ полчаса бѣдняги не стало...

Адмиральскій поваръ Хоменко, находившійся во время боя въ камбузѣ, сгорѣлъ безъ остатка. Разорвавшійся 11-дюймовый снарядъ испепелилъ его всей мощью своего взрыва въ 4.000 град. температуры. Ни кости, ни зуба, ни ногтя не осталось отъ него.

Трупъ лейтенанта Мязговскаго въ казематѣ. Ему снесло полъ-черепа. Въ уцѣлѣвшей половинѣ застрялъ бинокль.

Много тогда было раненыхъ, много убитыхъ . . .

. . . . . .

Увидѣвъ грозящую двумъ нашимъ кораблямъ опасность, лихой и отважный командиръ «Пантелеймона», капитанъ 1 ранга Каськовъ, бросивъ медленно шедшій передъ нимъ тралящій караванъ, самостоятельно пошелъ на рыручку по вражескому загражденію...

Было ровно 7 ч. 58 м. утра, когда вспыхнулъ огонь

на «Евстафіи», и по морю загудѣлъ первый двѣнадцатидюмовый выстрѣлъ пристрѣлки.

«Гебенъ» легъ на параллельный курсъ и, въ свою очередь, открылъ огонь.

Адмиралъ поднялъ сигналъ: **эскадренный ходъ шесть узловъ.**

Этотъ сигналъ, сдѣланный съ двоякой цѣлью, — ввести въ заблужденіе врага и дать время подтянуться своимъ, — сыгралъ, какъ увидимъ дальше, фатальную для «Гебена», роль, вырвавъ побѣду изъ его рукъ.

На «Евстафіи» послѣдовательно взвились сигналы:

1) Гидро-крейсерамъ подобрать аппараты.

2) Крейсерамъ охранять гидро-крейсера.

3) Миноносцамъ и тральщикамъ держаться на траверзѣ адмирала.

4) «Пантелеймону» и «Тремъ Святителямъ» вступить въ строй.

На мостикѣ «Евстафія» — командующій флотомъ, адмиралъ Эбергардъ, — начальникъ штаба, контръ-адмиралъ Плансонъ, — флагъ-капитанъ оперативной части, кап. 1 ранга Кѣтлинскій, — командиръ, и др. наблюдаютъ стрѣльбу.

Первый залпъ недолетъ... Второй — перелетъ... Третій — накрытіе...

Разомъ загрохоталъ бѣглый огонь всѣхъ башенныхъ орудій.

Дистанція была сто кабельтовыхъ (10 миль).

Первый залпъ «Гебена» легъ впереди «Евстафія» по его курсу. Врагъ ошибся по цѣлику. **Считая нашъ эскадренный ходъ въ 16 узловъ, онъ соотвѣтственно наставилъ свой автоматъ.** Онъ исправилъ цѣликъ, но, **благодаря все той же ошибкѣ на ходъ,** далъ вторымъ залпомъ недолетъ.

Вдоль лѣваго борта «Евстафія» поднялась стѣна воды. Силой вѣтра ее перенесло черезъ «Евстафій». Это ввело въ заблужденіе «Гебенъ». Силуэтъ «Евстафія» обрисовался ему на фонѣ водяныхъ столбовъ. Рѣшивъ, что залпъ далъ перелетъ, «Гебенъ» ушелъ на еще большіе недолеты.

Между тѣмъ наши залпы одинъ за другимъ давали накрытія. Ясно виднѣлись разрывы 12-дюймовыхъ

чудовищъ. Ярко вспыхивало, медленно угасая, желтое пламя взрывовъ...

Увидѣвъ вновь свои надолеты, «Гебенъ» сызнова началъ пристрѣлку, перейдя на крупные перелеты... Словно гудящій вихрь, высоко надъ головой, неслись его залпы за залпами, взрывая позади цѣлыя бездны воды...

Все ближе и ближе ложатся перелеты... Еще залпъ, другой, и накроетъ «Евстафія»...

Корабль вздрогнулъ... Все затряслось... Словно море разверзлось и рухнуло небо. Съ минуту ничего нельзя было понять. Кругомъ сплошная, обрушившаяся на корабль, гигантская, выше мачтъ, гора воды. Звонъ металла въ ушахъ. Казалось взорвано дно. Кренъ?.. Пробоина?.. Гибель!.. Но корабль среди фантастической вакханаліи стихіи воды, ея фейерверковъ и фонтановъ, продолжаетъ идти впередъ, посылая залпы за залпами. Съ матчъ, трубъ, мостиковъ, башенъ льются потоки воды. Плаваютъ сигнальныя книги. Адмиралъ и всѣ словно вынырнули со дна. Ни одной сухой нитки. Боевая рубка залита.

Залпъ «Гебена» далъ полное накрытіе. Но... ни одного прямого попаданія. Онъ разорвался кругомъ корабля. Далъ тысяча осколковъ. Одинъ снарядъ взорвался у самаго борта. Корабль тряхнуло. Казалось, разрывъ взорвалъ дно. Но «Евстафій», словно заколдованный, вышелъ изъ него. Ни единый человѣкъ не былъ даже раненъ.

Въ то же время «Гебенъ» имѣлъ уже рядъ попаданій. Между его носовой башней и форштевнемъ стоялъ густой черный дымъ. Онъ продолжалъ бой. Залпы его ложились кучно. **Но онъ, по непонятнымъ причинамъ, не выходилъ изъ своей ошибки на нашъ ходъ.** Это портило его стрѣльбу и ставило втупикъ его мостикъ.

* * *

Полнымъ ходомъ спѣшилъ «Пантелеймонъ»... Затемняя солнце, клубами валилъ дымъ изъ трехъ его трубъ.

Словно надвигающаяся гроза сверкнула въ черной тучѣ молнія. «Пантелеймонъ» далъ первый залпъ. Онъ

самостоятельно открылъ огонь, еще не вступивъ въ строй.

Третьимъ залпомъ «Пантелеймонъ» накрылъ «Гебена». Далъ сразу два попаданія.

Получивъ этотъ ударъ и видя свою незадачливость, «Гебенъ» повернулъ, легъ на удаленье и, пользуясь преимуществомъ хода, вышелъ изъ сферы огня...

Бой длился 47 минутъ...

По донесеніямъ нашихъ агентовъ «Гебенъ» получилъ серьезныя поврежденія. Онъ вошелъ въ Босфоръ, затянувъ брезентами свои раны, чтобы скрыть ихъ отъ постороннихъ глазъ. Все же парусина не могла скрыть его развороченной въ кормѣ палубы. На немъ было много раненыхъ и убитыхъ.

* * *

Верховный главнокомандующій, освѣдомившись о подробностяхъ боя у Босфора, прислалъ адмиралу Эбергарду слѣдующую депешу:

«Выражаю вамъ и доблестному Черноморскому флоту мою сердечную благодарность. Надѣюсь, что, съ Божьей помощью, доведете дѣло до конца.

Генералъ-адъютантъ Николай».

Встрѣча.

Сентябрь 1915 года.

Эскадренные миноносцы «Счастливый» (флагъ начальника минной бригады, контръ-адмирала М. П. Саблина), «Дерзкій» и «Гнѣвный», скрытые ночной темнотой, подошли къ непріятельскому берегу. Востокъ едва загорался...

Это былъ лучшій моментъ для внезапнаго нападенія на вражескій каботажъ, питавшій и снабжавшій собой турецкую армію. Наученный горькимъ опытомъ, врагъ прерывалъ къ этому времени свои грузовые рейсы, спѣша укрыться, на день, въ близлежащіе бухточки и заливы, подъ защиту береговыхъ батарей. Только на ночь суда рѣшались выползать изъ своихъ щелей и съ великимъ рискомъ и трудомъ продолжать путь до новой зари. Для пароходовъ такого рода маневры не пред-

ставляли особаго затрудненія. Капитанъ всегда могъ такъ разсчитать свои курсы и ходъ, чтобы къ нужному моменту подойти къ той или иной бухтѣ и скрыться въ ней. Для парусниковъ это было куда сложнѣе. Находясь зачастую въ полной власти стихіи, они не успѣвали во-время укрыться, и не мало сотенъ ихъ и даже тысячъ попалось въ наши руки.

* *
*

Миноносцы подошли къ Анатоліи. Пробили боевую тревогу. Дивизіонъ повернулъ вдоль берега, скрываясь подъ нимъ. Бинокли и подзорныя трубы съ удвоенной энергіей зарыскали по горизонту и волнамъ. Не обнаружится ли гдѣ дымъ, парусъ или перископъ? Въ эту эпоху на Черномъ морѣ бродило 5 германскихъ подводныхъ лодокъ, и нужно было «держать ухо востро». Поэтому весь экипажъ, для лучшаго наблюденія, былъ разбитъ по секторамъ отъ такого-то градуса до такого, и сотни глазъ непряженно наблюдали все водное пространство кругомъ. Каждая щепка, каждая точка на водѣ, даже сидящая чайка брались подъ подозрѣніе, ибо врагъ пускался на всякія хитрости и маскировки. На этотъ счетъ нѣмцы были большіе мастера.

Несмотря на весь рискъ и всю опасность крейерства у вражескихъ береговъ, это крейерство, особенно въ ранній утренній часъ, представляло собой огромное наслажденіе. Какъ то молодо и весело становилось на душѣ. Бодрящій утренній холодокъ, заставляющій ежиться и подбирать мускулы, свѣжій колющій вѣтеръ, чарующая панорама солнечнаго восхода и смѣны красокъ моря и неба, несущіеся мимо, въ синеватой дымкѣ, ущелья, горы, скалы, лѣса, бухты и долины, дивный утренній ароматъ земли и эта опасность, эта напряженность ожиданія встрѣчъ, — все это взбадривало, возбуждало, подзадоривало. Въ этомъ чувствѣ сливался весь экипажъ, отъ молодого 22-лѣтняго матроса до убѣленнаго сѣдинами адмирала.

* *
*

...Три миноносца несутся все дальше вдоль берега. Вдругъ, головной рѣзко кладетъ рули и сворачиваетъ

влѣво. Слѣдуя въ кильватеръ ему, «Дерзкій» и «Гнѣвный» описываютъ дугу. «Счастливый» направляется въ бухту. Что-то замѣтили въ ней... Бинокли направляются туда. Забывъ про свои сектора, любопытствующіе головы устремляются туда же.

— Вниманіе! Наблюдать за секторами!..

Уменьшивъ ходъ, миноносцы гуськомъ входятъ въ маленькую узкую бухту. Не только дивизіону, но и миноносцу не развернуться въ ней. Орудія заряжены и на «товсь»...

Караванъ изъ тридцати груженыхъ шхунъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, притаился за скалой. Подъ раскинутыми на палубахъ шатрами мирно спятъ банабаки. Кругомъ мертвая тишина и покой.

Миноносцы застопорили машины. Медленно, по инерціи, движутся впередъ. Лотовые бросаютъ лотъ для опредѣленія глубинъ.

На караванѣ — ни звука. Считая себя въ хорошемъ убѣжищѣ, заснули всѣ. Спитъ и берегъ, не выставивъ часовыхъ.

— Открыть огонь!

Грознымъ эхомъ заговорили горы и ущелья. Дымъ, пожаръ, смятенье, крики...

Разбуженные залпами, сонные люди, какъ безумные, выскакивали изъ своихъ шатровъ и бросались въ воду, не зная, гдѣ искать спасенья. Караванъ горѣлъ и трещалъ. Тонущія и горящія, оторвавшіяся другъ отъ друга шхуны забили всю бухту, растыкавшись по ней, какъ пылающіе островки. Разбитыя въ щепы, онѣ тутъ же тонули или превращались въ безформенныя, объятыя дымомъ и огнемъ массы обуглившихся бревенъ, досокъ и сломанныхъ мачтъ...

Заднимъ ходомъ, другъ за дружкой, миноносцы осторожно вышли изъ бухты, обрызгавъ изъ пулеметовъ пробудившійся берегъ, открывшій по нимъ запоздалый орудійный огонь.

* *
*

Такъ въ безпрерывныхъ поискахъ врага и въ уничтоженіи его каботажа наступило 9-е сентября. Еще пробѣгъ до Босфора, и — домой...

Миноносцы шли направленіемъ къ Зунгулдаку,

когда прямо по носу, на горизонтѣ, въ ранней утренней мглѣ обозначились какія-то неясныя точки.

Пошли къ нимъ.

Оказался новый караванъ, на всѣхъ парусахъ мчавшійся къ берегу.

Миноносцы бросились между берегомъ и нимъ.

Видя, что пѣсня его спѣта, караванъ спустилъ паруса. Зорко оглядываясь кругомъ, нѣтъ ли гдѣ перископа, дивизіонъ приблизился. На палубѣ головной, самой большой шхуны, у носа, сгрудился народъ. Въ высоко поднятыхъ рукахъ люди держали какой-то предметъ.

— Ваше Превосходительство! Икона! — раздался съ марса голосъ сигнальщика.

Напуганные нарочитыми разсказами о звѣрствѣ русскихъ, турки спеціально запаслись иконой, на случай встрѣчи съ нашими миноносцами. Наслышавшись о религіозности русскихъ, они надѣялись, что икона спасетъ ихъ.

Забравъ къ себѣ всѣхъ людей и потопивъ шхуны, дивизіонъ пошелъ дальше, къ мысу Кефкенъ.

Погода стояла ясная, солнечная. Дулъ свѣжій вестъ. По морю гуляли барашки...

Близился полдень. На «Счастливомъ» подняли сигналъ: «Команда имѣетъ время обѣдать». Всѣ, кромѣ вахтенныхъ и дежурныхъ, бросились внизъ. Адмиралъ, командиръ и вахтенный начальникъ остались на мостикѣ. Тѣсная каютъ-компанія быстро наполнилась. Задвигались стулья. Оживленно потирая руки, офицеры сгрудились за столомъ. Вѣстовые внесли пузатую, бѣлую съ синимъ ободкомъ и якоремъ миску. Изъ отверстія крыши струился паръ. Вкусно запахло борщемъ. Заработали ложки. Слышалось только:

— Вѣстовые, хлѣба! Налей-ка еще!

Въ морѣ, особенно когда свѣжо, аппетитъ серьезенъ, не любитъ болтовни.

Вдругъ, рѣзкій звонокъ заставилъ всѣхъ вскочить. Тревога!

Схвативъ фуражку и бросивъ недоѣденный борщъ, офицеры стремглавъ выбѣжали наверхъ.

На горизонтѣ виднѣлся дымъ.

Пароходъ!

Адмиралъ, на полъ-мостика разставивъ свои длинныя ноги, смотрѣлъ въ бинокль. Въ подзорныя трубы сигнальщики силились разсмотрѣть силуэтъ.

— Поднять «буки»! — приказалъ адмиралъ.

— Есть поднять «буки»! — бросились къ флагамъ сигнальщики, и флажокъ «больше ходъ» — взвился на нокѣ. Миноносцы тотчасъ же отрепетовали его.

Давъ 28 узловъ, дивизіонъ рванулся на дымъ...

Дувшій навстрѣчу вѣтеръ застилалъ дымомъ пароходъ. За его тучей невозможно было разобрать силуэтъ.

Разсѣкая барашки, миноносцы неслись во весь духъ. Фонтанъ брызгъ соленымъ дождемъ обдавалъ мостики и людей.

Несмотря на большой ходъ, разстояніе медленно сокращалось. Это удивило экипажъ.

Адмиралъ приказалъ послать мичмана на марсъ.

— Быть можетъ, оттуда разберетъ, что это за птица...

Нахлобучивъ фуражку, мичманъ мгновенно забрался на марсъ. Рѣзкій вѣтеръ слезилъ глаза. Мичманъ приставилъ бинокль. Обозначилась черная туча... Онъ нѣсколько сдвинулъ оккуляры и снова впился. Вѣтеръ хлесталъ по лицу. Рѣзалъ глаза и уши... Вдругъ, въ слабомъ просвѣтѣ дыма, мелькнулъ силуэтъ. Мичманъ поймалъ его, но не повѣрилъ себѣ. Быстро смахнулъ слезу, дохнулъ на стекла, вытеръ платкомъ и снова взглянулъ. Не можетъ быть!.. Онъ перемѣнилъ положеніе рукъ, усилилъ фокусъ зрѣнія, больше разставилъ локти и, крѣпко забравъ бинокль, еще разъ напряженно впился... Сомнѣній не было.

— «Гебенъ»!!! — во всю глотку крикнулъ онъ.

Мостикъ услышалъ.

— Что онъ тамъ кричитъ? — спросилъ адмиралъ.

— «Гебенъ»! Ваше Превосходительство.

— Какой тамъ «Гебенъ»?! Всюду мерещится «Гебенъ» — сердито махнулъ рукой адмиралъ и зашагалъ по мостику.

— Вѣроятно, «Генералъ» [1]).

— Имѣть 30 узловъ хода! — послѣдовалъ приказъ.

Миноносцы поддали жару...

Медленно, но все болѣе и болѣе сокращалось раз-

[1]) Германскій военный транспортъ.

стояніе. Густой дымъ попрежнему застилалъ врага. Вѣтеръ еще больше рѣзалъ и слезилъ глаза. На этомъ ходу ничего болѣе нельзя было разобрать въ этой черной гущѣ...

Дивизіонъ несся во-всю. Корма совсѣмъ ушла въ воду. Огромный пѣнистый валъ мчался за ней. Остановись, вдругъ, миноносецъ, и этотъ валъ захлестнулъ бы его...

Когда разстояніе сократилось до дистанціи выстрѣла, адмиралъ приказалъ открыть огонь.

Бабахнула носовая.

Вправо отъ дыма метнулся бѣлый фонтанъ.

Снова бабахъ. Снова фонтанъ, но уже ближе.

Изъ дымной тучи выплылъ... могучій силуэтъ. «Гебенъ»!!!

Дистанція до него была 60—70 кабельтовыхъ. Дальность же его орудій превышала сто...

Ясно — миноносцы «влипли».

Сверкнули молніи. «Гебенъ» далъ залпъ...

— Разсыпаться вѣеромъ! — приказалъ адмиралъ, чтобы затруднить пристрѣлку.

Миноносцы, повернувъ, бросились въ разнотыкъ...

Залпы за залпами ложились кругомъ. Среди скачущихъ водяныхъ гигантовъ бѣшено неслись три миноносца. Но «Гебенъ» не отставалъ. Его ходъ былъ 27 узловъ. Максимальный миноносцевъ — 34. На бѣду «Гнѣвный» получилъ поврежденіе, и его ходъ упалъ до 29. Чтобы не бросать товарища, адмиралъ приказалъ остальнымъ уменьшить ходъ. Эта ничтожная разница въ 1½ узла лишила миноносцы возможности быстро выйти изъ сферы огня.

«Гебенъ» продолжалъ ураганный огонь. Море дико плясало кругомъ. Каскады воды, отъ разрывовъ снарядовъ, окатывали людей. Стальной дождь осколковъ осыпалъ миноносцы.

«Гебенъ» все не отставалъ. Онъ шелъ полнымъ ходомъ, Ніагарой вздымая огромный бѣлый бурунъ. Охваченный огненнымъ кольцомъ, онъ слалъ залпы за залпами.

Вдругъ, водяной столбъ поднялся надъ «Счастливымъ».

— Готово!.. Одинъ есть! — мелькнуло въ мозгу.

Но миноносецъ вырвался изъ столба. Онъ хлестнулъ по палубѣ. Все засвистало, задрожало и зажужжало кругомъ...

Снарядъ разорвался подъ самой кормой. Вышибло заклепки. Смяло бортъ. Образовалась течь. На волосокъ дальше и миноносецъ бы погибъ.

Адмиралъ поднялъ сигналъ: — «Въ случаѣ выбытія изъ строя одного, съ двумя другими иду въ атаку».

Погибнемъ всѣ или никто — означалъ сигналъ.

Бѣшеная скачка продолжалась.

Гремѣли залпы.

Миноносцы отвѣчали своими 100 м/м. кормовыми орудіями. Для «Гебена» это были дѣтскіе мячики. Но это бодрило людей. Занятые стрѣльбой, они не замѣчали смерти, заглядывавшей имъ въ глаза.

За нихъ въ эти глаза смотрѣлъ адмиралъ. Скрестивъ руки, стоялъ онъ на мостикѣ, готовый привести въ исполненіе свой сигналъ...

Солнце медленно склонялось къ горизонту.

Уже 3 часа продолжалась погоня. «Гебенъ» прекратилъ огонь. Полагая, что обсыпанные его залпами, миноносцы имѣютъ поврежденія и не смогутъ долго выдержать этотъ бѣшеный ходъ, онъ выжидалъ, когда кто-нибудь изъ нихъ сдастъ и станетъ его жертвой.

Адмиралъ поглядывалъ то на часы, то на врага. Если «Гебенъ», въ пылу погони, зарвется до сумерекъ, будетъ другая игра. Настанетъ его чередъ. Вѣдь вся сила миноносцевъ — въ темнотѣ.

Но, увы! Едва огненный дискъ коснулся моря, и на потемнѣвшемъ востокѣ зажглась первая звѣзда, «Гебенъ» рѣзко свернулъ и полнымъ ходомъ пошелъ прочь. Поврежденія «Счастливаго» и «Гнѣвнаго» не позволяли преслѣдовать врага.

Миноносцы легли на Севастополь...

* * *

Невѣдомыми путями городъ узналъ о происшедшемъ. Тревожный слухъ о гибели всѣхъ трехъ миноносцевъ охватилъ его. Семьи, родные, друзья осаждали штабъ. Никакія завѣренія о вздорности слуха не помогали. Толпа не расходилась. Ждали у моря.

Наконецъ, на горизонтѣ показались дымки. Все ближе и ближе. Люди боялись вѣрить глазамъ.

Три стройныхъ силуэта приближались къ Севастополю...

Необходимое разъясненіе.

У многихъ читателей — не моряковъ, не знакомыхъ, поэтому, съ вопросами морской тактики, можетъ естественно возникнуть мысль — почему же адмиралъ Саблинъ, имѣя въ своемъ распоряженіи дивизіонъ изъ трехъ новѣйшихъ, лучшихъ въ мірѣ, эскадренныхъ миноносцевъ съ тридцатью минными аппаратами (по десяти на каждомъ) и съ ходомъ въ 34 узла, равнымъ быстротѣ экспресса, не бросился въ атаку на «Гебена», а, наоборотъ, приказалъ дивизіону разсыпаться вѣеромъ, — даю тутъ же разъясненіе, дабы недостойная памяти адмирала М. П. Саблина мысль не могла, хотя бы невольно, закрасться въ голову несвѣдущаго въ морскихъ дѣлахъ читателя.

Основное положеніе морской тактики — опытъ минувшихъ войнъ это вполнѣ подтвердилъ: **дневная минная атака, при современномъ развитіи артиллеріи, неосуществима, какъ таковая.** Она допустима только, какъ маневръ, съ цѣлью принудить непріятеля измѣнить свой курсъ. Только съ этой цѣлью, въ борьбѣ двухъ эскадръ или отдѣльныхъ кораблей, могутъ быть пущены въ дѣло миноносцы, какъ вспомогательное оружіе, скорѣе психологическаго значенія.

Допустимъ на минуту, что адмиралъ Саблинъ, несмотря на весь свой колоссальный опытъ — онъ почти всю жизнь проплавалъ на миноносцахъ — и знаніе морского дѣла, пренебрегъ бы указаніями тактики и рискнулъ атакой. Мы сейчасъ увидимъ, какой получился бы результатъ.

Въ моментъ, когда враги распознали другъ друга, разстояніе между ними было 70 кабельтовыхъ (1 каб. — 100 саж.) Дальность орудій «Гебена», какъ я указалъ, превышала 100. Слѣдовательно, миноносцы уже находились въ сферѣ его огня.

Дальность миннаго залпа, для этихъ миноносцевъ,

равна 28 кабельтовымъ. Чтобы достигнуть этой дистанціи, дивизіонъ долженъ былъ пройти, подъ огнемъ «Гебена», разстояніе, равное 42 кабельтовымъ.

Чтобы проскочить это разстояніе, несясь максимальнымъ ходомъ въ 34 узла, понадобилось бы 7 минутъ. Допустимъ, что «Гебенъ», въ первый моментъ, растерялся отъ неожиданности и на свой поворотъ потратилъ двѣ минуты (это слишкомъ много, но я беру все въ наивыгоднѣйшую для насъ сторону). Вычтемъ эти двѣ минуты изъ семи минутъ пробѣга. Мы получимъ пять минутъ, въ теченіе которыхъ атакующіе миноносцы находились бы подъ дѣйствительнымъ ураганнымъ огнемъ дредноута. Только черезъ 5 минутъ они достигли бы нужной дистанціи и дали бы минный залпъ.

За эти пять минутъ «Гебенъ» успѣлъ бы сдѣлать 10 залповъ изъ своихъ башенныхъ 11 д. орудій, т. е. выпустилъ бы 100 снарядовъ. Кромѣ того, его 6 д. батарея, давая залпы за залпами, по 60-ти выстрѣловъ въ минуту, за пять минутъ выбросили бы 300 снарядовъ.

Итого, за эти пять минутъ «Гебенъ» выпустилъ бы 400 снарядовъ крупнаго калибра, не считая снарядовъ болѣе мелкой артиллеріи. **Дивизіонъ былъ бы уничтоженъ раньше, чѣмъ успѣлъ бы дать минный залпъ.**

Для большей наглядности и простоты, я построилъ вышеприведенный разсчетъ на томъ немыслимомъ въ дѣйствительности предположеніи, что «Гебенъ», такъ сказать, застылъ въ своей поворотной точкѣ и допустилъ миноносцы занять позицію для атаки, возможной только съ носа. Въ дѣйствительности, однимъ поворотомъ руля онъ легъ бы на удаленіе и, взявъ миноносцы на кормовой курсовой уголъ огня, разстрѣлялъ бы ихъ, какъ на ученьи.

Первое проникновеніе въ Босфоръ.

Ровно въ 2 часа пополудни десятаго декабря 1915 года подводная лодка «Тюлень», подъ командой старшаго лейтенанта Китицына, отдавъ швартовы, отошла отъ базы...

На рейдѣ, для производства дифферентовки, застопорили машины.

— Приготовиться къ погруженію!

Убрали поручни, задраили канцевые люки, провѣрили исправность автоматическихъ клапановъ-«хлопушекъ» и начали дифферентовку. Сперва заполнили концевыя балластныя систерны, затѣмъ среднюю. Когда дифферентъ сталъ равенъ нулю, всплыли и направились къ выходу за боны...

Стояла холодная, непривѣтливая погода, при остовомъ вѣтрѣ. Мрачное небо, мрачное море. Вахта — въ зимней, кожаной одеждѣ, въ высокихъ, по самый поясъ, бурковыхъ сапогахъ, въ штормовыхъ шапкахъ — зюйдъ-весткахъ...

Курсъ проложили прямо къ мѣсту пловучаго Босфорскаго маяка. Ходъ 10 узловъ. Астрономическихъ наблюденій не дѣлали, мѣшала сильная пасмурность.

11-го къ вечеру вѣтеръ затихъ, но осталась зыбь.

12-го съ разсвѣтомъ подошли къ непріятельскимъ берегамъ. Характерный для Босфора низовой туманъ. Видны только верхушки горъ: сѣдло Двухъ Братьевъ, да хребетъ Исполина. Только по взаимному расположенію этихъ высотъ и можно было оріентироваться и найти вѣрный путь къ Босфору; иначе легко попасть въ ложный Босфоръ и либо вылетѣть на камни, либо взорваться на поставленныхъ загражденіяхъ. Опредѣлившись по высотамъ, обнаружили, что лодку снесло на 20 миль къ западу. Исправивъ курсъ, подошли къ Босфору и погрузились. Было 11 часовъ утра.

Въ теченіе 6 сутокъ въ туманѣ, какъ въ молокѣ, «мутузулили» море, но рѣшительно никого и ничего не видѣли. Такъ продолжалось до 17-го, когда туманъ спалъ, и около 5 часовъ пополудни замѣтили выходящій изъ Босфора пароходъ. Но увы! атаковать его не было никакой возможности. Пароходъ шелъ вдоль Анатолійскаго берега, а лодка находилась по ту сторону пролива у Румелійскаго. Къ тому же пароходъ шелъ большимъ ходомъ и не было времени забѣжать на его курсъ и занять позицію. Но наблюденіе за маневрированіемъ парохода дало важное открытіе — обнаружилось, что онъ шелъ изъ Босфора по опредѣленному фарватеру, обозначенному створомъ двухъ пятенъ, одно — на горѣ, другого — на берегу, у самой воды. Видимо, это были секретные знаки для безопаснаго входа въ

Босфоръ и выхода изъ него. Сейчасъ же установили ихъ направленіе. Оно оказалось нордъ-остъ, зюйдъ-вестъ 70 град.

Стемнѣло... Обрадованные этимъ цѣннымъ открытіемъ, отошли въ море, на зарядку. Китицынъ рѣшилъ на слѣдующее же утро проникнуть въ самый Босфоръ...

Отойдя на двѣ мили отъ берега, всплыли. Открыли люки. Весь экипажъ потянулся наверхъ подышать и покурить. Послѣ 12-ти часового безпрерывнаго пребыванія подъ водой необходимо было провѣрить лодку. Курили осторожно въ кулаки, спрятавшись за рубку, чтобы съ берега не увидѣли огоньковъ.

Ночной ароматъ земли, живительный воздухъ моря въ первую минуту дурманили...

На утро, еще съ темнотой, подошли къ горлу Босфора. Далеко на востокѣ блеснулъ первый проблескъ зари... Погрузились.

Погода благопріятная. Вѣтеръ изъ Босфора. На встрѣчу бѣгутъ «барашки», скрывая перископъ... По сторонамъ темнѣютъ скалистые берега со скрытыми въ нихъ фортами и батареями...

И жутко, и хорошо...

Но вотъ и линія фенаровъ (маяковъ). Лодка осторожно продвигается впередъ... По временамъ чуть-чуть высосывается перископъ, бросая молніеносные взоры... Въ сознаніи серьезности и опасности впервые испробываемаго предпріятія всѣ безмолвно застыли на своихъ мѣстахъ... Въ лодкѣ мертвая тишина... Ждутъ одного — команды командира. Еще никто не проникалъ сюда... Путь полный неизвѣстности... Вдругъ, попадешь въ сѣть или какую-нибудь иную выдуманную нѣмцами западню...

Но пока все идетъ гладко и хорошо.

Все глубже проникаетъ лодка...

Китицынъ поставилъ себѣ задачей произвести подробную рекогносцировку пролива и уничтожить все, что возможно будетъ уничтожить. Къ сожалѣнію, разсчеты показали, что дойти до самаго Рога нельзя. Дѣло въ томъ, что съ имѣемыми аккумуляторными батареями невозможно было сдѣлать подъ водой 32 мили туда-обратно въ самомъ Босфорѣ, да плюсъ 18 миль туда-обратно къ свободному морю. Слѣдовательно, всего

50 миль. Заказанныя на германскихъ заводахъ батареи Тюдоръ не успѣли прійти изъ-за войны, и поставленныя вмѣсто нихъ батареи Рижскаго завода обладали вдвое меньшей емкостью и на такую операцію разсчитаны не были.

Китицынъ отъ досады себѣ локти кусалъ, но...

Никѣмъ не замѣчаемый «Тюлень» отважно двигался впередъ, слѣдуя тому маневрированію, которое продѣлалъ вчерашній пароходъ...

Показался парусъ...

Совсѣмъ близехонько прошелъ «трамбонъ». У руля — старый турокъ мирно раскуриваетъ трубку. Не замѣчаетъ старикъ, не чувствуетъ слѣдившихъ за нимъ изъ воды пары зоркихъ глазъ...

— Что?! — Не посадить ли его на перископъ?!

Но, вдругъ, въ клубахъ мглы, изъ самой глубины, выплылъ силуэтъ.

— Тревога!!

— Приготовится къ атакѣ!

— Носовые аппараты и четыре Джевецкаго товсь!

Перископъ установился на силуэтъ...

— Какъ вы думаете, Николай Сергѣевичъ, кто бы это могъ быть? Атаковать развѣ его? — обратился командиръ къ старшему офицеру.

— Подождемъ, Михаилъ Александровичъ. — Посмотримъ, что это за птица. Стоитъ ли его атаковать...

— Ба! Да никакъ канонерка...

Дѣйствительно, вскорѣ обнаружилось, что это — канонерка. Она, видимо, несла внутреннюю охрану Босфора по линіи Коваковъ.

Китицынъ рѣшилъ атаковать ее. Пошелъ на сближеніе... Разстояніе до нея было еще изрядным.

Замѣтили, что канонерка все время ходитъ взадъ и впередъ отъ Европейскаго берега къ Азіатскому и обратно.

Не желая тратить на нее половины своихъ минъ — мало ли какія впереди могутъ быть встрѣчи — командиръ приказалъ изготовить для атаки только два трубчатыхъ аппарата съ англійскими минами.

Оставаясь попрежнему незамѣчаемымъ ни канонеркой, ни батареями, нахально высунувъ перископъ пошелъ на позицію, придерживаясь, для свободы маневрированія, середины Босфора.

Канонерка, дойдя до Азіатскаго берега, положила руля и стала описывать циркуляцію... Въ этотъ моментъ она сблизилась съ лодкой на 4-5 кабельтовъ. По ея мостику расхаживалъ командиръ. Стояли сигнальщики. Одинъ смотрѣлъ въ бинокль по направленію лодки...

— Аппараты товсь!

Лихорадочная тишина. Всѣ на своихъ постахъ... Ждутъ послѣдней команды...

— Правая пли!!

— Лѣвая пли!!

Лодка вздрогнула... 5, 10, 15 секундъ.

Вдругъ, глухой взрывъ потрясъ корпусъ.

Всѣ недоумѣнно переглянулись...

— Чортъ возьми этихъ англичанъ! — Вѣроятно, ихъ проклятыя мины съ полъ-пути устремились на дно и ударились о камни, — послышался негодующій голось командира. Но не успѣлъ онъ смолкнуть, какъ слухъ уловилъ новые глухіе взрывы, приближавшіеся съ разныхъ сторонъ. И, вдругъ, ттрр... словно желѣзный горохъ прокатилось по палубѣ.

— Батареи открыли огонь!

— Лѣво на бортъ!

— Глубина 40 футъ!

На глубинѣ развернулись на обратный курсъ. Черезъ нѣсколько минутъ — глубина 22 фута! Всплыли... Высунули перископъ... Батареи замолкли.

Китицынъ снова повернулъ вглубь Босфора и, слегка высосывая перископъ, снова пошелъ впередъ.

Опять увидѣли канонерку.

На этотъ разъ она была — все вниманіе. Сразу замѣтила перископъ и бросилась въ атаку, съ цѣлью протаранить лодку. Но Китицынъ мгновенно спряталъ перископъ, сдѣлалъ поворотъ и снова высунулъ его. Канонерка шарахнулась въ сторону. Вѣроятно, сочла, что лодка на позиціи. Черезъ секунду опомнилась, повернула и снова бросилась въ атаку. Китицынъ продѣлалъ тотъ же маневръ. Канонерка отпрянула. Эта «игра» продолжалась нѣсколько минутъ. Взаимными маневрированіями лодка пыталась выйти на позицію и атаковать канонерку, та же — протаранить лодку. Батареи открыли огонь...

Въ встревоженномъ Босфорѣ дѣлать было нечего. Нужно было уходить...

Въ 4 часа пополудни «Тюлень» вышелъ на свободную воду.

Въ сѣверной части горизонта показался густой дымъ. Всѣ оживились. Приближался большой военный корабль... Реваншъ за канонерку!...

«Тюлень» пошелъ на позицію...

— Но, какъ «онъ», подлецъ, проскочилъ! — Сколько дней тутъ «мутузулимъ» и не замѣтили, когда онъ вышелъ изъ Босфора.

— Вѣроятно, въ туманѣ проскочилъ...

Схожденіе было великолѣпнымъ. Корабль не мѣнялъ курса. Шелъ прямо на лодку.

— Боевая тревога!!

— Аппараты товсь!

Съ высшимъ напряженіемъ воли и нервовъ Китицынъ впился въ перископъ...

Трехтрубный крейсеръ идетъ прямо на него... Вѣроятно, «Гамидка»... Еще секунда и гибель его неминуема.

— Правая...

— Оставить!!! Нашъ! Русскій! «Кагулъ»!

Еще полсекунды — одно слово «пли» — и «Кагулъ» взлетѣлъ бы на воздухъ. Развернувшійся вѣтромъ Андреевскій флагъ и обнаруженные грибовидные вентиляторы спасли его...

Даже потъ прошибъ Китицына. Сорвавъ фуражку, онъ съ яростью хватилъ ею о палубу...

Дѣло съ „Дубровникомъ“ [1]).

Въ 2 ч. полудни, 14 марта 1916 года, мы на «Тюленѣ» вышли въ море, въ подводную блокаду у Босфора. Обычно районъ подводной блокады обнималъ пространство въ 50 миль ширины, между меридіанами Карабурну Румелійскаго и Амастро.

Произведя провѣрочное погруженіе и дифферентовку и захвативъ, на всякій случай, провизіи и топли-

[1]) Разсказъ капитана 2 ранга Н. С. Чирикова — бывшаго старшаго офицера подв. лодки «Тюлень».

ва на 20 сутокъ, — мы покинули рейдъ. Погода хорошая. . Выйдя на чистую воду, взяли курсъ прямо на Босфоръ. Непріятельскіе берега оказались въ туманѣ. Вдоль горъ стелился низовой туманъ. Видны были только высоты. Съ трудомъ опредѣлившись по нимъ, стали на подводный якорь въ 6-ти миляхъ на нордъ отъ Румелійскаго маяка. Въ туманѣ дѣлать нечего. Надо имѣть въ виду, что съ подводной лодки, обладающей малой видимостью горизонта, опредѣлиться въ условіяхъ низового тумана крайне затруднительно, и въ оріентировкѣ нужна большая опытность и осторожность, ибо въ 15 миляхъ къ норду отъ настоящаго Босфора находится, такъ называемый, ложный Босфоръ, очертанія горъ котораго схожи съ настоящимъ. Ихъ легко спутать и вмѣсто настоящаго попасть на подводныя скалы ложнаго. Лоція учитъ, что за десятилѣтіе 500 крушеній было здѣсь именно изъ-за этой ошибки.

На четвертыя сутки туманъ разсѣялся, и мы, погрузившись, въ 5 час. утра пошли отъ Румелійскаго берега къ Анатолійскому въ разсчетѣ, что груженные углемъ пароходы, выходящіе изъ Зунгулдака съ темнотой, не успѣютъ до разсвѣта войти въ Босфоръ, и нѣкоторый промежутокъ времени послѣ разсвѣта будетъ въ нашемъ распоряженіи, чтобы атаковать ихъ.

Около 7 час. утра пересѣкли Босфоръ. Вдали, въ 25-ти кабельтовыхъ блеснула его лента. Ни дымка, ни пятнышка...

Командиръ рѣшилъ крейсировать вдоль берега, по линіи Остъ-Вестъ, въ 1½ миляхъ отъ берега. Положеніе на лодкѣ было ном. 2: полуотдыхъ, полубоевая готовность. Въ рубкѣ вахтенный начальникъ; остальные внизу, за стаканомъ чая или очередной партіей въ трикъ-тракъ. Кругомъ тихо. Слышно бульканье пузырей вдоль борта, да, изрѣдка, поетъ рулевой моторъ, когда лодка ложится на обратный курсъ.

Командиръ рѣшилъ быть въ этой позиціи до 9 утра и, если къ этому времени ничего не обнаружится, идти вглубь моря для зарядки батарей (для чего нужно всплыть), чтобы дать командѣ повялиться на солнцѣ. Къ вечеру же вновь вернуться на позицію, чтобы подстерегать того, кто съ темнотой будетъ выходить изъ Босфора.

Но, увы! наступило 9 часовъ, а горизонтъ чистъ, какъ стеклышко.

— Экая досада! четвертыя сутки болтаемся зря.

Въ рубку поднялся командиръ.

— Ну что, ничего нѣтъ новаго? — Гдѣ наше мѣсто?

Командиръ взялся за перископъ.

— Лѣво руля!

— Есть лѣво руля! — отвѣтилъ рулевой.

Лодка покатилась.

— Такъ держать!..

Вдругъ выраженіе нижней части лица смотрѣвшаго въ перископъ командира измѣнилось. Мы насторожились.

— Посмотрите — обратился ко мнѣ командиръ.

Въ перископъ я увидѣлъ показавшійся отъ мыса Шили большой клубъ дыма.

Общее настроеніе сразу измѣнилось. Въ глазахъ заблестѣла надежда. Всѣ выскочили на свои мѣста.

Мы пошли навстрѣчу дыма, для выясненія его курса и скорости.

Черезъ ¼ часа увидѣли въ перископъ нѣсколько мачтъ и трубъ. Курсъ ихъ былъ прямо на насъ.

Еще нѣсколько мгновеній, и ясно обозначился двухтрубный и 2-мачтовый миноносецъ типа «Ягіаръ-Милетъ», конвоирующій океанскій пароходъ, въ полномъ грузу. Миноносецъ шелъ большимъ ходомъ, кружась вокругъ парохода для охраны его отъ нашихъ подводныхъ лодокъ.

Рѣшено было сперва атаковать пароходъ, а потомъ миноносецъ. Разсчетъ былъ тотъ, что пароходъ давалъ лучшую цѣль, и если онъ будетъ подорванъ, миноносецъ, вѣроятно, сразу не оставитъ его. Тогда настанетъ его очередь.

Опредѣливъ курсъ врага, мы заняли позицію противъ мыса Галарабурну, въ 1 милѣ отъ берега, какъ разъ по его пути.

Въ 10,45, — боевая тревога.

— Атака съ носа! Шесть аппаратовъ, товсь!

Съ напряженіемъ ждемъ. Мертвая тишина. Гудятъ моторы. Засученные рукава и напряженные мускулы на рычагахъ. Экипажъ, какъ слѣпой, онъ ничего не видитъ. Онъ только повинуется. Видитъ одинъ командиръ.

Онъ въ боевой рубкѣ у перископа. Рядомъ съ нимъ старшій офицеръ — у управленія. Тутъ же минно-машинный кондукторъ на манипуляторахъ систернъ, минный машинистъ на рычагахъ минной стрѣльбы и рулевой на вертикальномъ рулѣ.

Командиръ смотритъ въ перископъ.

Разстояніе сблизилось... Наступаетъ моментъ атаки...

— Перископъ убрать!

Мы идемъ по секундомѣру и точному курсу...

Черезъ 2 минуты — перископъ поднятъ!

Взглядъ брошенъ. Все въ порядкѣ. Врагъ не измѣнилъ курса.

— Перископъ убрать!

Черезъ двѣ минуты снова провѣрка, снова — перископъ поднять!

Вдругъ, черты лица командира исказились, голова отпрянула отъ перископа.

— Глубина 60 футъ! Электромоторы — полный ходъ! — громовымъ голосомъ скомандовалъ онъ.

— Есть, глубина 60 футъ! — послышался отвѣтъ.

— Миноносецъ прямо на насъ, его бурунъ у перископа — успѣлъ шепнуть мнѣ командиръ.

Загудѣли моторы. Лодка быстро пошла на погруженіе.

Въ тотъ же моментъ весь экипажъ услышалъ быстро приближающійся шумъ и гудѣніе турбинъ миноносца. Онъ понялъ.

Носъ уже шелъ внизъ, но корма была еще на малой глубинѣ. Лодка шла на погруженіе съ дифферентомъ въ 7 град. У всѣхъ была одна мысль — задѣнетъ ли корму. Взоры вперились въ глубомѣръ.

24, 26, 28, 30...

Въ этотъ мигъ миноносецъ пронесся надъ самой кормой, не задѣвъ ея. Еще страшный моментъ — взрывъ противолодочныхъ бомбъ. Но и его не послѣдовало. Шумъ миноносца терялся вдали. У всѣхъ отлегло.

Лодка пришла на глубину 60 футъ.

— Глубина 22 фута! — тотчасъ же скомандовалъ командиръ.

Лодка быстро пошла на всплытіе...

— Перископъ поднять!

— Правая пли!

Лодка вздрогнула отъ вылетѣвшихъ минъ. За бортомъ послышался ихъ звенящій удаляющій звукъ...

— Перископъ убрать!

— Лѣво на бортъ! (чтобы самимъ не попасть въ опасный районъ взрыва).

— Глубина 60 футъ! (на случай атаки миноносца).

Я слѣжу за секундомѣромъ... 10 секундъ, 15, 20, 25... Нѣтъ взрыва, неужели промазали.

30, 35, 36...

Но на 37-ой секундѣ трррахъ... Адскій взрывъ. Лодка содрогнулась... Что-то посыпалось...

Весь экипажъ въ ту же минуту перекрестился.

Лодка пошла на всплытіе.

Когда всплыли — кругомъ ничего. Только вдали виднѣлся бурунъ полнымъ ходомъ удиравшаго миноносца. Плавали доски, щепки...

Мина попала между кочегарнымъ и машиннымъ отдѣленіями. Огромный океанскій австрійскій пароходъ «Дубровникъ» черезъ 2 минуты послѣ взрыва, пошелъ ко дну. Спаслась только одна шлюпка съ механикомъ и нѣсколькими матросами. Пароходъ былъ въ полномъ грузу угля. На немъ шла изъ Зунгулдака смѣнная нѣмецкая рота.

Опасная операція.

Выполненіе сложной, въ высшей степени опасной операціи по закупоркѣ Босфора, въ самомъ его горлѣ, выпало на долю подводнаго заградителя «Крабъ». Онъ долженъ былъ, въ подводномъ состояніи, проникнуть вглубь Босфора **и въ районѣ Анатоли Ковакъ** поставить минное загражденіе.

Конвоируемый своими товарками — «Тюленемъ» и «Моржомъ», «Крабъ» вышелъ въ море, имѣя на борту начальника подводной бригады кап. 1 ранга Клочковскаго.

Спокойное море сверкало, какъ зеркало. Солнце припекало. «Крабъ» печаталъ свои 14 узловъ. «Тюлень» и «Моржъ» шли отдѣльно, имѣя на утро условленное рандеву [1]).

[1]) «Тюлень» и «Моржъ» — подводные лодки.

День прошелъ безъ всякихъ приключеній. Ночью долго не ложились спать, обсуждая предстоящую операцію и любуясь ночной потѣхой моря — игрой съ серебромъ его ближнихъ и дальныхъ волнъ.

. . . . . .

Забрезжилъ востокъ...

Вдругъ, откуда ни возьмись, выплылъ необычайный, причудливый силуэтъ. Трудно было сообразить что это такое. Уже приготовились нырять, какъ миражъ исчезъ. Обрисовались... «Тюлень» и «Моржъ». Столь поразительна иногда игра рефракціи...

Наступилъ жаркій день. Ночной вѣтерокъ стихъ...

Передъ обѣдомъ застопорили машины. — Командѣ купаться! — Замелькала на лодкахъ голая матросня. Молодыя, мускулистыя тѣла, съ словно прилѣпленными къ бѣлымъ плечамъ черными отъ загара шеями и головами. Засверкали пятки. Загоготало, зафыркало море. Пошла писать губернія... Кто саженками, кто по лягушечьи, а кто по-бабьи — больше молодежь, не научившаяся еще плавать... Съ трудомъ выуживали обратно всю эту мокрую, гогочующую ораву, обрадовавшуюся раздолью, послѣ лодочной тѣсноты и духоты...

Но вотъ и Босфоръ... Показались маяки. Еще нѣсколько минутъ и начнется погруженіе. Солнце высоко за спиной, словно прожекторомъ слѣпитъ берегъ. Меньше риска быть обнаруженнымъ.

Вошли въ каналъ межъ миннымъ полями.

— Стопъ машины!

— Приготовиться къ погруженію!

Послѣдній взглядъ на панораму турецкихъ береговъ, послѣдній глубокій вздохъ и всѣ устремляются внизъ. Захлопывается горловина. Исчезаетъ лодка. Словно ее тутъ и не было...

Внутри — тишина погруженія. Снаружи — булькаетъ вода.

— Глубина 70 футъ!

— Есть 70 футъ!

— Глубина 150 футъ! — «Крабъ» быстро ныряетъ на показанную глубину. Снова: — 70 футъ! — Всплываетъ. Еще нѣсколько провѣрочныхъ манипуляцій. Слава Богу, все идетъ хорошо...

Временами показывая перископъ, пошелъ въ Босфоръ.

Проходитъ два часа...

О свѣжемъ воздухѣ нѣтъ и помину. Стоитъ невѣроятная духота и жара. Оголенные до пояса люди освѣжаютъ головы заготовленной въ ведрахъ водой. Керосиновый перегаръ затруняетъ дыханье, слезитъ глаза...

Въ перископъ жутко-близко видны берега, дома, стада барановъ. Кажется невѣроятнымъ, что никто не замѣчаетъ перископъ...

— Авіонъ!!

— Глубина 100 футъ!..

Лодка вразъ ныряетъ. На этой глубинѣ авіонъ не замѣтитъ ее. Черезъ 2—3 минуты, она вновь на своей прежней глубинѣ.

— Приготовиться къ постановкѣ минъ! — Вниманіе! — Глубина 20 футъ!

Вдали показался силуэтъ... Охранная канонерка! Первая мысль была атаковать ее, но рѣшили не обнаруживать себя и выполнить сперва основную задачу, а уже потомъ приняться за нее.

Не подозрѣвая смертельной опасности, канонерка, къ великому соблазну «Краба», близко прошла отъ него...

Вотъ и назначенное мѣсто постановки...

— Открыть амбразуры!

— Начать постановку!

Полузадохшіеся люди оживились. Пустили въ ходъ элеваторы. «Крабъ» заметалъ икру... Все идетъ, какъ по маслу...

Уже поставили 4 мины, когда, вдругъ, сильный толчекъ въ носу едва не свалилъ людей. Погасло электричество.

— Что случилось?!

— Скорѣй фонари!!

Послѣдовали еще два толчка. Монометръ глубинъ рѣзко скакнулъ на 120 футъ. «Крабъ» потерялъ способность управляться и сталъ опускаться на дно...

Маневрируя у самаго берега, онъ, вѣроятно, хватился о подводный камень и ему заклинило руль. Слава Богу, нѣтъ течи. Нужно, какъ можно скорѣй всплыть, опорожнивъ балластныя систерны. Но это опасно —

могутъ замѣтить съ берега. Рѣшили попытать счастья — опорожнить среднюю. Помогло. «Крабъ» нѣсколько всплылъ. Высунулъ перископъ. Уже сгустились сумерки...

Закончивъ постановку минъ, пришлось уходить, оставивъ мысль объ атакѣ канонерки, въ виду полученныхъ поврежденій носовыхъ аппаратовъ. О! какъ безконечно тянутся послѣднія минуты!... Въ полуобморочномъ состояніи лежатъ и словно тѣни двигаются люди, въ сизомъ туманѣ ужасающаго перегара... Виски стучатъ. Сердце колотится...

— Всплывать! — раздается, наконецъ, радостная, оживляющая всѣхъ команда. Всѣ заразъ устремляются въ открытый люкъ.

На утро Босфоръ былъ уже далеко...

Дѣло съ вооруженнымъ пароходомъ № 42.

Было 10 апрѣля 1916 года.

Солнце склонялось къ горизонту. По началу свѣжая погода стала стихать. Къ вечеру совсѣмъ стихло. Легкій вѣтерокъ чуть рябилъ море.

Съ непріятельскихъ наблюдательныхъ постовъ, расположенныхъ на высотахъ Босфора, открывался дивный видъ въ безбрежную морскую даль. Даже опытный глазъ не могъ бы замѣтить маленькой точки, скрывавшейся среди набѣгавшихъ волнъ. Она казалась ничтожной песчинкой въ пустынѣ моря. А между тѣмъ эта песчинка таила въ себѣ смертельную опасность для каждаго смѣльчака, который бы рискнулъ высунуть носъ изъ пролива. То былъ перископъ русской подводной лодки, подкараулившей врага. Подъ этой песчинкой, скрытая глубиной и никому не видимая, таилась напряженная жизнь. Въ яркомъ свѣтѣ электрическихъ лампъ двигались и работали люди, раздавались приказанія, гудѣли моторы, пѣли рулевые приводы, вращались сложные механизмы... Равномѣрно постукивали сердечные клапана огромнаго и страшнаго морского чудища...

Въ боевой рубкѣ вахтенный начальникъ, не отрываясь, зорко наблюдалъ въ перископъ. Но все чисто

кругомъ. Ни въ морѣ, ни въ Босфорѣ ничего подозрительнаго. Солнце все ниже опускалось къ горизонту.

Вдругъ, около 7 ч. вечера, изъ рубки послышался громкій возгласъ: — «дымъ въ Босфорѣ». Командиръ въ мгновенье ока схватился за перископъ.

— Пароходъ! — объявилъ онъ. — Схвачу его, сукина сына.

Командиръ, доблестный старшій лейтенантъ Китицынъ, давно лелѣялъ мысль о захватѣ приза. Горячій и рѣшительный, весь охваченный этой мыслью, онъ хотѣлъ, было, всплыть тотчасъ же, какъ пароходъ выйдетъ въ море, чтобы взять его на абордажъ, но, при болѣе спокойномъ обсужденіи этого маневра, пришлось его оставить изъ опасенія, что пароходъ, завидѣвъ всплывшую лодку, бросится наутекъ. Въ этомъ случаѣ лодкѣ ничего не оставалось бы, какъ открыть по немъ орудійный огонь. Тутъ былъ двойной рискъ: во-первыхъ, упустить пароходъ, во-вторыхъ самимъ попасть подъ сильный и дѣйствительный обстрѣлъ босфорскихъ батарей.

Военный совѣтъ въ рубкѣ тотчасъ же обсудилъ обстановку и, пока пароходъ шелъ еще по Босфору, выработалъ слѣдующій планъ захвата его:

1) Какъ только пароходъ выйдетъ изъ Босфора и ляжетъ на опредѣленный курсъ, — лодка, въ подводномъ состояніи, ложится на параллельный ему курсъ и, при помощи спеціальныхъ пріемовъ, опредѣляетъ точно его курсъ и скорость; 2) когда курсъ и скорость противника будутъ опредѣлены и окончательно стемнѣетъ, лодка всплыветъ. Тотчасъ же дизеля и электромоторы на полный ходъ, чтобы обогнать пароходъ и, невидимо для него, подъ покровомъ ночи, забѣжать впередъ для занятія соотвѣтствующей позиціи. Эта позиція была выбрана у поворотной точки выступающаго островка, противъ мыса Кефкенъ, этого пупа Анатолійскаго побережья, мимо котораго долженъ пройти всякій, идущій на Зунгулдакъ. Было почти 100% вѣроятія, что пароходъ обогнетъ его. За островкомъ и мысомъ Кефкенъ находится маленькая безымянная бухточка. Въ ней и рѣшено было притаиться, поджидая врага, прижавшись, сколько возможно, къ берегу, насколько того позволяла осадка лодки въ 15—16 футъ.

При этомъ направленіе носа лодки должно было быть въ сторону, противоположную Кефкену, т. е. на вестъ, по направленію предполагаемаго пути парохода. Этимъ достигалась возможность, пропустивъ его мимо себя, безъ всякихъ маневровъ, атаковать сзади, приведя его себѣ на крамболъ. Такое положеніе лодки относительно курса врага устраняло рискъ потерять его при встрѣчѣ на контръ-курсахъ, когда онъ, идя на встрѣчу лодкѣ, могъ быстро проскочить мимо нея и исчезнуть въ темнотѣ или, обнаруживъ лодку, ловкимъ поворотомъ руля, протаранить ее.

Таковъ былъ молніеносно выработанный планъ захвата парохода. Конечно, значительно проще и безопаснѣе было бы просто потопить его миной, но командиръ хотѣлъ привести въ Севастополь призъ и тѣмъ самымъ сдѣлать подарокъ флоту.

Но вотъ пароходъ вышелъ изъ пролива . . . Тотчасъ же лодка, во исполненіе указаннаго плана, оставаясь въ подводномъ положеніи, нѣсколько сблизилась съ нимъ и легла на параллельный ему курсъ. Штурманъ приступилъ къ опредѣленію **его** скорости и курса.

Солнце зашло за горизонтъ. Сумерки быстро сгущались. Надвигалась темная ночь. Тучи заволакивали небосклонъ.

Къ наступленію темноты курсъ и ходъ были опредѣлены. Какъ только полный мракъ окуталъ море, раздалось — «всплывай!» Лодка всплыла, давъ полный ходъ дизелямъ и электромоторамъ, невидимая пароходомъ и сама ужъ больше не видящая его, но имѣющая его курсъ и ходъ, пошла въ обгонъ, взявъ курсъ на Кефкенъ. Теперь весь разсчетъ строился исключительно на вычисленіяхъ.

Въ полночь лодка подошла къ намѣченному островку и обогнула его. Врагъ, по разсчетамъ, остался позади. Въ предположеніи, что онъ, опасаясь нашихъ крейсерующихъ миноносцевъ, будетъ идти вплотную къ берегу, скрываясь подъ нимъ, рѣшено было, войдя въ бухточку, занять позицію какъ можно болѣе въ глубинѣ ея.

Ночь оставалась темной. Луна не выходила изъ за тучъ. Покойное море чуть-чуть плескало о берегъ.

Въ 12 ч. 15 м. пополуночи лодка подошла къ позиціи

и со всевозможными предосторожностями, бросая лотъ, вошла въ маленькую бухточку. Только легкій прибой нарушалъ мертвую тишину.

На случай преткновенія къ мели въ цистернахъ имѣлся нѣкоторый запасъ воды. Достаточно было ихъ опорожнить, чтобы нѣсколько всплыть и такимъ путемъ сойти съ мели.

Медленно, какъ бы ощупью, продвигалась лодка впередъ. Лотовый на лотѣ обмѣрялъ глубины... Наконецъ, зачернѣлъ берегъ... Въ 40—50 саженяхъ отъ него лодка застопорила машины и встала въ позицію.

Пробили боевую тревогу. Запасные снаряды вытащили наверхъ.

Лодка приготовилась къ артиллерійскому бою. На ней имѣлось два орудія: одно — носовое — было захваченное на австрійскомъ фронтѣ 88 м.м. орудіе, по прозвищу «Коронада», дальностью стрѣльбы въ 23 кабельтова; другое — кормовое — русское 75 м.м. орудіе нашего металлическаго завода.

Часы показывали 12 ч. 30 м. пополуночи. По разсчету штурмана, черезъ 1 ч. 45 мин., т. е. въ 2 ч. 15 м. долженъ былъ появиться непріятель. Черная ночь застилала море. Всѣ взоры съ напряженіемъ всматривались туда, откуда долженъ былъ показаться **онъ.** На рубкѣ, не отрывая ночныхъ биноклей, командиръ и старшій офицеръ (онъ же штурманъ). Артиллерійскій офицеръ, комендоры и прислуга — у орудій. Всѣ знали, что пароходы этого типа вооружены пушками. Остальной экипажъ — внутри, у всевозможныхъ рычаговъ сложнаго механизма лодки. Царитъ полная тишина. Ни единаго огонька. Шумитъ прибой.

Облака разорвались, и серебряный лунный свѣтъ залилъ все водное пространство. Луна, освѣщая море и вѣроятный путь врага, оставляла лодку незамѣтной на черномъ фонѣ берега. Стоялъ полный штиль. Небо очистилось отъ облаковъ. Миріады звѣздъ.

Какъ притаившіеся охотники выслѣживаютъ дичь, всматривались люди въ лунный отблескъ воды, въ свѣтъ котораго, изъ за острова Кефкена, долженъ былъ появиться пароходъ. Чѣмъ дальше часы шли впередъ, тѣмъ нетерпѣливѣе становились люди, непосвященные во всѣ тонкости разсчета.

— Не видать намъ «Мустафы»!

— Онъ уже вернулся въ Стамбулъ пить кофе — слышался шопотъ остротъ.

Часовая стрѣлка переваливала за два часа ночи. Ничѣмъ ненарушаемый лунный покой какъ бы подкрѣплялъ сомнѣніе. Казалось, дичь ускользнула. Временами легкій береговой бризъ приносилъ съ собой ночной ароматъ берега, запахъ прянаго мускуса...

Вдругъ, встревоженный шопотъ пронесся на палубѣ...

— Вотъ онъ! — Идетъ прямо на насъ!

Въ лунномъ свѣтѣ появился врагъ... Онъ огибалъ островъ. Было ровно 2 ч. 45 м. пополуночи.

— Орудія на товсь! — напряженнымъ шопотомъ скомандовалъ командиръ.

— Электромоторы приготовиться!

Врагъ, прижимаясь къ берегу, шелъ прямо на лодку. Слышался приближающійся стукъ его машинъ.

— Ни слова. Мертвая тишина! — грозно сверкнувъ глазами, прошепталъ командиръ.

Люди замерли въ своихъ мѣстахъ. Орудія взяли пароходъ на прицѣлъ...

Весь облитый луной пароходъ былъ, какъ на ладони. Онъ, видимо, не чуялъ близкой опасности и спокойно шелъ впередъ. Его люди громко переговаривались. Слышалась ихъ гортанная рѣчь. Жутко становилось отъ такой близости врага... Черный фонъ берега хорошо сливалъ лодку, стоявшую въ надводномъ положеніи.

Разстояніе быстро сокращалось, но пароходъ продолжалъ не замѣчать ее.

Вотъ онъ совсѣмъ близко... Сейчасъ, сію секунду будетъ проходить вдоль. Дыханье сперло въ груди. Глаза въ упоръ смотрятъ на врага. Онъ настолько близокъ, что казалось невѣроятнымъ, что онъ не видитъ лодки...

Командиръ уже приготовился дать ходъ, чтобы пойти ему вслѣдъ, какъ только онъ пройдетъ мимо, когда, вдругъ, пароходъ, точно ощутивъ опасность, рѣзко склонился вправо и, спутавъ всѣ расчеты маневра, устремился въ самую глубину бухты, пройдя за кормой лодки. Онъ настолько боялся встрѣчи съ нашими мино-

носцами и подводными лодками, что не думалъ о сокращеніяхъ, даже самыхъ ничтожныхъ, своего пути, а, пользуясь своей малой осадкой, огибалъ рѣшительно всѣ извилины берега, скрываясь подъ нимъ.

Видя, что первоначальный планъ не удастся, командиръ далъ ходъ и пошелъ за пароходомъ, стремясь все же занять позицію между нимъ и берегомъ. Мысль захвата его живьемъ не оставляла его. Увы! вскорѣ обнаружилось, что и этотъ маневръ не удастся. Слишкомъ велика была разница въ осадкѣ лодки и парохода. Дальнѣйшее углубленіе въ бухту грозило лодкѣ выскочить на камни. Тогда командиръ рѣшилъ ошарашить пароходъ орудійнымъ огнемъ и, воспользовавшись паникой, взять его на абордажъ. — Открыть огонь!

Комендоръ дернулъ шнуръ... Осѣчка! Быстро перемѣнилъ патронъ. Снова дернулъ. Снова осѣчка...

— Австрійская б...! Вышвырнуть ее вонъ! — въ сердцахъ проскрежеталъ командиръ, сжимая кулаки.

— Лѣво на бортъ! — скомандовалъ онъ, чтобы привести кормовое орудіе въ уголъ обстрѣла.

Этотъ непредвидѣнный случай съ осѣчками принудилъ лодку измѣнить курсъ для открытія огня кормовымъ орудіемъ. Пришлось выйти изъ кильватера пароходу и уклониться носомъ въ море, что и поставило лодку въ невыгодное положеніе. Но командиръ все же не отчаивался. Онъ не разставался съ мыслью захватить пароходъ. Рѣшился на послѣднее средство — использовать психологическій моментъ. Приказалъ кормовому орудію открыть огонь на перелетахъ, такъ, чтобы паденіе снарядовъ было между берегомъ и пароходомъ. Командиръ надѣялся, что взрывы столбовъ воды отъ паденія снарядовъ инстинктивно заставятъ его броситься влѣво, въ сторону отъ нихъ, и тогда, врѣзавшись между берегомъ и пароходомъ, можно будетъ взять его на абордажъ.

— Открыть огонь!

Длинное, желтое пламя вырвалось изъ жерла орудія и громовой раскатъ прокатился по морю. Сейчасъ же снова блеснула молнія, и новый ударъ потрясъ воздухъ. Два огромныхъ водяныхъ столба рядомъ поднялись между берегомъ и пароходомъ...

Безумная паника охватила его. Экипажъ настолько растерялся, что забылъ про свое орудіе. Неожиданность пальбы, разрывъ снарядовъ среди ярко освѣщеннаго луной моря, казавшагося безжизненнымъ, ошеломила людей. Невообразимый крикъ, суета, галдежъ и безпорядочная ружейная стрѣльба поднялись на немъ. Видимо, одинъ капитанъ сохранилъ присутствіе духа. Не взирая на столбы воды, преграждавшіе ему доступъ къ берегу, онъ направилъ пароходъ прямо на него. Послышался буммъ, точно огромнымъ молотомъ хватили по пустой цистернѣ. Пароходъ наскочилъ на скалы... На темномъ фонѣ берега виднѣлась его масса, приткнувшаяся къ нему.

Командиръ лодки, видя, что пароходъ выбросился на берегъ и, слѣдовательно, потерянъ, какъ призъ, приказалъ сжечь его снарядами, но затѣмъ, жалѣя патроны, запасъ которыхъ на лодкѣ незначителенъ и которые могли бы пригодиться для другого дѣла, рѣшилъ прекратить огонь, отойти на ночь въ море съ тѣмъ, чтобы утромъ миной взорвать его.

Раннимъ утромъ лодка подошла къ своей жертвѣ. Скрытые за скалами турки открыли ружейный огонь. Выпущенная мина ужалила пароходъ. Огромный фонтанъ метнулся къ небу. Труба закачалась и рухнула. Пароходъ сломился на двое и исчезъ съ лица земли...

Захватъ „Иттихада".

Въ концѣ іюня 1916 года эскадренный миноносецъ «Быстрый» стоялъ, ошвартовавшись въ южной бухтѣ Севастополя. Однажды, вечеромъ, командиръ, кап. 2-го ранга Бубновъ, вернувшись изъ штаба флота, пригласилъ къ себѣ въ каюту старшаго офицера, старшаго лейтенанта Чирикова и конфиденціально сообщилъ ему, что въ Бургасѣ стоитъ большой турецкій пароходъ и грузится какимъ-то цѣннымъ грузомъ.

— Намъ приказано вмѣстѣ съ «Поспѣшнымъ» захватить его. На завтра походъ.

Тотчасъ же появилась карта, линейка и циркули, и командиръ со старшимъ офицеромъ углубились въ обсужденіе операціи...

На слѣдующій день, послѣ совѣщанія у начальника развѣдывательной части штаба командующаго флотомъ кап. 1 ранга Нищенкова, на «Быстрый» прибылъ начальникъ II-го дивизіона кап. 1 ранга Гаддъ и поднялъ свой брейдъ-вымпелъ. Въ виду отвѣтственности задачи онъ рѣшилъ принять личное участіе въ походѣ.

Въ полдень миноносцы вышли въ море. Начальникъ дивизіона вскрылъ секретный пакетъ. Въ немъ былъ приказъ командующаго флотомъ доставить захваченный призъ въ Одессу.

День выдался восхитительный. Полнымъ ходомъ миноносцы неслись на пересѣчку моря, держа курсъ прямо на Бургасъ. Нужно было, съ наступленіемъ темноты, быть у непріятельскихъ береговъ, т. к., по даннымъ развѣдки, пароходъ предполагалъ въ полночь выйти въ Константинополь.

Къ вечеру показался болгарскій берегъ. Опредѣлившись по мысу Эминэ, миноносцы уменьшили ходъ и, выждавъ полной темноты, приблизились къ берегу и стали крейсировать на пути Бургасъ—Константинополь.

Прошелъ часъ... Взадъ и впередъ рыщутъ миноносцы. Люди напряженно пронизываютъ ночь, прислушиваются къ малѣйшему шуму. Кругомъ все тихо. Словно грозовая туча, чернѣетъ берегъ... Такъ прошелъ еще часъ, а парохода все нѣтъ...

— Вѣроятно, задержался. Ложитесь на обратный — приказалъ начальникъ дивизіона.

— Лѣ-во! — и миноносцы покатились на обратный курсъ.

Наступилъ третій часъ. Близилась заря. Уныніе охватило экипажъ. — Промазали пароходъ! — Скрытый кромѣшной тьмой, онъ, вѣроятно, уже проскочилъ...

Запѣла антена. Вызывалъ Севастополь.

Черезъ минуту на мостикъ доставили телеграмму. Флагъ-офицеръ бросился въ рубку расшифровывать ее.

«Пароходъ задержался на сутки. Продолжайте поимку» — сообщалъ штабъ.

Точно отлегло отъ сердца. Это извѣстіе обрадовало всѣхъ. Обидно было пропустить добычу.

На день миноносцы отошли вглубь моря, чтобы не обнаружить западни. Къ вечеру вернулись.

Спустилась пасмурная, безвѣздная ночь...

Малымъ ходомъ, въ полной боевой готовности, снова утюжатъ миноносцы море. Одна вахта бодрствуетъ, другая спитъ наготовѣ. Всѣ офицеры на мостикѣ. Тѣснымъ кольцомъ чернѣетъ горизонтъ. Берегъ въ четырехъ миляхъ. Кругомъ жуткая тьма. Только за кормой, играя алмазами, фосфорится струя. Такая тишина, что слышно, какъ булькаетъ по обводамъ вода...

Миноносцы шли курсомъ нордъ, когда около часу ночи, южнѣе Бургаса, чуть слѣва по носу, появилась тѣнь. Нѣсколько сблизившись, разобрали низкій силуэтъ большого «купца» въ полномъ грузу. «Быстрый» немедленно измѣнилъ курсъ и легъ между нимъ и берегомъ. «Поспѣшный», понявъ маневръ флагмана, бросился мористѣе, въ обхватъ парохода.

Врагъ шелъ въ полной тишинѣ, безъ единаго огонька. Онъ еще ничего не замѣчалъ.

Вдругъ съ парохода послышался шумъ. Поднялась суматоха. Загрохоталъ канатъ отданнаго якоря...

Миноносцы застопорили машины.

— Ну, Николай Сергѣевичъ, берите вашу партію и скорѣе захватывайте пароходъ — обратился командиръ къ старшему офицеру.

Восемнадцать «призовиковъ» съ винтовками и подрывными патронами выстроились во фронтъ.

Въ этотъ моментъ по водѣ зачернѣли какія-то шлюпки.

— ВВБ, турки тикаютъ! — закричали сигнальщики.

Они «тикали» съ такой быстротой, что казались моторами. «Поспѣшный» бросился за ними и отрѣзалъ отъ берега.

Видя себя окруженными, турки засушили. — Алла! Алла! — завопили они.

— Греби сюда! Чабукъ! Чабукъ! — кричали имъ съ «Быстраго». Турки поняли и погребли на миноносецъ...

Чтобы не терять времени на спускъ и подъемъ своихъ шлюпокъ, рѣшили ,для своза партіи, использовать турецкія. Какъ только первая подошла къ борту, ее мгновенно очистили отъ банабаковъ. Ошалѣлыхъ лю-

дей втаскивали на бортъ. Тѣни плѣнниковъ унылой толпой сгрудились на кормѣ. Среди нихъ были пассажиры. Женщинъ не было.

Призовая партія тотчасъ же набилась въ первую шлюпку. Она оказалась сравнительно большимъ ботомъ. Захватили мѣшки съ сухарями и провизіей. Предстояло двѣсти миль перехода и неизвѣстно, что ждало на пароходѣ. Схвативъ подмышку коробку съ папиросами, старшій офицеръ прыгнулъ въ шлюпку и приказалъ отваливать.

Среди полнаго мрака, покачиваясь на зыби, переполненная шлюпка погребла въ сторону парохода. Старшій офицеръ, стоя, высматривалъ сулуэтъ. Вдругъ, онъ почувствовалъ холодъ въ ногахъ. Ясно осязалась вода. Это значило, что шлюпка течетъ. Парохода еще и не видно. Чтобы не возбуждать паники, онъ не подалъ вида и продолжалъ стоять въ водѣ. Шлюпка все болѣе наполнялась, гребцы замѣтили.

— Ваше Высокородіе! Кажись тонемъ! — раздались изъ тьмы испуганные голоса.

— Ничего! ничего! — будемъ тонуть, — спасайте папиросы! — крикнулъ старшій офицеръ, вспомнивъ, по ассоціаціи идей, какъ однажды, еще въ школьныя времена, возвращаясь съ гардемаринами, послѣ астрономическихъ наблюденій на островѣ, шлюпка перевернулась у самаго борта описной баржи, а стоявшій на трапѣ ярый преподаватель астрономіи, по прозвищу «затычка», закричалъ барахтавшимся гардемаринамъ — «бросайте все, спасайте хронометры»!...

Между тѣмъ вода прибывала. Ее вычерпывали, чѣмъ могли, но это мало помогало. Вѣроятно, въ паникѣ турки забыли закрыть пробку, всегда открытую для стока воды, когда шлюпка поднята на таляхъ.

Создавалось опасное положеніе. До парохода было еще далеко. Перегруженная шлюпка, уже изрядно наполненная водой, начинала на зыби черпать бортами.

— Навались! — Не дрефуй! — подбадривалъ гребцовъ старшій офицеръ...

Показался силуэтъ парохода. Во тьмѣ зачернѣлъ его бортъ. Слышалось какое-то шипѣніе.

— Суши весла! — скомандовалъ старшій офицеръ, высматривая трапъ.

Но трапа не оказалось. Висѣли обрывки талей. Въ паническомъ бѣгствѣ турки такъ спѣшили, что, спуская шлюпки, рубили тали. Ухватившись за болтавшійся конецъ, одинъ изъ гребцовъ ловко взлѣзъ на бортъ.

— Ищи штормъ-трапъ! — закричали ему.

Вскорѣ веревочный трапъ повисъ на борту. Всѣ поднялись наверхъ.

Мракъ и тишина брошеннаго корабля охватили всѣхъ. Со свистомъ и шипѣньемъ травился паръ.

Отдѣливъ часть людей въ распоряженіе механика для осмотра машинъ, подъема пара и пуска динамо, остальныхъ старшій офицеръ послалъ съ ручными фонарями осмотрѣть трюмы, не подложенъ ли гдѣ подрывной патронъ. Самъ съ боцманомъ поспѣшилъ на бакъ подымать якорь. Нужно было торопиться.

На бакѣ тьма. Спотыкаясь о какіе-то бочки и ящики, съ трудомъ добрались до шпиля. Засвѣтивъ потайной фонарикъ, осмотрѣли его систему и приступили къ подъему якоря. Изъ за темноты и незнанія мѣстныхъ условій маневра, это представляло большую мороку.

Въ самый разгаръ работы, на бакъ вбѣгаетъ механикъ.

— Николай Сергѣевичъ! Нашли какого-то типа. Желаетъ васъ видѣть.

— Давайте его сюда!

Черезъ минуту появился незнакомецъ.

Въ слабомъ лучѣ потайнаго фонаря освѣтилось гладко-выбритое лицо нѣмца, въ бѣлой яхтъ-клубской фуражкѣ.

— Говорите по-французски? обратился къ нему старшій офицеръ.

— Oui commandant.

— Что вамъ угодно?

— Vous n'avez pas le droit de m'arrêter. Je ne suis pas combattant. Je suis un médecin.

Надменный тонъ нѣмца взорвалъ лейтенанта.

— Si je n'ai pas le droit de vous arrêter, j'ai bien le droit de vous envoyer par dessus bord... Потрудитесь немедленно спуститься въ шлюпку. Васъ доставятъ на миноносецъ — указалъ онъ на подошедшую къ борту шлюпку.

Съ жестомъ негодованія нѣмецъ подчинился.

Впослѣдствіи оказалось, что это вовсе не докторъ, а крупный агентъ по снабженію Германіи турецкимъ продовольствіемъ. При немъ были найдены чрезвычайно важные и интересные документы. Въ моментъ захвата парохода онъ оставался на немъ и взволнованно ходилъ по первому классу, передъ зажженнымъ огаркомъ.

Механикъ, мичманъ Волощенко, быстро справился съ машиной и поднялъ паръ.

Оставивъ его наблюдать за дальнѣйшимъ подъемомъ якоря, старшій офицеръ поднялся на мостикъ осмотрѣть постъ управленія. Вызвалъ своего рулевого.

Тускло загорѣлось электричество.

На мостикѣ царилъ полумракъ. Въ капитанской рубкѣ — слѣды жизни и поспѣшнаго бѣгства. На вѣшалкѣ — капитанская фуражка. Приготовленная ко сну кровать слегка помята. Видно, капитанъ, незадолго до захвата, отдыхалъ на ней. На столѣ — раскрытая карта, циркуль и линейка. Тутъ же чашечка съ недопитымъ кофе. Словомъ — мирная морская идиллія.

Къ пароходу приблизился «Быстрый» и въ мегафонъ торопилъ съ уходомъ.

Какъ только «всталъ якорь», дали малый впередъ. Забурлили винты. Якорь подтянули. Дали средній ходъ. Пароходъ вступилъ въ кильватеръ «Быстрому». Выяснилось, что больше восьми узловъ дать нельзя. Сказывалось отсутствіе въ партіи опытныхъ кочегаровъ.

По вступленію «Поспѣшнаго» въ кильватеръ пароходу, отрядъ легъ на нордъ-остъ, съ цѣлью удалиться отъ берега. Шелъ 4-й часъ утра. Нужно было замести слѣды. Погода стояла тихая, при легкой зыби ...

Приступили къ детальному осмотру приза. Оказалось, названіе его «Иттихадъ». Принадлежитъ «Société anonyme de navigation Ottomane-Salonique». Водоизмѣщеніе 2.000 тонъ. Грузъ: всякое продовольствіе (фасоль, сахаръ, орѣхи и проч.). Два трюма были набиты ячменемъ, свыше 600 тонъ. 100 бочекъ керосина и машиннаго масла. Пароходъ въ полной исправности. Прекрасныя каюты. Залъ. Все отдѣлано краснымъ деревомъ и золотомъ. У каждой каюты маленькое, въ мраморѣ, помѣщеніе для совершенія восточнаго обряда.

омовенія. Нашли провизію; даже живого барашка. Весело затрещалъ въ камбузѣ огонекъ. Заварили кофе. Къ утреннему завтраку приготовили пилавъ изъ барашка. Никогда такимъ вкуснымъ не казалось это блюдо.

Утомленные ночной работой, люди разбрелись на отдыхъ. Для старшаго офицера раскинули на мостикѣ chaise-longue. Онъ съ рулевымъ поочереди смѣнялись у штурвала.

Наступило утро. Тишь, гладь да Божья благодать...

Прибѣгаетъ взволнованный инженеръ-механикъ и докладываетъ, задремавшему было, старшему офицеру, что онъ ошибся при обмѣрѣ угля и что его не хватитъ до Одессы.

— Турки взяли его въ обрѣзъ, въ расчетѣ на 60-мильный переходъ до Константинополя...

По семафору передали объ этомъ начальнику дивизіона. Послѣдовалъ приказъ «Быстрому» взять «Иттихадъ» на буксиръ. Каждому моряку понятна трудность этой задачи для нѣжныхъ и тонкихъ механизмовъ быстроходнаго миноносца. Все одно, что скакового коня впрячь въ плугъ.

Чтобы облегчить работу миноносца, старшій офицеръ и мичманъ Волощенко рѣшили вмѣсто угля пустить ячмень, поливая его керосиномъ. Само собою разумѣется, приняли всѣ мѣры противопожарнаго характера. Самъ механикъ неустанно стоялъ въ кочегаркѣ, слѣдя за этой опасной операціей. Разультатъ оказался поразительный. Скорость хода возрасла до 12 узловъ. Ячмень далъ полное сгоранье, вслѣдствіе чего совершенно не было дыма. Это было чрезвычайно цѣнно, на случай погони.

Изъ машины поступило донесеніе, что съ послѣдней лопатой угля въ угольной ямѣ обнаружили «заховавшагося чіловіка».

Старшій офицеръ потребовалъ доставить его на мостикъ.

Приволокли.

Весь вымазанный въ углѣ, дрожащій, какъ осиновый листъ, предсталъ онъ передъ лейтенантомъ. Бѣдняга думалъ, что его тутъ же повѣсятъ.

Старшій офицеръ взглянулъ на напуганное лицо

молодого 23-лѣтняго парня, съ мольбой и тоской смотрѣвшаго на него.

— На какомъ языкѣ говоришь? — спросилъ онъ его по-французски.

Парень замоталъ головой.

— Do you speak english?

— Yes sir! Yes sir!

Онъ оказался грекомъ, говорящимъ по англійски.

— Можешь помогать въ машинѣ?

— Yes sir! Yes sir! — обрадовался парень. Я — машинистъ.

— Возьмите его въ машину. Онъ поможетъ вамъ разобраться во вспомогательныхъ механизмахъ, а затѣмъ включите его въ машинную вахту. Но наблюдайте за нимъ.

— Смотрите же! — погрозилъ ему лейтенантъ и сдѣлалъ выразительный знакъ въ сторону нока реи.

Обрадованный, невѣрящій своему спасенью, парень низко припалъ, по турецки сдѣлавъ знакъ преданности и уваженія. Затѣмъ вдругъ бросился въ уголъ, гдѣ стоялъ горшокъ съ гвоздикой, сорвалъ цвѣтокъ и преподнесъ его лейтенанту.

Между тѣмъ день вступилъ въ свои права. Горячее солнце изрядно припекало. Покуривая трубку въ chaise-longue, старшій офицеръ мирно любовался дивной синевой безоблачнаго неба.

— Ваше Высокородіе! Семафоръ! — крикнулъ сигнальщикъ.

Старшій офицеръ схватился за бинокль. Съ «Быстраго» флажки махали вызовъ.

— Отвѣчай «ясно вижу» — приказалъ онъ и сталъ разбирать семафоръ.

«Б-р-е-с-л-а-у» разобралъ онъ первое слово. «Бреслау...» — оба невольно переглянулись.

— Дѣлай «ясно вижу».

— **«Въ морѣ. Считаете ли нужнымъ покинуть пароходъ»,** — запрашивалъ начальникъ дивизіона.

Старшій офицеръ задумался. Почесалъ затылокъ. Взялъ грифельную доску. Написалъ отвѣтъ. Исправилъ. Стеръ. Подумалъ. Снова написалъ и рѣшительно передалъ сигнальщику.

Сигнальщикъ положилъ возлѣ себя доску и замахалъ флажками.

«Быстрый» отвѣтилъ на вызовъ.

— **Не считаю нужнымъ пока покидать пароходъ. Желательно держаться ближе къ берегу.**

«Быстрый» понялъ и сдѣлалъ «ясно вижу».

Тотчасъ же послѣдовалъ новый семафоръ.

«Приготовьтесь къ срочной эвакуаціи парохода на случай появленія непріятеля».

Отрядъ склонился къ берегу и прибавилъ ходъ.

Утомленіе экипажа сняло, какъ рукой. Всѣ насторожились и стали напряженно осматривать горизонтъ. На случай появленія врага заложили два подрывныхъ патрона: одинъ въ машину, другой въ кормовой трюмъ. Осмотрѣли и исправили шлюпки. Достали спасательные пояса.

Близился полдень...

Послѣ обѣда, несмотря на морскую привычку, никто не легъ отдыхать. Всѣ были возбуждены неожиданнымъ семафоромъ.

Въ капитанской каютѣ стоялъ запертымъ на ключъ несгораемый шкафъ. Первоначально старшій офицеръ рѣшилъ его не трогать, а вскрыть при комиссіи, по приходѣ въ портъ. Теперь же, въ виду появленія «Бреслау», онъ рѣшилъ его вскрыть, чтобы заранѣе захватить могущіе оказаться въ немъ документы.

Такъ какъ ключей не было, пришлось взломать шкафъ. Его вытащили на мостикъ и машинисты ломами принялись разбивать его. Шкафъ долго не поддавался. Наконецъ, взломали. Посыпалась труха — огнеупорное вещество, которымъ онъ былъ наполненъ. Внутри блестѣла камера. Достали ее. Разломали. Выпалъ и покатился по мостику серебрянный меджидъ. Пссыпалась мелочь. Нашли какой-то счетъ съ гербовой маркой. Это было все содержимое шкафа.

Вдругъ тревожный крикъ — «Дымъ!» — донесся съ кормы. Старшій офицеръ схватилъ бинокль. Разбитый шкафъ, камера, разсыпанная мелочь остались брошенными на палубѣ...

Далеко позади виднѣлось облако дыма. По тому, какъ оно стелилось по горизонту, съ несомнѣнностью опредѣлялась принадлежность его быстроходному ко-

раблю. Это «Бреслау», на путяхъ къ Севастополю, искалъ пропавшій «Иттихадъ». Положеніе солнца и отсутствіе дыма на миноносцахъ и пароходѣ помѣшали ему обнаружить далекій отрядъ. Вскорѣ дымъ превратился въ тонкую ниточку и исчезъ за горизонтомъ...

На слѣдующій день отрядъ благополучно прибылъ въ Одессу. Явилась портовая комиссія и приступили къ пріему парохода и составленію описи. Захваченный грузъ былъ оцѣненъ въ 300.000 рублей.

Старшій офицеръ со своей партіей вернулся на миноносецъ и тутъ узналъ, что въ пути турки покушались на жизнь своего капитана, обвиняя его, что онъ продался русскимъ и умышленно подстроилъ захватъ.

Какъ совершенно исправный пароходъ, «Иттихадъ», подъ именемъ «Добыча», былъ зачисленъ въ транспортную флотилію вице-адмирала Хоменко, въ составѣ которой и плавалъ все время.

Переживъ всѣ революціонныя невзгоды и эвакуаціи, онъ, подъ командой своего послѣдняго командира, кап. 2-го ранга Краснопольскаго, благополучно прибылъ въ Бизерту.

Онъ и сейчасъ здравствуетъ, плавая по Средиземному морю, но, увы! не подъ русскимъ флагомъ.

Абордажъ.

Въ первыхъ числахъ сентября 1916 года подводная лодка «Тюлень» находилась въ очередномъ дежурствѣ по подводной блокадѣ Босфора. Какъ обычно, съ наступленіемъ вечера, погрузившись въ воду, невидимая никому, она подошла къ Румелійскому берегу и, вблизи пролива, заняла свой наблюдательный постъ. Уже нѣсколько вечеровъ подрядъ «Тюлень» подходилъ сюда, въ чаяніи добычи, но пока всѣ ожиданія были тщетны: врагъ не показывался. Ничто не нарушало теченія скучной и монотонной жизни въ закупоренной лодкѣ, при позиціонной службѣ блокады. Люди томились. Особенно командиръ, старшій лейтенантъ Китицынъ, съ его неизсякаемой энергіей, кипучей жизнедѣятельностью. За горячій и рѣшительный характеръ, необычайную отвагу, и необузданную жажду боевыхъ

подвиговъ, команда прозвала его Стенькой Разинымъ. Онъ и молодцовъ себѣ подобралъ такихъ же. За нимъ они готовы были въ огонь и въ воду.

Въ этотъ вечеръ погода стояла пасмурная. Обычно синеизумрудное море было сѣрымъ и непривѣтнымъ.

Вдругъ, въ перископъ обнаружился большой, выходящій изъ пролива корабль.

Зажглись черные глаза «Стеньки».

Давно запавшая въ его душу мысль захватить призъ бурно охватила его.

Было заранѣе рѣшено примѣнить тотъ же планъ, который былъ выработанъ для захвата парохода «номеръ сорокъ второй» [1]). Большой корабль давалъ лучшую возможность полностью использовать всѣ выгоды выбора удобной позиціи.

Какъ только пароходъ вышелъ въ море и легъ на опредѣленный курсъ, лодка незамѣтно подкралась къ нему и легла на параллельный ему курсъ. Съ наступленіемъ ночи «Тюлень» всплылъ и, развивая максимальную скорость въ 14 узловъ, пошелъ къ острову Кефкенъ, находящемуся въ 55 миляхъ отъ Босфора.

Около полуночи лодка подошла къ Кефкену. Пароходъ, по разсчетамъ, отсталъ на 16 миль. Слѣдовательно, до появленія его оставалось два часа.

Обогнувъ островъ, «Тюлень» въ надводномъ положеніи занялъ позицію сейчасъ же за нимъ. Островъ скрывалъ его отъ врага.

Лодка приготовилась къ артиллерійскому бою. На этотъ разъ послѣ случая съ пароходомъ «номеръ сорокъ второй» носовое австрійское орудіе было замѣнено русскимъ. Такимъ образомъ артиллерійское вооруженіе «Тюленя» нынѣ состояло изъ двухъ 75 м.м. орудій нашего Металлическаго завода. Минные аппараты были тоже на «товсь» на случай, если бы пришлось взорвать пароходъ.

Но весь экипажъ зналъ о твердомъ намѣреніи командира взять пароходъ на абордажъ. Общее настроеніе было приподнятымъ. Призовая партія, которая должна была броситься приступомъ на вражескій бортъ, горѣла однимъ стремленіемъ: скорѣй, скорѣй. У всѣхъ

---

[1]) Смотри главу „Дѣло съ вооруженнымъ пароходомъ № 42".

была непоколебимая увѣренность въ успѣхѣ. Ночь стояла темная. Луны не было. На морѣ начиналось волненіе. Дувшій отъ веста вѣтеръ свѣжѣлъ...

Притаившаяся за островомъ лодка съ напряженіемъ ждала врага...

Въ направленіи на нордъ-вестъ появилось темное, расплывчатое пятно.

— Дымъ!

Безшумно двигалась темная масса, обогнула островъ и, видимо, легла на курсъ остъ, на мысъ Баб-а. Скрытый темнотой неясно обозначился безформенный силуэтъ. Только опытный глазъ могъ его обнаружить.

Давъ ходъ электромоторамъ, лодка вышла изъ засады и пошла на сближеніе. Былъ третій часъ ночи. Наступалъ рѣшительный моментъ. Смерть спустилась и витала тутъ, подкарауливая жертвы...

Видя, что курсы лодки и парохода сходятся, и дистанція уменьшается, и что пароходъ уже отрѣзанъ отъ берега — словомъ, убѣдившись въ выгодѣ своей позиціи, командиръ рѣшилъ дать бой. Разстояніе до врага было 5—6 кабельтовыхъ. Несмотря на темный фонъ неба и моря, силуэтъ корабля былъ все же достаточно виденъ для пристрѣлки.

— Огонь!

Засверкали молніи. Загромыхали пушки.

По фейерверкамъ искръ и разрывамъ снарядовъ видно было, что первые же снаряды угодили въ цѣль.

Врагъ въ свою очередь открылъ огонь.

Онъ былъ вооруженъ двумя 88 м.м. орудіями и двумя скорострѣльными пушками болѣе мелкаго калибра. Противъ нашихъ двухъ 75 м.м. орудій. Одно удачное попаданіе могло потопить лодку или вывести изъ строя. Снаряды съ жужжаніемъ и свистомъ проносились надъ головой, разрываясь на перелетахъ.

Бой разгорался...

Безпрерывно сверкали молніи. Грохотали выстрѣлы.

На пароходѣ занялся пожаръ. Вырвавшіеся наружу языки пламени временами освѣщали его мачты, трубу, мостикъ. Свѣжій вѣтеръ раздувалъ пожаръ. Но «Родосто» не уменьшалъ силы своего огня.

На «Тюленѣ» прислуга орудій сбилась съ ногъ.

Безъ фуражекъ, въ однихъ тѣльникахъ, хоть выжми, люди не успѣвали подавать патроны за патронами. Но командиръ требовалъ все большей и большей силы огня. Среди гула пальбы слышался его страшный голосъ, повелѣвавшій удвоить, утроить, удесятерить бѣглость огня.

Вдругъ на пароходѣ вихрь огня съ новой силой вырвался къ небу. Зловѣщее зарево освѣтило его.

Видимо, экипажъ уже не въ силахъ былъ справиться съ пожаромъ. Онъ разростался. Но артиллерійскій огонь не ослабѣвалъ. Поединокъ продолжался съ прежнимъ ожесточеніемъ.

Пароходъ, рѣзко уменьшилъ ходъ. Вѣроятно, снарядъ повредилъ машину.

— Стрѣляй! Стрѣляй, черти! Стрѣляй!.. — гремѣлъ Китицынъ на своихъ комендоровъ. Но тѣ и такъ работали какъ львы. Ихъ мокрыя спины не разгибались. Безпрерывно трещали затворы. Ревѣли пушки. Вспышки выстрѣловъ зайчиками бѣгали по сѣрой стали низкаго борта, мгновеніями освѣщая черные силуэты и полосатые тѣльники судорожно работавшихъ людей.

Несмотря на разроставшійся пожаръ, непріятель не прекращалъ огня. Сила его не уменьшалась Но всѣ разрывы его снарядовъ ложились позади. Ни одинъ не попалъ въ лодку.

Между тѣмъ на «Тюленѣ» запасъ снарядовъ быстро истощался. Но командиръ не обращалъ на это вниманія. Охваченный экстазомъ боя, онъ неистово требовалъ усиленія огня еще и еще...

— Послѣдній патронъ! — крикнулъ управлявшій огнемъ лейтенантъ Краузе.

— На а-б-о-р-д-а-а-ж-ъ!!! — загремѣлъ въ отвѣтъ Китицынъ.

— Лѣво на бортъ!

— Электромоторы самый полный ходъ!

Китицынъ повернулъ прямо на пароходъ, не обращая вниманія на его огонь.

Загудѣли моторы. Смолкли пушки. Патроновъ больше не было. Готовая броситься на приступъ призовая партія съ оружіемъ въ рукахъ застыла наверху.

Полнымъ ходомъ, ныряя въ волнахъ, шла лодка на пароходъ. Вода захлестывала палубу, обдавала людей.

Вѣтеръ крѣпчалъ. Но мокрые, полуголые люди не замѣчали ничего. Сжимая оружіе, они видѣли передъ собой только тяжелую массу быстро сближавшагося врага. Охваченный пожаромъ пароходъ медленно подвигался впередъ. Машина его бездѣйствовала. Онъ шелъ только по инерціи. Его пушки продолжали огонь. Высоко надъ головой жужжали снаряды...

Врагъ близокъ... Его высокій, поблескивающій заревомъ и вспышками выстрѣловъ бортъ, какъ черная неприступная стѣна передъ глазами... Еще мгновенье и лодка сойдется съ нимъ. Въ темнотѣ ночи казалось, что на полномъ ходу она разобьется объ его движущуюся громаду...

— Сдавайтесь! — по русски крикнулъ въ мегафонъ Китицынъ.

Пароходъ прекратилъ огонь. На этой дистанціи онъ былъ безцѣленъ. Носовая пушка дала еще нѣсколько выстрѣловъ и замолкла.

Ловкимъ поворотомъ руля лодка, съ опущенными кранцами, бортъ о бортъ, подошла къ врагу. За кормой забурлилъ бурунъ полнаго задняго хода.

Первымъ бросился на приступъ старшій офицеръ лейтенантъ Масловъ. По какому-то болтавшемуся концу онъ ловко, по обезьяньи, взлѣзъ на отвѣсную стѣну борта и съ револьверомъ въ рукахъ прыгнулъ на палубу.

Съ крикомъ «Уррра!» бросилась за нимъ призовая команда. По разнымъ выступамъ борта, цѣпляясь за пробойны, полѣзли люди на штурмъ. Какъ кошки карабкались они по отвѣсной стѣнѣ...

Это былъ моментъ, полный опасности и риска. Низкобортная лодка у высокобортнаго океанскаго корабля. На немъ свыше 60-ти человѣкъ команды, при шести офицерахъ. На лодкѣ всего 40 матросовъ и 5 офицеровъ, изъ коихъ часть осталась внутри. Непріятель могъ открыть ружейный и револьверный огонь, забросать ручными гранатами. Рискъ былъ огромный. Но сила духа и воля къ побѣдѣ были на нашей сторонѣ. Дерзновенный порывъ командира и обстановка правильной тактической позиціи и метода веденія атаки смяли психику врага.

Какъ выяснилось впослѣдствіи, нѣмцы, увидѣвъ на

черномъ фонѣ гористаго берега вспышки выстрѣловъ не могли разобрать силуэтъ и, по интенсивности огня, рѣшили, что имѣютъ дѣло съ однимъ изъ нашихъ новѣйшихъ эскадренныхъ миноносцевъ. Съ перваго же момента боя эта мысль, охватившая непріятеля, не мало способствовала успѣху нашего оружія, ибо диски прицѣловъ, при дальнѣйшемъ обслѣдованіи, оказались поставленными на 8—10 кабельтовыхъ, тогда какъ фактически бой шелъ на дистанціи въ 4—5 кабельтовыхъ. Это и объясняетъ причину всей стрѣльбы на перелетахъ. Силуэтъ лодки малой величины съ мостика парохода въ ночной темнотѣ казался силуэтомъ корабля большаго размѣра, находившагося на болѣе значительной дистанціи.

Масловъ прыгнулъ на палубу и замеръ на мгновеніе. Освѣщенные заревомъ пожара, вытянувшись въ струнку, стояли въ шеренгу шесть офицеровъ. Въ лѣвой рукѣ они, въ знакъ сдачи, держали кортики. Правой отдавали честь. Перешагнувъ черезъ чей-то трупъ, Масловъ подошелъ къ нимъ съ поднятымъ револьверомъ. Призовая команда, съ боцманомъ во главѣ, остановилась сзади. На палубѣ, сбитая въ кучу, стояла команда парохода. Кругомъ валялись убитые и раненые люди.

Было около 4-хъ часовъ утра.

Со всей торжественностью, присущей моменту, лейтенантъ Масловъ, пройдя по линіи нѣмецкихъ офицеровъ (только одинъ механикъ былъ турокъ), принялъ отъ каждаго кортики и передалъ ихъ подскочившему «призовику». Затѣмъ распорядился приспособить штормъ-трапъ, и плѣнные офицеры опустились въ лодку.

Покончивъ съ офицерами, призовая команда бросилась занимать пароходъ и тушить пожаръ. Мостикъ, машина и радіорубка были тотчасъ же заняты нашими вооруженными людьми. Безъ всякаго сопротивленія экипажъ былъ плѣненъ и частью спущенъ на лодку. Оказалось, что въ паникѣ, въ моментъ абордажа, нѣсколько матросовъ выбросились за бортъ. Кругомъ слышались ихъ душераздирающіе крики. Стали вылавливать. Для ухода за ранеными съ лодки потребовали фельдшера.

Тушеніе пожара вызвало огромныя затрудненія. Избитые въ бою шланги не дѣйствовали. Паръ осѣдалъ. Брандсбойты были исковерканы. Приходилось дѣйствовать вручную. Ѣдкій дымъ, окружавшій корабль, стлался по палубѣ, наполняя собой всѣ помѣщенія. Онъ душилъ людей и ѣлъ глаза. Но это не останавливало призовиковъ. Съ топорами и ломами бросились они въ самое пекло, разбрасывая пылавшія надстройки. Многіе получили ожоги, но не обращали вниманія на нихъ. Одновременно было приступлено къ исправленію поврежденій въ машинѣ. Къ счастью, они оказались незначительными, и вскорѣ можно было дать ходъ, хотя и не большой.

Опасаясь, что пароходъ успѣлъ до сдачи вызвать себѣ помощь, командиръ торопилъ людей. Какъ только поврежденія машинъ были нѣсколько исправлены и выяснилось, что пароходъ можетъ дать ходъ, Китицынъ приказалъ лейтенанту Маслову вступить въ командованіе пароходомъ и слѣдовать въ Севастополь. Самъ въ надводномъ положеніи пошелъ рядомъ.

Въ Севастополь полетѣло шифрованное радіо: — «Съ боемъ захватилъ вооруженный пароходъ «Родосто». Шесть тысячъ тоннъ. Иду Севастополь. «Тюлень».

Командующій флотомъ немедленно приказалъ эскадренному миноносцу «Быстрый» полнымъ ходомъ выйти навстрѣчу.

Несмотря на нечеловѣческія усилія, не удалось вполнѣ овладѣть пожаромъ. То тутъ, то тамъ онъ вспыхивалъ съ новой силой. Всю ночь измученные люди боролись съ огнемъ. Только съ восходомъ солнца удалось болѣе или менѣе локализировать пожаръ.

Эвакуированная на лодку часть команды «Родосто» была посажена въ носовой кубрикъ, подъ охрану часовыхъ. Командиръ и офицеры были сгруппированы въ каютъ-компаніи, гдѣ были приняты съ соотвѣтствующими морскимъ традиціямъ вѣжливостью и корректностью. Само собой разумѣется, всѣ они были въ крайне подавленномъ состояніи. Особенно же командиръ. Онъ не скрывалъ своей горечи и никакъ не могъ придти въ себя отъ сознанія, что допустилъ захватить себя маленькой подводной лодкой, когда думалъ, что имѣетъ

дѣло съ большимъ миноносцемъ. Душевное состояніе его было таково, что за нимъ пришлось установить особый надзоръ. Опасались, что онъ покончитъ съ собой.

Утромъ, передъ подъемомъ флага, на лодкѣ и на плѣненномъ кораблѣ всѣ выстроились во фронтъ. Командиръ поздоровался съ командой и горячо поблагодарилъ экипажъ за лихую, молодецкую работу.

— Рады стараться, Ваше-скородіе...

Ровно въ 8 часовъ забили склянки. Обнажились головы. Подъ торжественное пѣніе гимна и свистъ дудокъ, на гафелѣ захваченнаго корабля взвился Андреевскій флагъ, а подъ нимъ красный турецкій съ полумѣсяцемъ и звѣздой... Грянуло ура...

Командиру подали шифрованную депешу съ «Быстраго». Миноносецъ предупреждалъ, что идетъ навстрѣчу и запрашивалъ о курсѣ и ходѣ лодки.

— Курсъ нордъ-остъ 30, ходъ 8 узловъ — отвѣтилъ «Тюлень».

Солнце все выше подымалось надъ горизонтомъ. Загорѣлые, обвѣтренные, счастливые успѣхомъ, все еще возбужденные ночнымъ дѣломъ люди съ наслажденіемъ тянулись къ нему. Море все еще волновалось...

Въ 50-ти миляхъ отъ Херсонесскаго маяка произошла встрѣча съ «Быстрымъ». Миноносецъ, держа сигналъ съ поздравленіемъ, сближался на полномъ ходу... Выстроенная вдоль борта команда кликами ура привѣтствовала «Тюленя».

Въ 16 часовъ 35 мин. въ голубой дымкѣ открылся мысъ Айя. Показался Фіолентъ.

Родной берегъ!

Отрядъ обогнулъ Херсонесскій маякъ и вступилъ въ каналъ миннаго поля. Тральщики показывали путь.

Впереди шелъ «Тюлень» съ выстроенной вдоль борта командой.

За нимъ — «Родосто». Подъ русскимъ флагомъ — турецкій.

Въ кильватеръ ему — «Быстрый».

Севастополь, знавшій уже о подвигѣ «Тюленя», торжественно встрѣчалъ побѣдителя.

На эскадрѣ офицеры и команды во фронтѣ. Командующій флотомъ со штабомъ наверху...

Окрестъ гремитъ встрѣчу. Ура несется со всѣхъ кораблей.

«Тюлень» проходитъ мимо Адмирала и подъ несмолкаемыя овацiи направляется къ своей базѣ.

У Зунгулдака.

... «Моржъ» подкрался къ Зунгулдаку.

Высунули перископъ... Два парохода грузятся углемъ...

— А-а, голубчики! Попались!

Маленькiй, бравый, пружинистый командиръ «Моржа»- старшiй лейтенантъ Погорѣцкiй, въ восторгѣ.

— Хоть вѣчность простою, а ухлопаю обоихъ!

По временамъ высовывая перископъ, не спускаетъ съ нихъ глазъ. Сторожитъ жертву у самаго входа.

Въ перископъ отчетливо виденъ портъ, пароходы и весь процессъ погрузки. По сходнямъ — вереницы «банабаковъ» носятъ мѣшки съ углемъ. Работаютъ краны, снуетъ народъ...

Вечеретъ... Погрузка въ полномъ ходу. Пароходы спѣшатъ, чтобы съ наступленiемъ темноты тронуться въ путь и раннимъ утромъ проскочить въ Босфоръ.

Но вотъ солнце спряталось за горизонтъ. Быстро сгущаются сумерки. «Моржъ» еще поддался впередъ...

На ближайшемъ пароходѣ тронулся канатъ... Пароходъ выбираетъ якорь. Сейчасъ будетъ выходить.

— Аппараты товсь!

Пароходъ, выбирая канатъ, все больше и больше поддается къ выходу... Онъ весь, какъ на ладони. Изъ воды показался якорь. Не подозрѣвая опасности, капитанъ даетъ ходъ...

Сумерки совсѣмъ сгустились. Надвинулась ночь. Но привычный глазъ Погорѣцкаго ясно различаетъ силуэтъ.

Малымъ ходомъ пароходъ подходитъ къ выходу. Показывается его носъ, мостикъ, труба...

— Правая пли!!

Съ шумомъ вылетѣла мина. Всѣ замерли... Нѣсколько секундъ могильной тишины...

Яркая зарница. Потрясающій взрывъ...
Приготовились атаковать другой.
Но тотъ, увидѣвъ гибель товарища, моментально далъ задній ходъ...

Атака Погорѣцкаго.

1 ноября 1916 года «Моржъ» находился у Босфора... Было около 4-хъ часовъ пополудни, когда «сигнальщикъ» комендоръ Дурновъ замѣтилъ дымъ въ нордъ-остовой части горизонта. Дымъ былъ настолько слабъ, что первоначально его приняли за облачко.

По истеченіи нѣсколькихъ минутъ очертанія дыма стали яснѣе. Командиръ приказалъ погружаться.

Пошли на сближеніе... Какъ обычно, приготовили носовые трубчатые аппараты и четыре Джевецкаго.

Вскорѣ выяснилось, что виденъ не одинъ дымъ, а цѣлыхъ три. Шелъ вражескій отрядъ... Это несомнѣнно были военные корабли, такъ какъ скорость схожденья не соотвѣтствовала скорости «купцовъ».

Сравнительная удаленность лодки отъ Босфора заставила командира, чтобы своевременно выйти на курсъ противника, полнымъ ходомъ идти прямо на пересѣчку, не считаясь съ наличіемъ миннаго загражденія. Это создавало еще другую опасность, ибо перемѣщеніе лодки большимъ ходомъ подъ водой вызывало замѣтную рябь на поверхности и буруны у перископовъ. Кромѣ того, перископы такъ вибрировали, что въ нихъ рѣшительно ничего нельзя было разсмотрѣть. Поэтому командиръ, какъ только опредѣлилъ курсъ и ходъ противника, ушелъ на глубину 40 футъ.

Пройдя минутъ 10 на этой глубинѣ, уменьшилъ ходъ до 5 узловъ и всплылъ до 22 футъ, чтобы высунуть перископъ. Оріентировавшись снова ушелъ на 40 футъ. Такъ онъ продѣлалъ нѣсколько разъ, пока, наконецъ, не сблизился съ врагомъ настолько, чтобы можно было его распознать.

Приставилъ глаза къ перископу и впился въ него...
Обозначился большой, мощный силуэтъ въ бѣломъ бурунѣ...
Гебенъ!!!

Его охраняли два миноносца. Одинъ шелъ въ кильватеръ. Другой — на правомъ траверзѣ.

Такъ какъ до предположенной позиціи оставалось еще кабельтовыхъ 30, Погорѣцкій крикнулъ стоявшему у второго перископа лейтенанту Гофману, — «передать въ машину — дать все, что только есть!»

Сознаніе, что лодка идетъ въ атаку на «Гебена», что создается возможность утопить главнаго врага, взвинтило всѣхъ... Охотничій экстазъ охватилъ людей. Умъ, воля, нервы напрягались до отказа. Все, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось на единой цѣли, на одной мечтѣ. Вотъ почему «Моржъ» превзошелъ самъ себя и развилъ сверхъ максимумъ своей энергіи.

Лодка вышла на позицію. Наступила напряженнѣйшая минута...

— Правый носовой! Номера I, II, III, IV товсь! — пронизываетъ тишину нервная, повелительная команда...

Грозный корабль и окружающіе его миноносцы близко...

Глядя по временамъ на часы, Погорѣцкій отъ нетерпѣнія вытанцовываетъ на мѣстѣ...

Время!

Быстро высовывается перископъ, **уже для стрѣльбы.** Уголъ опереженія, соотвѣтствующій скорости противника въ 25 узловъ, установленъ...

Но не успѣлъ Погорѣцкій прильнуть глазомъ къ окуляру, какъ голова его отпрянула.

— Твой перископъ!!! Живо! — Лѣво на крамболѣ миноносецъ!

— Пли!!!

Едва лейтенантъ Гофманъ дотронулся до рукоятки своего перископа, какъ новая громовая команда.

— Быстро ныряй 80 футъ!! Двѣ тысячи амперъ на моторъ!

Гофманъ все же поднялъ перископъ... Сквозь пѣну и брызги на лодку несся миноносецъ. Яркими вспышками сверкали выстрѣлы. Выла сирена...

Миноносецъ проскочилъ надъ самой головой, едва не задѣвъ лодку винтами...

Секундомѣры отсчитывали секунды...

20, 30, 40, 45...

Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи грохнулъ глухой

взрывъ. Вновь послышался шумъ приближающихся винтовъ...

Несмотря на сильное желаніе взглянуть на результатъ атаки, благоразуміе подсказало не приближаться къ поверхности и выждать время, пока миноносецъ потеряетъ лодку.

Когда же высунули перископъ — ничего, кромѣ густого дыма нельзя было разобрать. . . . .

. . . . . .

Выпущенныя пять минъ звѣздой устремились на «Гебена»... Завидѣвъ перископъ и мины, охранный миноносецъ завылъ условленной сиреной и бросился таранить «Моржа». «Гебенъ» шарахнулся въ сторону. Четыре мины пронесло мимо, но пятая попала въ цѣль.

Сверкнуло пламя взрыва... Черный густой дымъ окуталъ «Гебена». Его то и видѣли съ «Моржа». . . .

. . . . . .

Погорѣцкій за эту лихую атаку получилъ Георгіевскій крестъ. Онъ вскорѣ ушелъ съ «Моржа», вступивъ въ командованіе дивизіономъ подводныхъ лодокъ.

«Гебенъ» еле добрался домой...

На „Дерзкомъ".

...Показались далекія очертанія Босфора...

Облитый снопами золота горячаго іюльскаго солнца миноносецъ, послушный мановенію руки командира, покатился влѣво и весело понесся вдоль азіатскихъ береговъ...

Въ полуденной жарѣ отточенной сталью сверкаетъ море... Пылающая палуба жжетъ пятки... Смоченные чехлы въ моментъ высыхаютъ на головахъ... Томитъ жара...

Взоры устремлены вдоль темнѣющихъ, быстро несущихся мимо, очертаній береговъ.

Командиръ молча разгуливаетъ по мостику. Вахтенный начальникъ и штурманъ лѣниво перекидываются словами. Клюютъ головами разморенные сигнальщики. Вздрогнетъ какой-нибудь изъ нихъ, схватится за бинокль и снова заклюетъ...

Послѣ сытнаго борща съ жирнымъ пайкомъ такъ

и тянетъ «на боковую», особенно въ такое пекло. Такъ сладко сейчасъ всхрапнуть въ тѣни амбара или подъ стогомъ сѣна. Отъ этой мечты глаза сами слипаются. А тутъ изволь стоять, да смотрѣть въ бинокль въ «евту» слѣпящую даль...

На горизонтѣ показалась точка...

Сигнальщики встрепенулись.

— ВВБ! — Что-то видать...

Всѣ оживились... Пришли въ движеніе трубы, бинокли.

Миноносецъ измѣнилъ курсъ...

Обозначилась шхуна... Одиноко полощетъ парусъ...

Подошли ближе. Ни единой души...

Спустили шлюпку.

На шхунѣ никого. Вѣроятно турки, завидѣвъ миноносецъ, сѣли въ ботъ и удрали.

Въ ожиданіи результатовъ осмотра, миноносецъ описываетъ кругъ... На шхунѣ кипитъ работа. Мелькаютъ фигуры шныряющихъ по палубѣ людей. Вотъ появился огромнѣйшій сундучище и перекочевалъ въ шлюпку... Шлюпка отошла и направилась къ миноносцу... Поднявъ ее вмѣстѣ съ сундукомъ, командиръ подошелъ вплотную къ шхунѣ и взялъ ее на буксиръ.

Вскрыли сундукъ... Запестрѣли ткани... Оказалось, цѣлое приданое турецкой невѣсты. Чего только не было! И куски матеріи, всевозможныя чадры, шарфы, бѣлье, одѣяла, платья, сумочки изъ жемчуга, бисера, даже денежный пакетъ...

Всѣ сгрудились вокругъ вывернутаго добра. Матросы на корточкахъ ощупываютъ, оцѣниваютъ добротность матерій. Кто-то вытащилъ шальвары, другой — маленькія сандаліи, въ которыхъ турчанки моются въ банѣ. На высокихъ каблучкахъ изъ желѣзнаго дерева съ перламутровыми украшеніями и кованаго серебра перемычками. По всему видно — невѣста изъ богатыхъ.

Несчастная! Какъ горько заплакала бы она, увидѣвъ все свое, столь заботливо собранное приданое, разложеннымъ на палубѣ вражескаго миноносца...

Но что же дѣлать съ нимъ? Рѣшили разыграть въ безпроигрышной лотереѣ, а деньги, по возвращеніи въ Севастополь, сдать въ государственный банкъ, въ приходъ казны.

Тотчасъ же состряпали билетики и побрасали въ фуражку. Матросы — любители лотереи — забыли сонъ, и пекло, и жажду... Загудѣли, словно на ярмаркѣ, и полѣзли шершавыми руками въ фуражку. Сразу никто не вынимаетъ, а шаритъ, точно колдуетъ, чтобы вытянуть билетикъ получше...

Не мало было смѣха и остротъ, когда раскрывались билетики и вытаскивались соотвѣтствующіе предметы. Особенно, когда доктору попались шелковыя шаровары, и офицеры тутъ же напялили ихъ на него...

* *
*

18 іюля того же 1917 года «Дерзкій» получилъ заданіе захватить лайбу, посадить въ нее шпіоновъ и отправить ихъ въ одинъ изъ турецкихъ портовъ.

Принявъ трехъ банабаковъ, вышелъ въ море и на слѣдующій день уже опять несся вдоль непріятельскихъ береговъ.

Но, какъ это часто бываетъ, когда нужно — ни одной лайбы. Такъ, въ поискахъ ея, добѣжалъ до мыса Керемпе, когда, вдругъ, увидѣлъ стоящую у самаго берега лайбу съ убранными парусами.

Лайба стояла на якорѣ. Съ кормы швартовами была закрѣплена за скалы. На берегъ переброшена сходня...

День стоялъ восхитительный. Ни облачка. Отчаянно сверкалъ ослѣпительный солнечный дискъ. Сквозь его лучи смутно виднѣлись лѣсистыя горы, маякъ, два большихъ сѣрыхъ зданія съ бойницами вмѣсто оконъ. На отмели — опрокинутыя лодки. Сушатся рыбачьи сѣти. Ни единой человѣческой души...

Въ трехъ кабельтовыхъ отъ берега «Дерзкій» застопорилъ машины. Командиръ вызвалъ мичмана Казакова, приказалъ собрать охотниковъ отправиться на лайбу и на буксирѣ вельбота доставить ее къ миноносцу. Самъ «Дерзкій» не могъ подойти за недостаточностью глубинъ.

Охотниками назвались гардемарины Герасимовъ, Чаусовъ и Рубецъ. Послѣднему отказали, такъ какъ онъ былъ вахтеннаго отдѣленія. Вызвались также два бравыхъ унтеръ-офицера, Процюкъ и Стремблянскій, и вѣстовой мичмана Казакова, матросъ Крысъ.

Спустили вельботъ (моторъ былъ въ ремонтѣ),

Охотникамъ роздали винтовки, снабдили патронами. Казаковъ сунулъ въ карманъ револьверъ, и экспедиція отправилась...

Нужно замѣтить, что на вельботѣ весла были совершенно новыя, только что принятыя отъ порта, передъ самымъ походомъ. Ихъ не успѣли еще обить кожей (у уключинъ) и прикрѣпить шкертами, чтобы не могли соскользнуть за бортъ и уплыть. Это обстоятельство, какъ сейчасъ увидимъ, едва не погубило всю экспедицію.

Вельботъ направился къ лайбѣ...

На носу, съ положенными на бортъ и приготовленными для стрѣльбы винтовками, залегли гардемарины Чаусовъ, Герасимовъ и матросъ Крысъ. Гребцы налегли на весла, и вельботъ вмигъ подлетѣлъ къ лайбѣ.

Первымъ выскочилъ мичманъ, крикнувъ гребцамъ не выпускать веселъ и помнить, что они не привязаны. За нимъ — оба унтеръ-офицера, и тотчасъ же приступили къ осмотру.

Большая лайба была пустой... На палубѣ подъ обрывкомъ тента — столъ. На немъ забытая феска, свѣже нарѣзанные ломти баранины, хлѣбныя надкусанныя лепешки, самодѣльный ножъ — обломокъ ятагана, въ деревянныхъ ножнахъ... Словомъ, всѣ признаки, что лайба только что брошена.

Хотя и старая, но крѣпко сбитая, она вполнѣ подходила для предназначенной цѣли, а потому мичманъ приказалъ захватить ее и подымать «яшку». Самъ, взявъ со стола ятаганъ, побѣжалъ на корму, обрѣзалъ концы, скинулъ ногой сходню и спрыгнулъ въ вельботъ.

Пока унтеръ-офицеры выбирали якорь, вельботъ сталъ разворачиваться веслами, чтобы подойти къ носу лайбы и взять ее на буксиръ.

Въ этотъ моментъ, словно пчелы, что-то зажужжало кругомъ... Мелкими всплесками закипѣло море...

Не успѣли понять, въ чемъ дѣло, какъ сидѣвшій загребнымъ минно-машинный унтеръ-офицеръ Бухаревъ, вдругъ выпустилъ весло, схватился за голову и со стономъ повалился на дно шлюпки.

Съ берега донесся сухой трескъ...

Свалился гардемаринъ Чаусовъ... Другой гребецъ,

матросъ Черныхъ, какъ то неестественно скрючился, навалился всѣмъ туловищемъ на бортъ, накренилъ вельботъ и бултыхнулся въ воду, кровью окрасивъ ее. **Два весла поплыли въ сторону...**

Остались нераненными два гребца. Но въ паникѣ, отъ неожиданности, инстинктивно спрятались за бортъ и... **выпустили весла...**

Осталось только одно — запасное.

Выхвативъ револьверъ, мичманъ привелъ въ себя растерявшихся гребцовъ. Одинъ изъ нихъ схватилъ послѣднее весло и началъ отчаянно грести. Но вельботъ не двигался и только закружилъ на мѣстѣ, обсыпаемый пулями...

Положеніе становилось критическимъ... Весла все дальше отплывали. Ослѣпленный солнцемъ, миноносецъ недоумѣвалъ въ чемъ дѣло...

Гардемаринъ Герасимовъ и матросъ Крысъ мужественно отстрѣливались, не теряя присутствія духа. Съ горъ сбѣгали аскеры на поддержку залегшимъ среди скалъ...

Несчастный Бухаревъ лежалъ мертвымъ съ развороченнымъ черепомъ. Гардемаринъ Чаусовъ, раненый въ животъ разрывной пулей, истекалъ кровью. Тяжело раненый въ бедро, съ разбитой костью, вывалившійся за бортъ матросъ Черныхъ судорожно цѣплялся за вельботъ...

Оставшіеся на лайбѣ, унтеръ-офицеры, угадавъ западню, бросились за бортъ, успѣвъ все же проломать дно. Стремблянскій — природный керченскій рыбакъ и великолѣпный пловецъ — нырнулъ въ глубину и вынырнулъ у самаго вельбота. Процюкъ же, обсыпаемый пулями, поплылъ «саженками» и благополучно добрался...

Между тѣмъ весла уже порядочно отнесло въ сторону берега. Попрежнему, ослѣпленный солнцемъ, миноносецъ бездѣйствовалъ...

Тогда мичманъ приказалъ Стремблянскому плыть за веслами. Перекрестившись, лихой унтеръ-офицеръ исчезъ подъ водой... Скоро голова его вынырнула среди веселъ. Турки замѣтили и, догадавшись въ чемъ дѣло, открыли по торчащей головѣ бѣшеный огонь. Но голова была не дура. Нырнула и, вынурнувъ

въ двухъ шагахъ, снова стала ловить весла. Турки перенесли огонь... Голова вновь нырнула. Показалась рука и схватила еще одно весло... Такъ продолжалось, пока Стремблянскій не захватилъ всѣ весла и исчезъ подъ водой...

Огонь снова сосредоточился на вельботѣ... Гардемаринъ Герасимовъ и матросъ Крысъ продолжали методично отстрѣливаться, но запасъ патроновъ изсякалъ. Тогда мичманъ Казаковъ, сорвавъ свою (оказавшуюся простр'ѣленной) фуражку и фуражку ближайшаго гребца, замахалъ на миноносецъ:

— Насъ обстрѣливаютъ. Откройте огонь.

Но минонсецъ, разобравшій, наконецъ, въ чемъ дѣло, опасался на короткой дистанціи попасть въ своихъ и выжидалъ, пока вельботъ отойдетъ.

Подобравъ изъ воды Черныхъ, вельботъ, подъ двумя веслами, направился къ миноносцу. Пули такъ и жужжали вокругъ...

На «Дерзкомъ» сверкнулъ огонь...

Низко, надъ самой головой вельбота пронесся настильный залпъ.

Снова сверкнули молніи. Миноносецъ открылъ бѣглый огонь...

Вельботъ подошелъ къ борту.

Приткнувшись головой къ планширю, безъ кровинки въ лицѣ, съ безмолвной тоской въ глазахъ, умиралъ гардемаринъ Чаусовъ. Тутъ же лежалъ другой умирающій — матросъ Черныхъ, съ раздробленнымъ, зіяющимъ бокомъ, также весь залитый кровью. На днѣ, безжизненно раскинувъ руки — уже похолодѣвшій трупъ убитаго Бухарева. Бортъ, весла, сапоги, одежда — все было въ крови...

Взволнованный командиръ встрѣтилъ охотниковъ...

Когда мичманъ окончивъ свой докладъ, обернулся къ берегу, то не узналъ его.

Идиллія мирной лѣтней, благоухающей тишины и знойнаго покоя смѣнилась хаосомъ дыма, огня, взлетающихъ глыбъ земли, развороченныхъ камней... Огромнымъ костромъ пылала лайба...

На мостикѣ, управляющій огнемъ мичманъ Пыхтѣевъ хладнокровно дѣлалъ свое дѣло...

Командиръ подошелъ къ Стремблянскому, обнялъ

его, горячо расцѣловалъ и поздравилъ съ Георгіевскимъ крестомъ 3-й степени (это былъ второй крестъ).

Вдругъ страшный взрывъ потрясъ окрестность. Огромная черно-бѣлая туча густой клубящейся ватой заволокла рѣшительно все... Взлетѣли на воздухъ сѣрыя зданія съ бойницами. Въ нихъ оказался складъ снарядовъ и бензина для подводныхъ лодокъ...

Миноносецъ далъ ходъ.

Командиръ, удрученный гибелью своихъ отважныхъ охотниковъ, не находилъ себѣ мѣста, упрекая себя, что предварительно не обстрѣлялъ берегъ. Настолько обманчивой казалась эта идиллія мира, тишины и его безжизненности.

Благородная душа капитана 2 ранга Салова долго терзалась, считая себя виновной въ этихъ смертяхъ. Вскорѣ погибъ и онъ самъ, на Малаховомъ курганѣ, отъ безпощадной предательской руки кронштадтскихъ убійцъ. Погибъ въ высокой степени мужественно и достойно...

Уже передъ самымъ заходомъ солнца миноносцу подвернулась другая лайба. Онъ ее захватилъ, пересадилъ шпіоновъ и, выполнивъ заданіе, вернулся въ Севастополь...

«Коробка съ сюрпризами».

Русскіе корабельные инженеры, строившіе въ Николаевѣ «Крабъ», задались цѣлью построить величайшій въ мірѣ подводный заградитель.

До войны техника этого рода оружія была еще въ зачаткѣ: не было опыта. На бокахъ «Краба» теорія воплощалась въ жизнь. Какъ всегда бываетъ въ новомъ дѣлѣ, при постройкѣ встрѣтились всякія неожиданности, появились новыя изобрѣтенія, вводились новыя усовершенствованія. Все это требовало безконечныхъ передѣлокъ. Словомъ, когда, наконецъ, «Крабъ» былъ готовъ, то самъ не походилъ на себя: настолько значительно разнился отъ первоначальнаго проекта.

Хотя инженеры и добились своего, и русскій флотъ сталъ обладателемъ величайшаго подводнаго заградителя (онъ принималъ запасъ въ 60 минъ, въ то время,

какъ наибольшій нѣмецкій — всего 25), практическія испытанія обнаружили цѣлый рядъ существенныхъ дефектовъ. Разразившаяся война не дала ни времени, ни возможности полностью устранить ихъ.

Главнѣйшей помѣхой являлась надстройка для храненія минъ. Расположенная наверху, она, при погруженіи заградителя, недостаточно быстро наполнялась водой. При малѣйшемъ кренѣ вода огромной массой устремлялась въ сторону наклона, настолько увеличивая его, что команда, какъ горохъ, сыпалась по палубѣ, не будучи въ силахъ удержаться на своихъ мѣстахъ. Какъ коромысло гигантскихъ вѣсовъ, качалась лодка при погруженіи. Казалось, вотъ-вотъ перевернется. При такихъ условіяхъ на погруженіе уходило около 20 минутъ. При неожиданной встрѣчѣ съ врагомъ, лодкѣ грозилъ неминуемый разстрѣлъ.

Частые пожары отъ короткаго замыканія тока и цѣлый рядъ таившихся въ ней неожиданностей закрѣпили за «Крабомъ» прозвище «коробки съ сюрпризами».

* *
*

Со вступленіемъ Болгаріи въ войну явилась необходимымъ закупорить Варну. Благодаря близости ея отъ Константинополя, пароходамъ не стоило особаго труда проскакивать ночью подъ самымъ берегомъ, несмотря на всю бдительность нашихъ миноносцевъ. Чтобы положить этому конецъ, адмиралъ Колчакъ приказалъ засыпать минами входъ въ Варненскій портъ. Выполненіе этой операціи возложили на подводный заградитель «Крабъ».

Но прежде чѣмъ «Крабу» сунуться туда, нужно было произвести тщательную рекогносцировку. Нужно было выяснить обстановку, провѣрить расположеніе батарей, наблюдательныхъ постовъ и секретныхъ фарватеровъ. Это опасное и отвѣтственное порученіе долженъ былъ выполнить «Тюлень» подъ командой нашего стараго знакомца, храбраго и лихого лейтенанта Китицына.

...Къ заходу солнца «Тюлень» подошелъ къ мысу «Каліакрія»... Требовалось залѣзть въ самое нутро вражескаго порта. Штурманъ, лейтенантъ Крафтъ, раз-

считалъ, что, принимая во вниманіе окружавшія Варну непріятельскія минныя поля, понадобится минимумъ 15 часовъ пробыть подъ водой. Поэтому, командиръ рѣшилъ съ разсвѣтомъ приступить къ дѣлу.

Какъ только начало свѣтать и горизонтъ достаточно расширился, штурманъ точно опредѣлилъ свое мѣсто, и лодка погрузилась. Эта точность была необходима, чтобы не взорваться на вражескихъ минахъ.

Еще ночью произошелъ слѣдующій эпизодъ. Стоявшіе «собаку» вдругъ увидѣли, что что-то движется по рубкѣ... Крыса!... Она спустилась на палубу, огляну-лась, потянула воздухъ и, прыгнувъ за бортъ, поплыла къ берегу.

— Худо! — Скверная примѣта...

Моряки — суевѣрны...

Лодка погрузилась и, невидимая никѣмъ, осторожно вошла въ узкій, сѣверный фарватеръ, между минным загражденіемъ врага и 3-хъ-мильной подводной каменной грядой. Изрѣдка, на секунду, показывался перископъ. Пара проницательныхъ глазъ быстро охватывала берегъ... Обнаруженная батарея или постъ тотчасъ же наносились на карту...

Проходъ все уже, все опаснѣе. Справа подводные камни. Слѣва мины. Штурманъ, отвѣтственный за курсъ, старается держаться дальше отъ камней. Его штурманское самолюбіе предпочитаетъ взорваться на минахъ, чѣмъ опозориться на камняхъ. Командиръ, — наоборотъ, — норовитъ подальше отъ минъ. Между ними глухая борьба... Лодка медленно и осторожно продвигается впередъ... Время отъ времени, чуть-чуть, высовывается перископъ... Все новые и новые кружки наносятся на карту...

Лодка — у мыса, ворочаетъ въ самый портъ. Моментъ полный риска и опасности. Здѣсь сигнальный наблюдательный постъ. Глубина всего 20 фут. Меньше той, которую можетъ пройти лодка подъ перископомъ, не обнаруживъ себя. Подъ килемъ остается меньше одного фута. Лодка почти ползетъ по грунту... Приходится еще припустить перископъ и елико возможно всплыть. Опасно — въ случаѣ появленія гидро.

Имѣя надъ собой тонкій прослой воды, лодка легко

можетъ быть имъ обнаружена. Только глубина въ 60 фут. скроетъ ее.

«Тюлень» вошелъ въ портъ... Чуть высунули перископъ. Дивный солнечный день. Виденъ молъ. Гуляетъ публика... Спрятали перископъ. Снова высунули... Снова спрятали. Осторожно подошли къ молу. Заглянули въ гавань. Никто ничего не замѣчаетъ. Люди безпечно снуютъ по берегу. Сидятъ, свѣсивъ ноги, на молу... Карта все наполняется кружками и отмѣтками... Осмотрѣли гавань. Взяли ее на карандашъ... Описали петлю и пустились въ обратный путь...

Снова корридоръ. Снова глухая борьба... Въ послѣдній разъ высунули перископъ. Темно.

— Всплывай!

Семнадцать часовъ провела лодка подъ водой. Почти совсѣмъ не осталось кислорода. Дважды меняли воздухъ изъ запасныхъ баллоновъ.

Весь экипажъ высыпалъ наверхъ. Открытые рты дышатъ, не надышатся. Присѣвъ на корточкахъ за рубкой, чтобы не было видно огоньковъ, закурили въ кулакъ...

Командиръ рѣшилъ на завтра осмотрѣть входъ еще съ другой, южной стороны.

Пройдя мысъ Каліаркія, привели его за корму и легли вдоль самой кромки миннаго загражденія. Осмотрѣли фарватеръ. Что нужно записать — записали, но въ портъ не входили, такъ какъ съ этой стороны у мыса Галата были разставлены противолодочныя сѣти. **Болгары считали сѣверный фарватеръ непроходимымъ безъ лоцмана.**

Блестяще выполнивъ рекогносцировку, «Тюлень» вернулся въ Севастополь.

* * *

...На подводной базѣ необычайное оживленіе... Снаряжается въ походъ «Коробка съ сюрпризами». Грузятъ мины.

Получивъ благопріятныя предсказанія метеорологической станціи, напутствуемый пожеланіями, «Крабъ» вышелъ въ море...

Мѣрно и четко постукиваютъ клапаны керосино-

моторовъ. Миля за милей отсчитываетъ лагъ. Курсъ лежитъ на Варну. Погода тихая. Блещетъ солнце...

Въ каютъ-компаніи, на столѣ, раскинута карта. Флагманскій штурманъ подводной бригады склонился надъ ней. Яркимъ пятномъ обозначено вражеское минное поле. Со стаканами чая кругомъ стоятъ офицеры, интересуясь деталями похода.

Къ вечеру, вопреки предсказаніямъ обсерваторіи, засвѣжѣло. Въ полночь стало совсѣмъ свѣжо. Пришлось одѣться по штормовому. На голову напялили «люйдъ-вестки»...

Съ шумомъ разбиваются волны о волнорѣзъ рубки. Потоки воды окатываютъ людей. Иная накроетъ совсѣмъ, и, кажется, духа не хватаетъ, пока лодка снова всплыветъ на набѣгающій валъ...

Судорожно вцѣпившись въ поручни, трое людей внимательно вглядываются въ непроницаемую тьму... Одежда не предохраняетъ. По тѣлу текутъ холодныя струйки. Непромокаемые сапоги полны. Мелкой дрожью дрожитъ тѣло...

Все злѣе и злѣе обрушиваются волны. Лодка ныряетъ. Оголяются винты. Моторы даютъ перебой и останавливаются одинъ за другимъ. Къ 2 часамъ ночи остановился послѣдній. Лодку поставило лагомъ (бокомъ къ волнѣ). Качка стала ужасной. Розмахи достигали 55 град., при 27-ми колебаніяхъ въ минуту. Въ каютъ-компаніи сорвало столъ. Команду стало укачивать...

Мотористы, съ позеленѣвшими лицами, пытались исправить поврежденія, но никакой возможности не было работать. Испаренія керосина и запахъ перегорѣлаго масла довершили дѣло, и весь экипажъ лежалъ пластомъ. Держался еще одинъ старшій офицеръ, лейтенантъ Монастыревъ. Выдѣлывая необычайные пируэты, чтобы сохранить равновѣсіе, онъ ходилъ по лодкѣ, подбадривая всѣхъ...

Видя, что при такой обстановкѣ нѣтъ возможности произвести ремонтъ машинъ, командиръ прибѣгъ къ послѣднему рессурсу, который онъ такъ берегъ до сихъ поръ. Были пущены въ ходъ электро-моторы. Лодка забрала ходъ...

Необходимость ремонта, безъ котораго не воз-

можно было приступить къ операціи, принудила командира идти въ ближайшій дружественный портъ Констанцу. Легли на него.

Послѣ ужасной ночи, всѣ нуждались въ отдыхѣ. Аварія требовала 2-3 дней работы.

По приходѣ въ Констанцу, первымъ дѣломъ подыскали помѣщеніе для команды. Офицеры размѣстились въ ближайшей гостиницѣ. Одинъ оставался дежурнымъ на лодкѣ.

Съ невыразимымъ наслажденіемъ взяли ванну, легли въ чистыя постели. И только легли, какъ заснули мертвецкимъ сномъ...

Съ утра закипѣла работа... Вдругъ гулкій набатъ церковныхъ колоколовъ заставилъ всѣхъ выскочить наверхъ.

— Въ чемъ дѣло?!...

Надъ городомъ парила эскадрилья германскихъ авіоновъ.

О погруженія нечего было и думать...

Аппараты, увидѣвъ лодку, закружились надъ ней. Одна за другой отдѣлились отъ нихъ черныя точки.

— Бомбы!!!

Онѣ рвались вокругъ лодки, среди гавани, не причиняя вреда.

Сбросивъ весь запасъ, нѣмцы скрылись въ облакахъ...

Въ гостиницѣ встрѣтилось нѣсколько русскихъ офицеровъ. Это были все офицеры секретнаго назначенія. По паспортамъ они не значились русскими. Среди нихъ былъ одинъ морякъ, капитанъ перваго ранга Б. Онъ тоже былъ секретнымъ агентомъ. Сфера его дѣйствій была Германія. До глубокой ночи дѣлился онъ жуткими воспоминаніями своего опаснаго ремесла. Сгрудившись на кровати номера, всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слушали его. Поражали спокойствіе и юморъ, съ которыми этотъ человѣкъ ходилъ на границѣ жизни и смерти. Однажды, напримѣръ, не успѣлъ онъ выйти изъ берлинскаго вокзала и сдѣлать нѣсколько шаговъ по Фридрихштрассе, какъ къ нему подходитъ какой-то субъектъ, показываетъ значокъ и требуетъ предъявить паспортъ. Съ олимпійскимъ спокойствіемъ капитанъ вынимаетъ заготовлен-

ный по всѣмъ правиламъ фальшивый паспортъ и показываетъ.

— Это не вашъ паспортъ. Вы не тотъ за кого выдаете себя. Вы русскій морской офицеръ, капитанъ 1-го ранга, Б.

Онъ тутъ же достаетъ изъ бокового кармана фотографическую карточку.

— Узнаете?

На карточкѣ изображенъ капитанъ Б., снятый въ моментъ выхода его изъ морского министерства въ Питерѣ.

Капитана немедленно арестовываютъ, какъ шпіона, и сажаютъ въ отдѣльную камеру, подъ крѣпкія рѣшетки тюрьмы.

Онъ прекрасно зналъ, что грозитъ ему, и приготовился къ смерти.

На третій день его выводятъ изъ тюрьмы. Ни слова не говоря, сажаютъ въ карету и подъ охраной жандармовъ доставляютъ на вокзалъ. Нѣсколько часовъ пробѣга въ изолированномъ купэ поѣзда и... граница. Свобода!

На необычайное счастье капитана почти въ то же время въ Россіи поймали германскаго шпіона. Ему грозила та же участь, что нашему капитану. Рѣшили размѣняться.

До поздней зари затянулась бесѣда... Взрывы бомбъ и гулъ набата встревожили всѣхъ. Очередной нѣмецкій налетъ...

Ихъ визиты осточертѣли всѣмъ. Городъ былъ въ паникѣ. Стоявшіе въ гавани пароходы недружелюбно косились на «Краба» — виновника участившихся налетовъ. Легко понять всеобщую радость и энтузіазмъ населенія, когда, послѣ полудня, въ портъ вошелъ русскій гидро-крейсеръ. Четыре русскихъ гидро тотчасъ же снизились и запарили въ облакахъ.

* * *

Работы по ремонту «Краба» закончились. Ждали прихода миноносца для отбуксировки къ Варнѣ. Наконецъ, пришелъ эскадренный миноносецъ «Безпокойный». Вошелъ уже въ портъ и приближался къ «Крабу», когда, вдругъ, раздался взрывъ, и огромный водяной

столбъ поднялся надъ нимъ. Миноносецъ сталъ быстро тонуть... Къ счастью, командиръ не растерялся и направилъ его на песчаную отмель.

Миноносецъ взорвался на румынской минѣ...

Пришлось ждать другого миноносца.

На слѣдующій день пришелъ «Гнѣвный» и, взявъ лодку на буксиръ, повелъ къ Варнѣ.

Опасная операція приближалась...

* *
*

Подошли къ мысу Каліакрія. Засинѣла полоса болгарскаго берега. На фонѣ голубого неба — стройная стрѣлка Варненскаго маяка. Дивный солнечный день. Экипажъ наверху, набирается свѣта и тепла...

Вдругъ на «Гнѣвномъ» взадъ и впередъ забѣгали люди. Миноносецъ рѣзко положилъ на бортъ. Рванулъ. Накренилъ лодку. Отдать буксиръ. Съ кормы грянулъ выстрѣлъ...

Два гидроплана парили надъ головой...

Какъ безумный, носился миноносецъ вокругъ «Краба», стрѣляя въ нихъ...

Повисшій на носу лодки стосаженный буксиръ, отъ сильнаго рывка, глубоко врѣзался въ надстройку, стѣсняя движенія лодки. Зубилами спѣшили его отрубить.

Гидро увидѣвъ, что лодка застопорилась, снизился надъ ней и сталъ изъ пулемета обстрѣливать ее и метать бомбы. Семь бомбъ близко разорвались кругомъ. Къ счастью, ни одна не попала. У самаго авіона вспыхнуло бѣлое облачко. «Гнѣвный» задѣлъ аппаратъ. Онъ рѣзко накренился, сейчасъ же выправился и забралъ высоту.

Летчики полетѣли за свѣжимъ запасомъ бомбъ.

Когда они вернулись, «Крабъ» отдѣлался отъ своего буксира и шелъ уже подъ водой. Подъ бомбы попалъ одинъ «Гнѣвный». Онъ яростно отстрѣливался, безпрестанно мѣняя курсы и ходъ.

Атака не удалась. Но операція была сорвана. Ее пришлось отложить еще на нѣсколько дней.

* *
*

Четыре дня спустя, «Крабъ», наконецъ, былъ у точки погруженія. «Гнѣвный», условившись о рандеву, — ушелъ.

Сгустились сумерки. Пошелъ дождь. Пасмурность благопріятствовала операціи.

Лодка погрузилась...

Все ближе и ближе подходитъ она къ своей цѣли. По расчетамъ штурмана, она уже у миннаго поля.

Чтобы не терять времени на обходъ его, командиръ рѣшается проползти подъ минами, напрямикъ. Только старшій офицеръ и штурманъ посвящены въ это.

Лодка вступила въ полосу загражденія.

Медленно продвигается впередъ. Подъ ногами грунтъ. Надъ головой мины. Зацѣпишься за минрепъ [1]) и — крышка. Въ лодкѣ тишина. Стучатъ клапаны. Отрывки командныхъ словъ... Нервы напряжены. Особенно у тѣхъ, кто знаетъ тайну.

Вдругъ всѣ вздрогнули и похолодѣли... Снаружи послышался какой-то посторонній царапающій звукъ... Минрепъ!!! Всѣ замерли... Царапанье продолжалось... Зацѣпитъ или соскользнетъ? Зацѣпимъ — подтянемъ мину. Она ударится о бортъ, и — всему конецъ...

Тѣ, кто и не зналъ, — поняли смертельную опасность. Творили молитву... Царапанье кончилось. Минрепъ соскользнулъ...

Подойдя къ мысу Галата, «Крабъ» повернулъ подъ прямымъ угломъ къ берегу и началъ постановку.

Одна за другой падали мины...

Въ новомъ элеваторѣ раздался подозрительный трескъ. На секунду элеваторъ застопорился. Но затѣмъ пошелъ вновь, постановка продолжалась... Карандашъ штурмана методично зарисовывалъ одну за другой линіи разставленныхъ минъ...

Наконецъ, послѣдняя падаетъ за бортъ...

— Право на бортъ!

Описавъ петлю, лодка вышла изъ опасной зоны.

Общій вздохъ облегченія. Опасная операція выполнена.

Всплыли въ полной темнотѣ. Обнаружился кренъ

---

[1]) Стальной тросъ, помощью котораго пловучая мина привязана къ своему якорю.

въ 8 град. — Въ чемъ дѣло?! Бросились въ надстройку...

Въ дверяхъ висѣла застрявшая двадцать девятая мина — виновница подозрительнаго треска и поломки вала элеватора...

Кренъ выправили, заполнивъ водой особый вытѣснитель. Этимъ время погруженія увеличивалось еще на 20 мин. Но не это уже пугало. Всѣ съ ужасомъ смотрѣли на застрявшую мину... Вынесешь свѣтъ — обнаружишь себя. Въ темнотѣ — не тронь — взлетишь на воздухъ. Рѣшили оставить до утра.

Положеніе отчаянное. Въ открытую дверь захлестывала волна, била мину. Съ запада медленно наползала грозная туча, гася одну звѣзду за другой...

Мучительно дожидались разсвѣта. Ночь казалась безконечной...

Со всевозможными предосторожностями расклинили мину. Закрыли дверь. Снова облегченно вздохнули...

Къ мѣсту рандеву подошелъ «Гнѣвный». На его буксирѣ пошли въ Севастополь.

Утомленные треволненіями ночи, кто только могъ, завалился спать...

Вдругъ дикій вопль — то-о-немъ! — разбудилъ всѣхъ. Командиръ мгновенно выскочилъ наверхъ. Онъ едва успѣлъ захлопнуть люкъ, какъ «Крабъ» ушелъ подъ воду...

«Гнѣвный» ничего не замѣчалъ. Не слышалъ отчаянныхъ криковъ. Онъ продолжалъ тянуть лодку, все болѣе и болѣе зарывая ее...

Выйдя на крыло мостика, вахтенный начальникъ оглянулся и... похолодѣлъ. «Краба» не было. Три захлебывающіяся головы торчали изъ воды...

— Стопъ машины!!

«Крабъ» медленно всплылъ... Съ нимъ всплыли и три промокшія по горло фигуры.

Оказалось — подъ клапанъ носовой балластной систерны что-то попало. Систерна стала медленно наполняться водой. Носъ отяжелѣлъ, и лодка ушла подъ воду... Сжатымъ воздухомъ продули клапанъ. Откачали воду и продолжали путь.

Вахтенный начальникъ уже не спускалъ глазъ съ буксируемой лодки.

* *
*

Придя въ Севастополь и произведя осмотръ оставшихся минъ, обнаружили, что одна изъ нихъ перевернута волной въ гнѣздѣ своего якоря. Часовой механизмъ отработалъ. Достаточно малѣйшаго толчка, чтобы произошелъ взрывъ.

Тотчасъ же убрали всѣхъ людей. Минный офицеръ полѣзъ въ надстройку обезопасить мину. Съ величайшими предосторожностями, напрягая всю свою волю и силу, онъ медленно и плавно перевернулъ ее и вывернулъ ударникъ...

Походъ былъ оконченъ.

«Коробка съ сюрпризами» и на этотъ разъ оправдала свое прозвище.

Въ гирлахъ Дуная.

— Ваше В-ie! — Ероплапъ!

Всѣ вмигъ обернулись... Далеко надъ горизонтомъ парила птица.

— Скорѣй!.. Прыгай въ шлюпку!.. Быстро!

Путая весла въ зарослях, гребцы навалились вовсю... До камышей оставалось нѣсколько саженей... Съ хрустомъ скользнула шлюпка и скрылась въ нихъ...

— Ломай вѣтки! — Прикрывайся...

Отчетливо послышался шумъ пропеллера. Люди притаились въ камышахъ...

* *
*

Осенній вѣтеръ гулялъ по осокѣ, вздувалъ Дунайскія волны. Люди ежились у костровъ, скулили на холодъ, ежеминутно подбрасывали хворостъ...

То были матросы морской дивизіи, расположившейся въ районѣ Сулина — одной изъ главнѣйшихъ базъ снабженія и питанія румынскаго флота.

* *
*

Особенность его здѣсь была та, что фронтъ не былъ сплошнымъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь дельта Дуная представляла собой огромную равнину (2500 кв. клм.), густо поросшую высокимъ камышомъ, скрывавшимъ человѣка, гдѣ бродили стада буйволовъ, рыскали волки и водилась особая порода водяныхъ птицъ. Испещренная безчисленными каналами, соединявшими между собой крупные рукава, островками-плавнями и болотами, мѣстность была неудобной для расположенія войскъ. Невозможно было рыть окопы. Стоило колупнуть землю, какъ просачивалась вода. Поэтому нѣмцы предпочли свои передовые посты и самую линію фронта вести по конфигураціи южной части этого района. Намъ же, для сохраненія связи съ непріятелемъ, приходилось свои передовые посты выдвигать впередъ въ этой неудобной и нездоровой мѣстности, гдѣ съ непривычки легко было схватить лихорадку. И все же между вражескими фронтами оставалась никѣмъ не занятой окружность въ добрыхъ 400—500 кв. миль.

Германскій фронтъ шелъ по Сулинскому гирлу. Примѣрно у Тульчи фронты сближались. Здѣсь нѣмецкій огибалъ южное и западное побережье Разелмскаго озера. Находящіяся тутъ большія селенія, Тузла и Журиловка, были превращены ими въ центральную авіаціонную базу.

Оборона устьевъ Дуная была ввѣрена морской дивизіи подъ начальствомъ свитскаго адмирала С. С. Фабрицкаго.

* * *

Взаимное удаленіе фронтовъ и особенности мѣстныхъ условій, удобныя для шпіонажа, требовали организаціи на мѣстѣ спеціальнаго развѣдывательнаго органа. Поэтому начальникомъ военно-морской развѣдки при штабѣ командующаго Черноморскимъ флотомъ, капитаномъ 1 ранга Нищенковымъ, — извѣстнымъ-организаторомъ этой службы, — была учреждена въ устьяхъ Дуная морская развѣдка. Начальникомъ ея былъ назначенъ старшій лейтенантъ Ч.

По прибытіи на мѣсто, онъ энергично взялся за дѣло и сразу же вошелъ въ связь съ мѣстнымъ населеніемъ, чтобы при посредствѣ его наладить секретныя

сношенія съ тѣми, кто остался по ту сторону германскаго фронта.

Для поѣздокъ по району понадобился кучеръ, хорошо знающій окрестность. Такой вскорѣ объявился — молодой, шустрый хлопецъ — «румынецъ» изъ нашихъ «хохловъ».

Черезъ нѣсколько дней лейтенантъ поѣхалъ въ объѣздъ. Дорога скучная, безлюдная... Лошадки бѣгутъ мелкой трусцой... «Омелько» скучаетъ на облучкѣ. Мурлычитъ пѣсню. Лейтенантъ отъ нечего дѣлать, вслушивается сквозь побрякиванье таратайки, въ слова:

— «Охфицеръ мій хорошій
Скинь чоботы, пріды босый,
Щобъ шпоры ни бряцали,
Щобъ собаки ни гарчалы»...

— Что это ты тамъ поешь?

— Да це-жъ у насъ дівчаты співаютъ. Теперя цихъ панічівъ богацько развылось, — обернулся Омелько, и, вдругъ, ткнулъ кнутовищемъ въ сторону вынырнувшаго изъ за пригорка селенія.

— А ось тутъ мій дідъ жывэ.

— Ну, такъ заворачивай къ нему.

Этотъ живчикъ-дідъ оказался золотымъ человѣкомъ для налаженія связи съ «потусторонними» липованами. Раздобыли и агентовъ изъ румынъ. Съ ними нужно было держать ухо востро, ибо и самъ начальникъ полиціи, капитанъ Іонеско, подозрѣвался въ германофильствѣ и находился подъ наблюденіемъ. Можно было легко наскочить на провокаторовъ. Изъ штаба прислали спеціалистовъ-профессіоналовъ. Среди нихъ особо выдающимся казался одинъ изъ бывшихъ матросовъ съ «Колхиды» — яхты русскаго посла въ Константинополѣ. Онъ прекрасно зналъ турецкій языкъ и всѣ балканскія нарѣчія. Это онъ, работая подъ носомъ у нѣмцевъ, давалъ намъ цѣннѣйшія свѣдѣнія и сообщалъ штабу о всѣхъ передвиженіяхъ «Гебена» и его поврежденіяхъ, работая столь же успѣшно, какъ и тотъ нашъ офицеръ, который сумѣлъ устроиться не болѣе и не менѣе, какъ поваромъ на... германскую подводную лодку, базировавшуюся на Корфу.

Штабъ французскаго флота, находившагося въ то

время въ греческихъ водахъ, никакъ не могъ понять, откуда русскій морской агентъ въ Аѳинахъ добываетъ такія точныя и подробныя свѣдѣнія о непріятелѣ и, конечно, ему и въ голову не приходило, что свѣдѣнія эти поступали непосредственно отъ... германской подлодки. Понятно, работа этого агента хранилась въ особо строжайшей тайнѣ.

Между прочимъ, тамошняя развѣдка выяснила любопытную подробность о внезапномъ нападеніи на Одессу турецкихъ миноносцевъ, имѣвшемъ мѣсто до объявленія войны. О ней разсказалъ мнѣ одинъ извѣстный на югѣ Россіи «дѣятель». Имени его по его просьбѣ я не называю.

Дѣло было такъ.

Еще въ маѣ 1914 года въ Одессѣ былъ арестованъ пароходъ «Грегоръ». Арестъ его послѣдовалъ по требованію британской пароходной компаніи «Мосэй-Рикъ С-ья».

Оказалось, что это общество въ свое время купило пять нѣмецкихъ пароходовъ гамбургской компаніи, перевозившихъ эмигрантовъ изъ Ревеля въ Нью-Іоркъ. Въ числѣ ихъ былъ и пароходъ «Бонъ», занимавшійся какими-то таинственными операціями въ Архипелагѣ во время греко-турецкой войны и тогда же перекрасившійся изъ «Бона» въ «Грегора».

За нѣсколько недѣль до начала великой войны, онъ, вдругъ, прибылъ въ Одессу, былъ «расшифрованъ» и арестованъ. Повидимому, этотъ арестъ входилъ въ планы германскаго генеральнаго штаба.

Команда была разсчитана. Остался одинъ капитанъ, которому, согласно обычаю, пароходъ и былъ сданъ на храненіе, до окончанія судебнаго процесса.

Капитанъ — очень общительный человѣкъ — поселился въ Европейской гостиницѣ, всюду бывалъ, входилъ во всѣ мелочи портовой жизни, со всѣми передружился и вдругъ исчезъ. Одновременно исчезъ и хозяинъ Европейской гостиницы.

Такъ какъ розыски оказались безрезультатными, судебный приставъ Чемена передалъ «Грегоръ» на храненіе капитану дальняго плаванія Матюшенко. Для совершенія всѣхъ формальностей была назначена комис-

сія подъ предсѣдательствомъ капитана 1 ранга Папа-Федорова.

Вотъ тутъ-то и обнаружилось, что исчезнувшій капитанъ оставилъ на пароходѣ всѣ свои вещи, хотя онѣ и были уже упакованы въ чемоданы. Что-то помѣшало ему захватить ихъ.

Когда чемоданы вскрыли, среди вещей нашли футляръ съ портретомъ Вильгельма съ собственноручной благодарственной надписью «за службу», начинавшейся словами: «нашему лейтенанту Матценъ» . . . и германскій орденъ. Капитанъ торговаго парохода оказался ни кѣмъ инымъ, какъ лейтенантомъ императорскаго флота, иначе — шпіономъ. Тутъ вспомнили нѣкоторыя таинственныя происшествія въ одесскомъ порту, случившіяся какъ разъ послѣ прихода «Грегора». Подозрительный пожаръ, напр., румынскаго нефтеналивного парохода, стоявшаго въ гавани у Воронцовскаго маяка. Хорошо, что вѣтеръ, дувшій съ моря, перемѣнился, иначе послѣдствія пожара были бы неисчислимы. И это — наканунѣ войны! Стало понятнымъ и внезапное исчезновеніе владѣльца Европейской гостиницы — нѣмца Экзельсера.

Этотъ самый Матценъ и командовалъ тѣмъ турецкимъ миноносцемъ, который неожиданно ворвался въ одесскій портъ. Онъ искалъ «Бештау», чтобы взорвать его, такъ какъ, по германскимъ свѣдѣніямъ, «Бештау» былъ груженъ снарядами и взрывчатыми веществами. Не нашелъ же онъ его только потому, что какъ разъ наканунѣ нападенія «Бештау» перемѣнилъ мѣсто и оказался заслоненнымъ другими пароходами.

Прекрасно оріентируясь въ столь хорошо знакомомъ ему порту, Матценъ потопилъ миной канонерку, обстрѣлялъ пароходы, Пересыпь, газовый заводъ, электрическую станцію, — и удралъ . . .

* * *

Организація морской развѣдки дельты Дуная все болѣе налаживалась . . . Для контакта съ сухопутной развѣдкой, старшій лейтенантъ Ч. предпринялъ поѣздку въ Измаилъ.

Тамъ его снабдили весьма цѣнными свѣдѣніями о дѣятельности германскаго шпіонажа, познакомили со

всѣми техническими приспособленіями, дали подробное описаніе организаціи Бухарестской школы шпіоновъ, уже выпустившей свыше 1.500 номеровъ, и т. д. Между прочимъ, показали ему кусокъ угля съ тончайше вдѣланной въ него адской машиной для взрыва заводовъ, портовыхъ сооруженій и кораблей. Этотъ кусокъ былъ найденъ на кочегарной площадкѣ парохода «Русь». Только по неопытности шпіона взрывъ парохода былъ предотвращенъ. Шпіонъ подбросилъ печной уголь-антрацитъ, не употребляющійся на судахъ. Удивленный кочегаръ — «виткиля воно» — отнесъ его механику, который и раскрылъ секретъ.

Какъ разъ передъ самымъ пріѣздомъ лейтенанта въ Измаилъ обнаружилась попытка взорвать одесскій трубочный заводъ (дистанціонныхъ трубокъ). Дѣло это было поручено шпіону, только что окончившему бухарестскую школу.

Германскій аэропланъ высадилъ его на одномъ изъ острововъ у Аккермана.

Когда аппаратъ улетѣлъ, у шпіона, какъ говорится, «упало сердце» — явленіе частое въ шпіонской дѣятельности. А упало сердце — затряслись поджилки...

Ночь... одинъ во вражеской странѣ съ «адскимъ» углемъ за пазухой... Жуткая тишина... Вдали — таинственные огоньки...

Шпіонъ не могъ овладѣть собой и рѣшилъ передаться. На немъ нашли точь-въ-точь такой же кусокъ антрацита и бляху за № 1546. Онъ умолялъ спрятать его, такъ какъ иначе будетъ убитъ. Его отправили въ Сибирь...

* *
*

Между тѣмъ, пока налаживалась сѣть морской развѣдки, явилось необходимымъ, въ срочномъ порядкѣ, произвести развѣдку «прямымъ дѣйствіемъ», т.-е. нападеніемъ на непріятельскій аванпостъ съ цѣлью выяснить обстановку, захватить какіе окажутся приказы и документы, а главное — поймать «языка».

Было замѣчено, что на узкомъ перешейкѣ (Хути), въ заброшенной хижинѣ, нѣмцы устроили наблюдательный постъ. Вскорѣ выяснилась и причина его появленія. Онъ охранялъ заложенные на этомъ перешейкѣ

фугасы, такъ какъ на него опирался правый германскій флангъ. Обнаружилось это случайно: стадо барановъ напоролось на фугасы и взлетѣло на воздухъ.

Снарядили экспедицію... На быстроходный катеръ погрузилось восемь вооруженныхъ матросовъ подъ командой поручика Л-ва — болгарина родомъ, человѣка храбраго, рѣшительнаго, съ авантюристической душой. Уже въ разгарѣ войны онъ бѣжалъ изъ Болгаріи и поступилъ въ русскій флотъ. Имѣлъ болгарскій Георгіевскій крестъ — за Балканскую войну и Желѣзный — германскій — за Великую.

Ночью экспедиція тронулась въ путь и до зари незамѣтно подошла съ моря къ перешейку.

Люди выскочили на берегъ и черезъ пески побѣжали къ хижинѣ.

Тьма. Ни луны, ни звѣздъ...

Пробѣжавъ нѣсколько саженей, матросы залегли и прислушались... Тихо... Чернѣетъ хижина...

Поползли дальше...

Въ хижинѣ темно. Ни единаго огонька.

Снова залегли... Попрежнему мертво.

Уже къ самой хижинѣ подкрался отрядъ. Впереди — Л-въ. Позади — кучка матросовъ.

— За мной! — шопотомъ приказалъ поручикъ и бросился въ избу. Матросы ворвались за нимъ.

Полнѣйшая темнота и тишина.

— Неладно! Какая-то перемѣна... — прошептали встревоженные голоса. — Не было бы засады...

Выбѣжали наружу. Обошли хижину. Никого.

Снова вошли. Л-въ приказалъ обшарить хату. Валялись обрывки газетъ, консервныя банки, гильзы... Всѣ признаки недавняго жилья. Но существеннаго ничего не нашлось.

Стало свѣтлѣть.

— Выходи! — приказалъ Л-въ...

Пошли по плавнямъ къ условленному мѣсту, куда къ вечеру долженъ былъ подойти «быстроходъ». Нашли вытащенную на берегъ дырявую шлюпку съ веслами и парусомъ. Только что заткнули дыру, какъ кто-то крикнулъ:

— Ваше В-діе! — Ероплапъ!

Л-въ и матросы вскочили въ шлюпку и бросились

въ заросли... Отчетливо послышался шумъ пропеллера. Люди притаились въ камышахъ.

Аэропланъ приблизился. Онъ низко летѣлъ какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ высадилась экспедиція. И, вдругъ, закружилъ.

— И чего онъ тамъ вертится?! Никакъ замѣтилъ на пескѣ наши слѣды...

Аппаратъ продолжалъ кружить, все болѣе снижаясь... Притаившаяся команда не спускала съ него глазъ...

Нѣмецъ описалъ нѣсколько круговъ и опустился на островокъ. Изъ аппарата вышли два человѣка. Одинъ сталъ возиться у мотора. Другой — вынулъ бинокль и внимательно осматривался кругомъ.

— Ползи за мной! — скомандовалъ Л-въ.

Осторожно раздвигая камыши и вѣтки кустовъ, поползли матросы.

— Карповъ! Пугачъ! Рясый! и ты, борода, стрѣляй въ того, что смотритъ въ бинокль. Остальные — въ механика. Цѣлься хорошо. Стрѣлять разомъ, по командѣ.

Люди прижали приклады и нацѣлились...

Нѣмецъ продолжалъ осматривать мѣстность. Вдругъ бинокль его заблестѣлъ въ сторону камышей.

— Пли!! — скомандовалъ Л-въ и выстрѣлилъ. Механикъ и «тотъ» свалились ничкомъ.

Матросы бросились къ упавшимъ.

Первый оказался убитымъ въ голову наповалъ. Другой — корчился. Пуля попала ему въ животъ.

Когда матросы подбѣжали къ нему, онъ, приподнявшись на одной рукѣ, поднялъ другую и закричалъ понѣмецки.

— Не стрѣляйте!

Обыскали обоихъ. На раненомъ нашли толстую записную книжку. Онъ оказался начальникомъ германской авіаціи румынскаго фронта, — графомъ Мейера. Съ него сняли маузеръ, бинокль, фотографическій аппаратъ... Принялись ломать аэропланъ, когда отъ Тузлы показался новый аппаратъ.

Подхватили Мейера и бросились въ шлюпку... Несчастный отъ страшной боли потерялъ сознаніе.

Шлюпку прикрыли парусомъ и, сколько успѣли, забросали вѣтвями.

Послышалось гудѣніе мотора...

Показался другой, третій... Цѣлыхъ шесть аэропланов закружились надъ разбитымъ аппаратомъ. Долго кружились, не рѣшаясь приземлиться. Чувствовали, что что-то неладно.

Раненый очнулся и застоналъ.

— Выпейте воды! — предложилъ ему поручикъ Л-въ.

Тотъ отрицательно замоталъ головой.

— Я самъ врачъ и знаю, что при моемъ раненіи пить нельзя.

Наконецъ, эскадрилья улетѣла...

По условію, быстроходный катеръ долженъ былъ придти только къ вечеру. Предстояло уходить цѣлый день, что было довольно сложно, при наличіи раненаго. Онъ то впадалъ въ безсознательное состояніе, то стоналъ, хотя и старался стоически переносить боль.

— Скверная, ужасная вещь война, — лепеталъ онъ, когда боль утихала.

Л-въ, знавшій нѣмецкій языкъ, между тѣмъ штудировалъ его записную книжку. Много цѣнныхъ свѣдѣній содержалось въ ней. Напримѣръ: подробное расположеніе ангаровъ, аппаратовъ, фамиліи авіаторовъ, планы и даты предположеннаго занятія Сулина, Одессы и т. д.

По прибытіи въ Сулинъ, раненаго со всѣми предосторожностями перенесли въ госпиталь. Но у него уже началась гангрена. Спасти его не было возможности. Онъ ужасно мучился и душевно терзался. Прожилъ два дня.

Передъ смертью попросилъ бумаги и карандашъ.

Слабѣющей рукой написалъ: «Раненъ. Взятъ въ плѣнъ. Долженъ умереть. Передайте родителямъ — уношу въ могилу мою любовь къ нимъ». Онъ просилъ эту записку доставить въ расположеніе германскихъ войскъ.

Наканунѣ его смерти прилетѣлъ нѣмецкій аэропланъ и сбросилъ записку:

«Просимъ сообщить, что случилось съ нашимъ начальникомъ, графомъ Мейера».

На слѣдующій день русскій аэропланъ сбросилъ его посмертную записку на германскій фронтъ. Нѣмцы не стрѣляли... Вторично прилетѣлъ нѣмецкій аппаратъ. Отъ него отдѣлился какой-то предметъ и упалъ въ расположеніе русскихъ войскъ. Это былъ вѣнокъ.

На лентахъ его значилось: «Нашему доблестному и любимому начальнику, графу Мейера»...

На „Соколахъ".

Вечеромъ 22 декабря 1914 года два «Сокола» — маленькіе миноносцы 6-го дивизіона «Смѣтливый» и «Свирѣпый» — подъ командой старшаго изъ командировъ, старлейта Холодовскаго, уходили въ море...

У выхода изъ южной бухты миноносцы были задержаны на траверзѣ адмиральскаго корабля «Георгій Побѣдоносецъ».

— На «Смѣ-тли-вомъ»! — стопорьте машины! — примите назначеннаго къ вамъ офицера!

Подошелъ катеръ. Въ слабомъ лучѣ фальрепнаго фонаря показалась фигура молодого мичмана. Во всемъ новенькомъ, съ иголочки одѣтый для явки по начальству, не успѣвъ еще очухаться съ дороги, онъ сразу попалъ на миноносецъ, въ походъ. Ничего не пропишешь — время было военное.

Поднявшись на мостикъ, мичманъ явился командиру.

— Очень радъ, очень радъ, — дружески пожалъ ему руку командиръ, обрадованный, что добился отъ штаба назначенія къ себѣ офицера — поскорѣй переодѣвайтесь по походному. Въ морѣ — штормъ.

Съ этими словами командиръ перевелъ ручки на «малый впередъ». Дзынкнули звонки машиннаго телеграфа. Миноносецъ тронулся...

Мичманъ спустился съ мостика и, натыкаясь впотьмахъ на всякія препятствія незнакомой еще палубы, побѣжалъ въ каютъ-компанію въ свой уголокъ, за занавѣску, переодѣться.

Когда, одѣтый по штормовому, онъ поднялся на мостикъ, черная тьма ночи ослѣпила его. Ощупью найдя поручни, ухватился за нихъ.

Миноносецъ валяло. Срывавшіеся гребни перекатывали черезъ него.

Обозначился силуэтъ закутаннаго въ дождевой плащъ съ капюшономъ на головѣ командира.

— Вы что же, прямо съ поѣзда?

— Такъ точно, господинъ старшій лейтенантъ.

— Какъ ваше имя-отчество?

— Василій Федоровичъ, г-нъ старшій лейтенантъ.

— А фамилія? Я плохо тогда разслышалъ.

— Кайзеръ, господинъ старшій лейтенантъ.

— Какъ?!

— Кайзеръ, г-нъ старшій лейтенантъ, — послышался, будто, нѣсколько сконфуженный отвѣтъ.

Скрытое тьмой лицо командира скосило на мичмана глаза... **Василій Федоровичъ Кайзеръ** — странное совпаденіе имени, отчества и фамиліи. — Быть можетъ, еще и похожъ на Вильгельма...

Штормъ крѣпчалъ. Начались перебои, пришлось уменьшить ходъ. Временами, когда оголялись винты, стопорить машины.

Маленькіе миноносцы держались съ трудомъ. Волны захлестывали ихъ. Заливало трубы. Снѣжная пурга слѣпила...

Командиръ рѣшилъ зайти въ Феодосію отстояться.

Такъ какъ Феодосія не была предупреждена, войти ночью въ портъ было нельзя. Пришлось до утра болтаться на рейдѣ, на якорѣ.

Утромъ миноносцы вошли въ портъ.

Невообразимая паника царила въ немъ... Войска въ окопахъ, пушки, бѣгущій народъ, запруженный вокзалъ...

Оказалось, «Соколовъ» приняли за непріятельскіе миноносцы и, такъ какъ Феодосія только недавно испытала обстрѣлъ «Бреслау», того же ожидали и отъ нихъ...

Къ вечеру нѣсколько стихло. Минонсцы вышли въ Новороссійскъ.

Ихъ конечной цѣлью былъ Батумъ... Маленькіе, съ устарѣвшими минами, образца 89-го года, съ небольшимъ ходомъ, они были непримѣнимы въ современныхъ условіяхъ морскихъ сраженій. Ихъ отправили въ Батумъ для сторожевой службы и для борьбы съ

непріятельскимъ каботажемъ, обслуживавшимъ турецкую армію въ Батумскомъ районѣ.

Рано утромъ миноносцы пришли въ Новороссійскъ. Погрузились углемъ и вечеромъ пустились въ дальнѣйшій путь, вдоль кавказскихъ береговъ. Чтобы вражескіе крейсера не перехватили ихъ, миноносцамъ было приказано передвигаться только ночью, слѣдуя вплотную къ берегу, изъ порта въ портъ.

Въ Туапсе они получили радіо — «Крейсеръ «Гамидіе» замѣченъ въ районѣ Сочи». Какъ разъ по пути миноносцевъ.

Скрылись за молъ...

Новая депеша: — «Бреслау» и «Гамидіе» идутъ на сѣверъ, вдоль кавказскихъ береговъ».

Для наблюденія за моремъ установили на молу сигнальный постъ.

Передъ самымъ заходомъ солнца сигнальщикъ доложилъ, что на горизонтѣ виденъ дымъ. Выскочившіе на молъ офицеры увидѣли трехтрубный крейсеръ, полнымъ ходомъ шедшій къ Новороссійску.

Вскорѣ дымъ исчезъ...

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда, вдругъ, въ горахъ замелькалъ огонекъ. Ясно, кто-то сигналилъ въ море. Появился другой огонекъ, уже у самой подошвы горы. Онъ тоже кому-то сигналилъ. Снарядили дессантъ для поимки шпіоновъ, но обнаружить ихъ не удалось. Немедленно соединились прямымъ проводомъ съ Севастополемъ и донесли въ штабъ обо всемъ видѣнномъ. Получили отвѣтъ: — «Оставайтесь въ Туапсе. Флотъ выходитъ».

Наступила ночь. Звѣздная, фееричная, кавказская ночь.

Снова началась таинственная сигнализація. Въ 2 часа ночи она вдругъ прекратилась.

На свѣтлой полосѣ моря появился темный силуэтъ...

На слѣдующій день получили радіо: — «Флотъ вышелъ въ море. Идетъ въ Туапсе».

«Сокола» снялись съ якоря. Выйдя въ море и убѣдившись, что ничего подозрительнаго нѣтъ, пошли въ Гагры, съ расчетомъ быть тамъ около полуночи и на «яшкѣ» встрѣтить Рождество. Но, подходя къ мысу Адлеръ, командиръ измѣнилъ свое намѣреніе и рѣшилъ

встрѣтить Рождество здѣсь, подъ берегомъ, скрывшись за Адлеромъ.

Подойдя къ самому берегу и хорошо укрывшись за мысомъ, миноносцы встали на якорь. Вѣстовые мигомъ накрыли столъ и водрузили елку.

Командиръ и офицеры, за исключеніемъ вахтеннаго начальника, оставшагося на мостикѣ, спустились въ крошечную каютъ-компанію и, весело потирая руки, размѣстились вокругъ стола. Само собой разумѣется сюда же послѣдовала и «Дунька», извѣстная всему черноморскому флоту Авдотья Сергѣевна Холодовская — командирская «дочка». Съ ней онъ никогда не разставался и даже визитировалъ вмѣстѣ съ ней, и когда онъ оставлялъ свою карточку, то и она оставляла свою, конечно, не символическую, — для этого она была слишкомъ хорошо воспитана, — а самую настоящую дамскую визитную карточку, на которой такъ и значилось: «Авдотья Сергѣевна Холодовская» и въ скобкахъ (Дунька). Маленькая, неизвѣстной породы, умненькая, лохматая псина, всегда въ нарядномъ туалетѣ, — большомъ яркомъ бантѣ, прекрасно освоилась съ миноносной жизнью, на качкѣ спала, какъ сурокъ, и «кушала» съ особымъ удовольствіемъ. Единственно, чего она не переносила — артиллерійской стрѣльбы. Какъ только боевая тревога, вахтенный начальникъ командуетъ: — Боевая тревога! — Денисъ [1]) — «Дуньку» внизъ!

И Холодовскій и его Авдотья Сергѣевна были большими гурманами. Оба любили вкусно и хорошо поѣсть. Но насколько Авдотья Сергѣевна была молчалива и терпѣть не могла мужского общества, настолько Сергѣй Михайловичъ былъ большимъ говоруномъ и неумолчнымъ разсказчикомъ, особенно по части всякаго рода приключеній и самыхъ невѣроятныхъ событій изъ жизни флота. Это была сплошная ходячая хроника. Жаль, что при жизни онъ не велъ записокъ. Памятью онъ обладалъ богатѣйшей.

Помню, однажды, сидя у него въ гостяхъ, на миноносцѣ, за бутылкой доброй марсалы, конечно, въ обществѣ Авдотьи Сергѣевны, услышалъ я отъ него одинъ примѣчательный эпизодъ изъ жизни нашего флота.

---

[1]) Неизмѣнный вѣстовой Холодовскаго.

Этотъ характерный эпизодъ мнѣ особенно ярко запомнился.

Въ 1878 году, въ Америкѣ, былъ нами выстроенъ быстроходнѣйшій въ мірѣ крейсеръ «Забіяка». Ходъ его былъ 15 узловъ. Въ тѣ времена это считалось огромной скоростью.

Соорудили этотъ крейсеръ въ виду сильно обострившихся отношеній съ Англіей, дабы, въ случаѣ разрыва, топить ея торговый флотъ.

Въ маѣ того же года «Забіяка», закончивъ постройку, покинулъ Филадельфію и пошелъ въ Кронштадтъ. Переходъ дѣлали экономическимъ ходомъ въ 10 узловъ. Погода была бурная. Небо — въ сплошныхъ тучахъ. Изъ-за этого крейсеръ нѣсколько дней не имѣлъ обсерваціи.

За сутки до входа въ каналъ, когда изъ-за неувѣренности въ своемъ мѣстѣ крейсеръ съ осторожностью продвигался впередъ, его сталъ нагонять большой англійскій пассажирскій пароходъ. Вѣроятно, онъ шелъ своимъ максимальнымъ ходомъ въ 12 узловъ. Для провѣрки своего мѣста «Забіяка» поднялъ пароходу сигналъ: — «Прошу показать широту и долготу мѣста въ полдень». Пароходъ ничего не отвѣтилъ и гордо пронесся дальше. Тогда командиръ, капитанъ-лейтенантъ Ломенъ, приказалъ поднять пары во всѣхъ котлахъ и бросился за пароходомъ. Черезъ нѣкоторое время крейсеръ нагналъ англичанина и, пройдя близко вдоль самаго его борта, снова поднялъ тотъ же сигналъ. Пораженный столь неожиданной и невѣдомой еще ему — англичанину — быстротой хода чужеземнаго корабля, пароходъ вмигъ отвѣтилъ на сигналъ и отсалютовалъ флагомъ. Отвѣтивъ на салютъ, «Забіяка», въ свою очередь, гордо промчался мимо, далеко позади оставивъ изумленно-разинувшихъ ротъ англичанъ, и на сутки раньше пришелъ въ Гавръ, нежели быстроходный англичанинъ въ Портсмутъ.

Простоявъ въ Гаврѣ пять сутокъ, крейсеръ при дивной погодѣ вышелъ въ море и вечеромъ былъ у входа въ Нѣмецкое море.

Около 6 утра на горизонтѣ показался шедшій навстрѣчу какой-то пароходъ безъ флага. Пароходъ шелъ

на сближеніе, дѣлая какіе-то непонятные зигзаги. Онъ все больше и больше приближался къ «Забіякѣ».

Несмотря на принятыя мѣры для избѣжанія столкновенія, неизвѣстный пароходъ крутымъ поворотомъ руля со всего маху ударилъ «Забіяку» въ лѣвую руковину, повернулъ и полнымъ ходомъ пошелъ къ берегамъ Англіи.

Всѣ были поражены происшедшимъ. Столь явно намѣреннымъ было столкновеніе. Всеобщее недоумѣніе усилило еще то обстоятельство, что всѣ надписи парохода были закрашены. Случайно успѣли замѣтить недомазанную часть надписи на одной изъ шлюпокъ. На ней сохранилось одно слово «Lord»...

Тотчасъ же пробили водяную тревогу, и спасательная партія, во главѣ съ и. д. старшаго офицера, мичманомъ Григоровичемъ [1]), бросилась задѣлывать пробоину и подводить пластырь. Къ счастью, пробоина хотя и значительная, была надводной, выше ватерлиніи, и крейсеръ быстро справился съ ней. Другой непріятностью былъ перебитый штурнтросъ. Пока соорудили временное устройство управленія рулемъ, пароходъ исчезъ. Крейсеръ повернулъ и пошелъ въ Темзу, въ докъ.

Черезъ нѣсколько дней стоянки въ докѣ, являются два англійскихъ матроса съ заявленіемъ, что желаютъ видѣть командира. Матросы разсказали слѣдующее:

За нѣсколько дней до описаннаго столкновенія ихъ за хорошее, поразившее ихъ, вознагражденіе наняли на пароходъ «Лордъ Байронъ», причемъ рѣшительно отказались отвѣтить на вопросъ о мѣстѣ назначенія судна.

За сутки до ухода въ море было приказано повсюду закрасить названіе парохода, а вечеромъ прибыли два какіе-то джентльмена и ночью вступили въ командованіе имъ.

Всѣ эти необычайныя странности заинтриговали собранный съ бору да съ сосенки экипажъ. Никто ничего не понималъ и рѣшительно ничего не зналъ.

Ночью «Лордъ Байронъ» вышелъ въ море по неизвѣстному назначенію...

Когда утромъ на горизонтѣ показался какой-то корабль, какъ впослѣдствіи выяснили эти матросы,

[1]) Впослѣдствіи морской министръ.

русскій крейсеръ — всей командѣ было приказано спуститься съ верхней палубы въ трюмъ. Наверху остались только два джентльмена.

Прошло около часа, когда вдругъ неожиданный, страшный ударъ свалилъ всѣхъ, согнанныхъ въ трюмъ, людей... Снова забурлили винты, и пароходъ далъ полный ходъ...

Когда вызвали людей наверхъ исправлять поврежденія, ничего, кромѣ какого-то далекаго силуэта, не увидѣли они.

По приходѣ въ Саутхевтъ, оба джентльмена сошли съ парохода, а команду тотчасъ же разсчитали, хорошо вознаградивъ ее...

Несмотря на явно обнаружившійся злой умыселъ всего этого дѣла, имѣвшій цѣлью избавиться отъ опаснаго врага, этотъ инцидентъ не вызвалъ дипломатическаго столкновенія. Англичане легко отдѣлались, уплативъ полностью и безъ всякихъ возраженій всю сумму за ремонтъ корабля и возмѣстивъ всѣ убытки экипажу. Это дало имъ толчокъ три года спустя повторить попытку утопить такимъ же способомъ нашъ другой корабль, но на этотъ разъ уже большой крейсеръ «Владиміръ Мономахъ».

* *
*

Но вернемся къ прерваннымъ событіямъ.

Не успѣли мы какъ слѣдуетъ расположиться, зажечь елку, какъ вбѣгаетъ взволнованный радіотелеграфистъ:

— Ваше Высокоблагородіе! Непріятельскіе корабли близко. Переговариваются спиралью...

Въ тотъ же мигъ длинный звонокъ рѣзнулъ слухъ.

Ничего еще не видящіе въ темнотѣ командиръ и офицеры бросились на мостикъ... По палубѣ, какъ угорѣлые, неслись матросы къ орудіямъ и миннымъ аппаратамъ... Вахтенный начальникъ напряженно смотрѣлъ впередъ...

— Вотъ, вотъ, — прямо тамъ, два дыма! — указывалъ онъ рукой, все еще не свыкшемуся съ темнотой командиру.

Въ густой ночной мглѣ обрисовались расплывчатые силуэты... Слабо мелькнулъ огонекъ, вѣроятно,

кильватерный передняго мателота и тотчасъ же скрылся за надвинувшимся силуэтомъ второго корабля... Непріятельскія суда, не замѣтивъ миноносцевъ, описывали петлю и сворачивали въ море, въ сторону отъ нихъ...

Вскорѣ мгла окончательно заслонила все...

Миноносцы, не окончивъ встрѣчи Рождества, снялись и пошли дальше.

Съ разсвѣтомъ подошли къ Поти. Туманъ.

Вдругъ, передъ самымъ носомъ, выплылъ новый силуэтъ...

Тревога!!

Маленькій, старенькій минный кондукторъ Левашовъ, самъ всталъ къ минному аппарату. Онъ даже совсѣмъ легъ на него. Погибать, такъ погибать съ честью.

— Баркасъ!! — Рабочій баркасъ! — загалдѣли съ мостика. — Отставить тревогу!

Еле оттащили Левашова. Старикъ уже нажималъ курокъ...

* * *

По приходѣ въ Батумъ, «Сокола» вступили въ батумскій отрядъ капитана 2-го ранга Шуберта, державшаго свой брейдъ-вымпелъ на пос. суднѣ «Березань».

Однажды «Смѣтливый» былъ отправленъ обслѣдовать турецкій берегъ, на который опирался лѣвый флангъ отступавшей турецкой арміи. Въ качествѣ любопытствующаго гостя, пошелъ на немъ уполномоченный Краснаго Креста графъ Д. С. Шереметевъ.

Стоялъ чудный лѣтній день...

На мостикѣ, подъ тентомъ, соорудили маленькій столикъ съ чаемъ и малиной... Разсѣкая, словно застывшую въ зноѣ, морскую гладь, миноносецъ быстро мчался вдоль живописнѣйшей панорамы Анатолійскихъ горъ...

Отойдя 40 миль отъ Батума, у мыса Кучукъ-Камеръ обнаружили, у самаго берега, груженую фелюгу. Завидѣвъ миноносецъ, турки вразсыпную бросились въ горы.

Прибавивъ ходъ, миноносецъ пошелъ къ ней. Подойдя на два кабельтова къ берегу, развернулся носомъ въ море и сталъ изъ кормового орудія разстрѣливать ее. Берегъ былъ совершенно пустынный.

Послѣ первыхъ же выстрѣловъ вдругъ, откуда ни возьмись, что-то прожужжало надъ самымъ миноносцемъ... Недалече поднялся бѣлый всплескъ... Снова ж-ж-ж..., снова всплескъ...

— Что такое?! — Откуда?!

Ясно — фелюга была приманкой. Миноносецъ попался на удочку.

Но какъ-то совѣстно было удирать. Во всѣ глаза, во всѣ бинокли искали батарею. Дьявольски хорошо была она скрыта.

Приходилось ретироваться, тѣмъ болѣе, что изъ за скалъ и разныхъ складокъ мѣстности начался сильный ружейный и пулеметный огонь.

Продолжая, «на ура», бѣглый огонь, миноносецъ повернулъ.

Въ этотъ самый моментъ снарядъ попалъ въ открытый иллюминаторъ носового командного кубрика, гдѣ на своемъ посту, по боевой тревогѣ, у носового бомбоваго погреба, стоялъ матросъ Мацковскій. Снарядъ пролетѣлъ мимо самаго его носа и попалъ въ его правую руку, которой онъ держался за пиллерсъ. Въ кубрикѣ вспыхнулъ пожаръ.

Залитый кровью, съ рукой, болтавшейся, какъ плеть, матросъ выскочилъ наверхъ и, собравъ послѣднія силы, крикнулъ:

— Пожаръ!

И грохнулся о палубу...

Съ шлангами, ведрами и ломами команда бросилась тушить. Создавалась грозная опасность взрыва бомбоваго погреба.

Къ лежащему въ лужѣ крови раненому подскочилъ фельдшеръ и сталъ приводить его въ чувство. Увидѣвъ, что изъ его рукава хлещетъ кровь, фельдшеръ подхватилъ его, приволокъ къ тутъ же стоявшему столу и однимъ ударомъ кухоннаго ножа, отрубилъ руку... Несчастный матросъ вновь потерялъ сознаніе...

Обмывъ рану коньякомъ и заливъ ее іодомъ, фельдшеръ наложилъ жгуты и остановилъ кровотеченіе...

Отрубленная рука продолжала валяться на палубѣ. Ужасно было смотрѣть, какъ пальцы ея, все время медленно, конвульсивно сжимались, пока, наконецъ, не

собрались въ кулакъ. Приведенный въ чувство раненый не переставалъ жаловаться на невыносимую боль въ пальцахъ отрубленной руки.

Конечно, за всей этой неожиданной суматохой совершенно забыли про «Дуньку». Она мирно спала на мостикѣ, уютно прикрытая цѣлой кучей сигнальныхъ флаговъ... Вспомнили о ней лишь тогда, когда, уже въ разгарѣ стрѣльбы съ удивленіемъ увидѣли движущуюся по палубѣ гору сигнальныхъ флаговъ...

Когда вернулись въ Батумъ и раненаго свезли въ госпиталь, хирургъ съ большой похвалой отозвался о сдѣланной фельдшеромъ «операціи». По заключенію врачей, это спасло ему жизнь. Въ воздаяніе мужества и хладнокровія, проявленнаго во время перевязки раненаго подъ дѣйствительнымъ непріятельскимъ огнемъ, фельдшеръ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

* *
*

На слѣдующій день, принявъ полный боевой запасъ, «Смѣтливый» вышелъ въ море нащупать и раздѣлаться съ батареей. Но несмотря на всѣ поиски и подманиваніе ея, батарея молчала и не обнаружила себя.

По горамъ одинъ за другимъ вспыхнули костры... Этимъ путемъ турки давали знать о появленіи въ морѣ непріятеля...

За горизонтомъ показался большой клубъ дыма...

Зная, что въ Батумѣ ожидается нашъ крейсеръ, и полагая, что костры даютъ знать о приближеніи его, миноносецъ спокойно продолжалъ обслѣдованіе мѣстности.

Дѣйствительно, вскорѣ на горизонтѣ показался стройный силуэтъ 3-трубнаго корабля. И только, когда разстояніе порядкомъ сблизилось, обнаружилась 4-ая, нарочно выкрашенная по иному, въ бѣлую краску, труба.

«Бреслау»!!!

Костры оказались второй ловушкой.

«Смѣтливый» повернулъ на Батумъ.

Прикинули по картѣ и увидѣли, что успѣютъ дойти до зоны крѣпостныхъ орудій ранѣе, чѣмъ «Бреслау» сможетъ открыть огонь.

Прибавили ходъ.

Вѣроятно, убѣдившись, въ свою очередь, что миноносца ему не догнать, «Бреслау» сталъ склоняться въ море.

Но тутъ «Смѣтливаго» разобралъ задоръ. Не попытаться ли подманить «Бреслау» подъ огонь крѣпостныхъ батарей?

Сказано — сдѣлано.

Миноносецъ измѣнилъ курсъ и легъ на «Бреслау»...

Увидѣвъ маневръ миноносца, «Бреслау» повернулъ и пошелъ на сближенье.

Тутъ — цѣликомъ математическій разсчетъ. Тактическая задача... Разстояніе быстро сокращается... Минутная ошибка, запоздалый поворотъ гибельны для миноносца...

На мостикѣ горячій споръ. Одинъ за еще большее сближеніе. Другіе — за немедленный поворотъ.

Враги несутся другъ на друга...

— Право на бортъ! — скомандовалъ командиръ.

Но уже было поздно...

На циркуляціи миноносцевъ сильно сблизился съ врагомъ. Разстояніе стало всего 44 кабельтова...

«Бреслау» открылъ огонь.

Первый снарядъ упалъ подъ самый носъ. Миноносецъ вильнулъ въ сторону.

Вдоль всего «Бреслау» сверкнули огоньки.

— Разъ, два, три, четыре... 15, 20, 25... считалъ каждый про себя секунды до полминуты, потребной на перелетъ залпа.

Послушался вой...

Миноносецъ летитъ, не зная, куда метнуться... Метнешься вправо — угодишь подъ перелетъ, влѣво — подъ недолетъ, пойдешь прямо — накроетъ тебя...

Онъ несется прямо, стремясь окутать себя клубами валящаго изъ всѣхъ трубъ дыма...

Залпъ легъ недолетомъ...

Но уже новые и новые огоньки сверкнули тамъ... Ревущимъ вихремъ летятъ все новые и новые залпы...

Вотъ залпъ накрылъ миноносецъ. Контузило мичмана Вавилова. Вдоль бортовъ запрыгали фонтаны воды. Миноносецъ рванулся въ сторону...

Вотъ кучный перелетъ близко, въ 20 саженяхъ.

Миноносецъ зигзагами мчится во-всю, всячески

увиливая отъ залповъ. Но «Бреслау» не отстаетъ. Въ огненномъ полукольцѣ, онъ гонится за нашимъ «Соколомъ», посылая въ него залпы за залпами...

Идетъ игра не на жизнь, а на смерть...

Вдругъ, огромный фонтанъ поднялся за «Бреслау», одинъ, другой, третій...

«Бреслау» шарахнулся...

Наша 10-ти дюймовая батарея «Бурунъ-Табія» открыла огонь.

Увлеченный разстрѣломъ «Сокола», «Бреслау» не замѣтилъ, какъ самъ попалъ подъ обстрѣлъ русскихъ батарей.

Полнымъ ходомъ, укрывшись за дымовой завѣсой, онъ устремился въ море...

ФЛОТЪ

(русскіе моряки во время Великой войны и революціи).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ I.

Предисловіе 5
Отъ автора 7
Наканунѣ событій 8
У Буэ-де-Лапейреръ 11
Въ Петербургѣ 14
Бомбардировка Севастополя 20
Атака кн. Трубецкого 21
«Прутъ» и «Гебенъ» 25
На точкѣ «Азъ» 30
Блокада 31
Первый бой 40
На Русской сторонѣ 42
На Нѣмецкой сторонѣ 49
Заключеніе 51
На «Кагулѣ» 53
У вражескихъ береговъ 59
На «Березани» 65
Бомбардировка Батума 70
Промыселъ Божій 74
Взрывъ «Гебена» 81
Этотъ эпизодъ въ освѣщеніи нѣмцевъ 91
Босфорское сраженіе 94
Встрѣча 107

Необходимое разъясненіе 114
Первое проникновеніе въ Босфоръ 115
Дѣло съ «Дубровникомъ» 120
Опасная операція 124
Дѣло съ вооруженнымъ пароходомъ № 42 127
Захватъ «Иттихада» 133
Абордажъ 142
У Зунгулдака 150
Атака Погорѣцкаго 151
На «Дерзкомъ» 153
«Коробка съ сюрпризами» 159
Въ гирлахъ Дуная 169
На «Соколахъ» 178

Условія подписки на 1934 годъ:

Безъ приложеній (52 №№ жур.)	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣшер. стр. и Дал. Вос.
На 12 мѣс.	110 ф.	140 ф.	42 зл.	175 ф.
6 мѣс.	60 ф.	75 ф.	23 зл.	100 ф.
3 мѣс.	35 ф.	40 ф.	12 зл.	50 ф.
1 мѣс.	12 ф.	15 ф.	4 зл.	или въ долл. по курсу дня

Съ приложеніями (52 №№ жур. и 52 книги)	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣшер. стр. и Дал. Вос.
На 12 мѣс.	270 ф	365 ф.	125 зл.	400 фр или въ долл. по курсу дня

Подписчики съ приложеніями принимаются только на годъ, т. е. на 52 книги во избѣжаніе разрозненности комплектовъ и авторовъ

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка

Безъ приложеній (52 №№ жур.)	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣшер. стр. и Дал. Вос.
При подпискѣ	85 фр.	40 фр.	7 зл.	50 фр.
1 марта	15	20	7	25
1 мая	15	20	7	25
1 іюля	15	20	7	25
1 сен.	15	20	7	25
1 нояб.	15	20	7	25
				или въ долл. по курсу дня.
	110 фр.	140 фр.	42 зл.	175 фр.

Съ приложеніями (52 №№ жур. и 52 книги)	Франція и колоніи	Въ Европѣ	Въ Польшѣ	Внѣшер. стр. и Дал. Вос.
При подпискѣ	70 ф.	115 ф.	25 зл.	100 фр.
1 марта	40	50	20	60
1 мая	40	50	20	60
1 іюля	40	50	20	60
1 сен.	40	50	20	60
1 нояб.	40	50	20	60
				или въ долл. по курсу дн.
	270 фр.	365 фр.	125 зл.	400 фр.

Въ Польшѣ могутъ вносить ежемѣс. безъ приложеній по 3,5 зл., и съ приложеніями по 10 зл. 40 др.

Подписчики съ приложеніями, внесшіе плату за весь 1934 г. сразу впередъ, получатъ особую премію — 2 книги (по примѣру 1933 г.).

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала и по почтѣ чекомъ, почтовымъ мандатомъ или взносомъ на

Chèques postaux 671-81 à Paris

„La Russie Illustrée" 7, RUE CLÉMENT-MAROT, PARIS (8e)

Указывайте четко и полно фамилію и адресъ подписчика!
Старыхъ подписчиковъ просятъ указать № бандероли.

Въ Парижѣ подписка принимается и по телефону Balzac 19-52 и открытымъ письмомъ, инкассація почтальономъ.

(Для перевода денегъ во Францію изъ странъ, гдѣ это сопряжено съ затрудненіями, рекомендуемъ подписчикамъ вносить плату въ мѣстной валютѣ по курсу дня нашимъ представителямъ).

Австрія
J. PERSKY — Mechitharistengasse, 4, Wien VII.

Англія
„RODNOYE SLOVO" — Coptic street 32, London W. C. 1.

Болгарія
N. ALEXEEFF — Boîte postale 188, Sofia

Германія
„GRAD KITESCH" — Kleiststr. 21. Berlin — W 62

Греція
GIANOPOULO — Rue Panepistimion 85, Athènes.
R. CHIMCHI — 19, rue Tsimiski, Salonique.

Дальній Востокъ
M. ZAITSEFF — 82, Kitaiskaya str., Harbin.

Египетъ
BIBLIOTHEQUE RUSSE — 2, rue Bank el Watani, Le Caire.

Италія
S. PEVSNER. — Via Vincenzo Manti 15, Milano

Латвія
ED. PETZHOLZ — Skuonu iela 16, Riga.
„LETA" — L. Smilu iela 3, Riga.

Литва
„SPAUDA" — Maironio g. 5a, Kaunas.

Палестина
ZWY STEIMATZKY — P. O. B., 196 Tel-Aviv.

Персія
A. WARTANOFF — Librairie Tauris.
KARL HAERTEL — Teheran.
N. SOUPROTIVNY — Tchar Rah Conte Mansil Mohasa, Teheran.

Польша
NASZE WREMJA — Iagiellonska 6-19, Wilno.
„MOLWA CHOCIMSKA" 35 m. 14, Warszawa.
„RUCH" — Al. Jerozolimskie 63, Warszawa.
Книж. Маг. „ДОБРО" — Krakowskie Przedmescie 53. Warszawa.

Сѣверная Америка
„NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" — 413, East 14 th. St. New-York.
V. ANITCKOFF — 1661, O'Farrel str., San-Francisco.
„NOVINKA" — 2092, Sutter str., San-Francisco.

RUSSIAN BOOKSHOP — 4965, Sunset Bould, Hollywood.

Румынія
S. MILSTEIN — Str. Gogol 39. Chisinau.

Сирія
G. REIDIBOIM — 89, r. Lion, Ras Beyrouth.

Токіо
Mr. B. P. BALYKOFF, Hongo Iushima 4-ch. 3.

Турція
G. PAKHALOFF. — 385, Grand-Rue de Péra, Stamboul.
„ZNANIE" — Grand-Rue de Péra 388, Stamboul.

Финляндія
J. SAVOLAINEN — Bulevardinkatu 17c., as. 16, Helsinki.
AKADEMISKA BOKHANDELN — Alexandersgatan 7. Helsinki.
A. REICHE — Représentant, Kellomaki.
A. IWANKOFF — Linnaukatu 8. Wyborg.

Чехословакія
„PLAMJA" — Revolucni I Palais Kotwa, Praha I.
L. KRESE — Русскій Народный Домъ, Подкарпатская Русь, Uzgorod.

Эстонія
A. SCHULZ — Таллинъ, Морская 36, кв. 29, Тел. 436-19,

Югославія
KARPENKO — Ul. Zara Dousana, 84, Belgrade.
Изд. „VOZROZDENIJE" Dobrinjska ul. br. 12. Бѣлградъ.
N. ARYA. — Palmoticeva 64a. st. 8, Zagreb.
PAVLOVSKY — Zrinska 19, Novi-Sad.
RIBINSKY — Palmoti seva 14. Belgrade

Южная Америка
GOLDENBERG — Caixa Postal 2753, Rio-de-Janeiro.

Шанхай
M. IKONIKOFF — 540 av. Joffre.
Libr. „RUSSKOYE DELO" — 574, av. Joffre

НАШИ КОНТРАГЕНТЫ ВО ФРАНЦІИ:
G. IAVORSKY. — 24, rue de Marseille, Lyon (Rhone).
LIBRAIRIE PAPETERIE „OFENIA". — 28 bis, rue Nationale, Billancourt (Seine).
GUIRTCHITCH. — Lycée Carnot, Tunis (Tunisie)
KOLENSKY. — Maison Russe, Saint-Michel-sur-Orge (Seine-et-Oise)
BEKETOFF et CHEVTCHENKO. — Vesines par Montargis (Loiret).
Libr. Russe „UNION". — 62, rue de France, Nice (Alpes Maritimes).

Книжные магазины:
„ВОЗРОЖДЕНІЕ" 2, rue de Seze, Paris (9-e).
„МАЯКЪ" 3. r. Laugier, Paris (17-e).
ПОВОЛОЦКІЙ 13, rue Bonaparte, Paris (6-e).
„МОСКВА" 9, rue Dupuytren, Paris (6-e).
Libr. „KAMA". — 27, r de Villiers, Neuilly sur-Seine.

Также можно, извѣщая насъ открытымъ письмомъ, вносить въ мѣстной валютѣ по курсу дня.

Въ Польшѣ P. K. O. 190.151 Warszawa.
Въ Латвіи Pasta Tekosu Rekinu Riga № 4712
Въ Югославіи Postanska Stedionica Belgrade № 66542.
Въ Эстоніи Posti Jooksev arve Tallinn № 253.

Въ Германіи Postscheckkonto-Berlin № 149081.
Въ Чехословакіи Postovni Sporitelna Praha № 79911.
Въ Греціи Banque Nationale de Grèce. Siège social, Athènes

Требуйте иллюстрированные проспекты — безплатно.

Supplément litteraire au journal „La Russie Illustrée" pour 1934.

Le Gerant: A. GINESTE

B. Bothkoopi trükk Tallinn

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПОДПИСКА СЪ ДВУХГОДИЧНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ

(за 1933 и 1934 годы)

Для желающихъ получить теперь также I-ыя серіи полныхъ собраній сочиненій Достоевскаго, Толстого, Гоголя, Некрасова и др. (48 книгъ), выданныхъ въ 1933 г.

открыта спеціальная подписка на 52 №№ журнала и 100 книгъ двухгодичныхъ приложеній.

Библіотеки **ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ РОССІИ** состоящей изъ:

34 кн.	**-**	**ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНІЙ** **Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО**
34 кн.	**-**	**ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНІЙ.** **Л. Н. ТОЛСТОГО**
10 кн.	**-**	**ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНІЙ** **Н. В. ГОГОЛЯ**
3 кн.	**-**	**ПОЛНАГО СОБР. СОЧИНЕНІЙ** **Н. А. НЕКРАСОВА**
2 кн.	**-**	**„Записки Охотника“** **И. С. ТУРГЕНЕВА**
3 кн.	**-**	**вперв. по русски „ВОСПОМИНАНІЯ“** **Вел. Кн. Александра Михайловича**
2 кн.	**-**	**„Крушеніе Великой Имперіи“** **Миссъ БЬЮКЕНЕНЪ**
4 кн.	**-**	**для дѣтей** **А. С. ПУШКИНА**
		„ **МАЙНЪ РИДА**
		„ **САШИ ЧЕРНАГО**
		„ **КОНЕКЪ ГОРБУНОКЪ**
2 кн.	**-**	**Морскіе разсказы „ФЛОТЪ“** **А. П. ЛУКИНА** Капитана 2-го ранга.
2 кн.		**Сборн. по исторіи анти-больш. движ.** **„БЫЛОЕ“** Подъ редакціей В. Л. БУРЦЕВА
3 кн.	**-**	**произведенія сов. авторовъ** **Мих. ЗОЩЕНКО, Бор. ПИЛЬНЯКА и Вяч. ШИШКОВА**
1 кн.	**-**	**Очерки „БУРСЫ“** **Н. ПОМЯЛОВСКАГО**

Всѣ 100 книгъ на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, свыше 20.000 страницъ

УСЛОВІЯ СПЕЦІАЛЬНОЙ ПОДПИСКИ:

52 №№ журнала за 1934 г. и 100 книгъ

	Франція и колоніи	Европа	Польша	Америка и Внѣевроп. страны
На 12 мѣс	430 фр	585 фр	208 злот.	630 фр или въ долл. по курсу дня

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА

При подпискѣ	130 фр.	185 фр	58 зл	180 фр.
1-го Марта	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Мая	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Іюля	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го Сентября	60 „	80 „	30 „	90 „
1-го ноября	60 „	80 „	30 „	90 „
	430 фр.	585 фр.	208 зл.	630 фр. или въ долл. по курсу дня

Подписчики получатъ немедленно 48 книгъ и еженедѣльно, по одной книгѣ въ теченіе 1934 г

Въ Польшѣ подписчики могутъ при подпискѣ внести 58 зл. и ежемѣсячно начиная съ 1 февраля по 13 зл. 60 др. (11 мѣсяцевъ).

Подписчики, внесшіе сразу плату за весь годъ впередъ, получатъ особую премію 5 книгъ

Адресъ редакціи см. на оборотѣ.

Эр/821 Лукин, Л.П.
Флот. Рус. моряки
т. 1
сф48244
иллюстр. р
19.10.99 - 23193/81ч
26/2-00-30525/4
27.01.02 - 16058/Сеч
...78/4ч
...126